

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

В.И.Данилов

**7 0 0 0
КИЛОМЕТРОВ
ПО ТУРЦИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.И.Данилов
✠
7 000
КИЛОМЕТРОВ
ПО ТУРЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Редакционная коллегия

И. В. Малаховский (председатель), А. Б. Давидсон,
Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский, Н. А. Симония

Ответственный редактор

Н. Г. Киреев

Данилов В. И.

Д17 7000 километров по Турции. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

160 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Книга посвящена поездке в Турцию в 1971 г. Читатель найдет здесь описание крупнейших турецких городов, наиболее замечательных исторических и архитектурных памятников, рассказ о встречах автора со многими представителями турецкой интеллигенции, а также с деловыми людьми. На основании всего увиденного автор характеризует некоторые политические и социально-экономические процессы, протекающие в современной Турции, советско-турецкое техническое и экономическое сотрудничество.

91

Д $\frac{20901-18}{013(02)-75}$ 134—74

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

ОТ АВТОРА

Рассказать о поездке в Турцию труднее, чем поделиться путевыми впечатлениями о каком-либо экзотическом уголке земного шара, о котором читателю ничего не известно, и потому любые сведения о нем кажутся новыми и интересными.

О Турции в нашей стране известно довольно много. И вместе с тем многое неизвестно. Турция до сих пор сохраняет свои, свойственные только ей контрасты. На п-ове Малая Азия издавна сталкивались восточные и западные ветры и тысячелетиями откладывались следы разных цивилизаций. В современной Турции смешались характерные черты времен султанов и засилья мусульманского духовенства, с одной стороны, а с другой — республики, давно прошедшей этап завоевания политической независимости и создания основ национальной экономики, становящейся на рельсы индустриализации и стремящейся приобщиться к научно-технической революции.

Мне хотелось бы рассказать о некоторых исторических местах и памятниках, характерных чертах и контрастах современной Турции — таких, какими они предстали перед моими глазами. Однако впечатления от поездки в Турцию нельзя ограничить только этим. В политической жизни современной Турции происходят очень интересные процессы. Некоторые турецкие интеллигенты называют их «вторым национально-освободительным движением». Может быть, это и не совсем точно, но приблизительно отражает суть дела: в стране идет ожесточенная борьба между активизировавшимися в конце 60-х годов левыми силами, с одной стороны, и продолжающими сохранять прочные позиции реакционными кругами — с другой. В ходе поездки мне довелось встречаться и беседовать с самыми разными людьми, в

том числе со служащими государственных учреждений, преподавателями университетов, деловыми людьми. Мне представляется интересным поделиться впечатлениями от этих бесед, рассказать об отношении моих собеседников к животрепещущим политическим и экономическим проблемам Турции.

Во время поездки мне довелось побывать на заводах, сооружаемых в Турции при экономическом и техническом содействии Советского Союза, наблюдать, как идет строительство, разговаривать со многими его участниками. Очевидно, небезынтересно будет рассказать, как осуществляется на практике советская экономическая помощь, что она дает Турции и как ее там оценивают.

Вот такой рассказ мне и хотелось бы предложить читателю.

С установлением прямого воздушного сообщения путь от Москвы до Анкары теперь сильно сократился. Два с половиной часа полета — и вы в Анкаре. Географически город оправдывает свое положение столицы: он расположен примерно в центре п-ова Малая Азия. Отсюда начинались и словно веером расходились в разные концы страны маршруты поездок по Турции, которые мне пришлось потом совершить.

Уже по дороге с аэродрома замечаем характерные черты жизни турецкой столицы. При въезде в город на заборах и стенах домов надписи: «Долой империализм!», «Американцы, вон из Турции!», «Да здравствует независимая демократическая Турция!»¹.

По центральной магистрали города — бульвару Ататюрка — проезжаем мимо Анкарского университета. Здание пустынно: университет закрыт из-за студенческих волнений. На стенах метровыми буквами выведены те же надписи, что мы видели в городе...

Музей Ататюрка

Прежде всего мы осмотрели в Анкаре музей Ататюрка. Он находится в Чанкая — официальной резиденции президента республики, на одном из холмов, окружающих центральную часть города.

Путь к Чанкая из центра Анкары пролегает по бульвару Ататюрка, прямой широкой улице, на которой располагается большинство зданий иностранных представительств. Пожалуй, не будет преувеличением ска-

¹ Речь идет о зиме 1971 г., когда левые организации проявили высокую активность в политической жизни.

зять, что каждое из этих зданий — маленький архитектурный уникум. В первые годы республики Кемаль Ататюрк дарил большие участки земли в строившейся и расширявшейся тогда Анкаре иностранным миссиям, и они сами возводили свои здания. Многие из них построены в национальном стиле соответствующих стран.

С высоты холма Чанкая хорошо просматривается вся котловина, в которой лежит Анкара. Мое пребывание в городе пришлось на зимний период, когда трубы домов, имеющих автономное отопление, интенсивно выбрасывают дым от бурого угля, которым отапливается Анкара. Рельеф здесь такой, что ветры не продувают котловину, и зимой над ней постоянно висит большое сизое облако, а в городе потягивает кислым запахом гари.

Но здесь, наверху, в Чанкая, воздух чист и прозрачен. Президентский дворец обнесен невысокой проволочной оградой, ворота охраняются часовыми, а по ровным, утрамбованным дорожкам прохаживаются военные патрули. Однако вход для посетителей на территорию свободный. Дворец — небольшой особняк розового цвета — окружен высокими деревьями и подстриженными зелеными лужайками. В глубине территории — домик «баш явера», главного адъютанта, а чуть поодаль — казармы полка охраны. Такая военная атмосфера не удивительна: ведь нынешний президент Турции в прошлом — генерал турецкой армии. По одну сторону от президентского дворца тянутся роскошные особняки крупных государственных сановников, по другую — полщется на ветру на высоком флагштоке большой звездно-полосатый флаг. Здесь резиденция американского посла в Турции. Здание построено недавно. Оно (а тем более флаг) хорошо видно из окон президентского дворца.

Рядом с дворцом президента — здание поменьше и старого типа. В нем провел последние годы своей жизни первый президент республики — Мустафа Кемаль Ататюрк. Теперь здание превращено в музей. Все здесь стараются сохранить в том виде, как было при жизни Ататюрка. Небольшие скромно обставленные комнаты. Нынешние особняки сановников и дельцов выглядят куда роскошнее.

На втором этаже — кабинет и библиотека. На книж-

ных полках — работы по истории Европы, Балканских стран, многотомная история французской армии. Бросается в глаза большое количество книг по экономике: труды европейских авторов по политической экономии, по связи экономики с политикой, конкретным экономическим вопросам. В последние годы своей деятельности основатель Турецкой Республики уделял много внимания вопросам экономики страны. Это понятно: после завоевания в начале 20-х годов в борьбе с империалистическими державами политической независимости перед Турцией встали сложнейшие проблемы создания и развития национальной экономики. Вокруг этих проблем на протяжении всей истории Турецкой Республики шла борьба различных политических партий и группировок, но многие из них не решены и по сей день.

В Средневосточном техническом университете

Через несколько дней по прибытии в Анкару мы получили приглашение посетить Средневосточный технический университет. Приглашение исходило от профессора Александра Маринчича. Профессор Маринчич приехал в Турцию из Югославии, он — сотрудник ЮНЕСКО и руководитель программы ЮНЕСКО для Средневосточного технического университета.

Накануне нашего визита университет в течение нескольких дней лихорадило от непрерывных студенческих демонстраций. Надо сказать, что в конце 60-х годов студенческие «беспорядки» стали обычным явлением, пожалуй, для всех высших учебных заведений Турции. Редкий день обходился без того, чтобы ведущие газеты страны не сообщали на первых страницах о новых студенческих митингах, бойкотах, стычках с полицией. Высокой студенческой активности способствовали особенности развития внутривосточной обстановки в Турции. После военного переворота 27 мая 1960 года была осуществлена некоторая демократизация общественно-политической жизни. Активизировались левые силы. Развернулась полемика о судьбах развития страны, о путях преодоления экономической отсталости, социальных проблемах, внешней политике. Все

это оказало самое непосредственное влияние на учащуюся молодежь как самую динамичную политическую силу. Студенчество забурлило.

Однако в стане левых не было единства. Наряду с прогрессивными группами, зачастую стоящими на позициях научного социализма, там оказались и буржуазные реформисты, и маоисты. Междоусобная борьба ослабляла левые силы и существенно облегчала для реакции задачу борьбы с ними. Такое положение отразилось и на характере студенческого движения. В университетах, и даже на факультетах, создавались группы и группки, поддерживавшие различные направления в левом движении Турции и ожесточенно боровшиеся за влияние на студенческие массы.

Но вернемся к нашему университету. Мы отправились туда в тот день, когда после долгого перерыва, вызванного студенческими митингами, было решено наконец возобновить занятия. Университет расположен в семи километрах к западу от Анкары. Пейзаж здесь такой же унылый, как и всюду в окрестностях города. Бурые, почти лишенные растительности возвышенности — нечто среднее между холмами и невысокими горами. Вокруг университета, правда, высажены ровными рядами молоденькие елочки, обещающие со временем стать лесом.

К университету ведет прекрасная шоссейная дорога. В связи с волнениями студентов она перекрыта шлагбаумом, у которого постоянно дежурит полицейский патруль. Все следующие в университет лица подвергаются проверке. Лишь наличие на нашей машине эмблемы ООН избавляет нас от полицейского досмотра. На территории университета обращает на себя внимание большое количество полицейских, расположившихся в разных местах группами и в одиночку. Создается впечатление, что он оккупирован полицией.

Собственно университет представляет собой комплекс красивых ультрасовременных зданий (административного, факультетов, библиотеки, студенческого общежития), расположенных в значительном удалении друг от друга и занимающих довольно обширную территорию.

Наша машина остановилась у административного корпуса. Я успел заметить, что на стенах и дверях зда-

ния наклеены многочисленные плакаты с надписями, среди которых были, например, такие: «Долой империализм!», «За независимый Кипр!». Мы поднялись на второй этаж, в кабинет профессора Маринчича, и здесь из справочника по университету узнали, что он основан сравнительно недавно — в 1956 г., причем значительные суммы на его создание выделены ООН. Университет имеет четыре факультета: административных наук, архитектурный, инженерный, общественных и естественных наук, и задуман как центр подготовки научно-технических кадров для стран Ближнего и Среднего Востока, от Пакистана до Африканского континента. Основным языком, на котором ведется преподавание, официально считается английский. При университете имеются курсы английского языка.

Нынешний комплекс зданий Средневосточного технического университета был сооружен в 1962—1963 годах. Он рассчитан на 12 тысяч студентов. В 1970/71 учебном году в университет было принято 1502 новых студента, из них — 1356 турок и 146 иностранцев, причем число подавших заявления о приеме составило около 13 тысяч. Как видим, конкурс был довольно большой. Всего в 1971 году в университете обучалось 6800 студентов, а профессорско-преподавательский штат составил 779 человек, из которых 20 процентов приглашены из-за границы, в том числе по линии ЮНЕСКО. Таким образом, университет является крупнейшим учебным и научным центром в масштабах не только Турции, но и всего региона.

Профессор Маринчич рассказал, что в 1966—1970 годах около шести миллионов долларов на содержание университета было предоставлено Турцией, а полтора миллиона долларов — ЮНЕСКО и некоторыми другими органами ООН. Различные суммы поступили также от НАТО, СЕНТО, от ряда стран, например ФРГ, Голландии, и от некоторых специальных фондов, таких, как Фонд Фулбрайта, Фонд Форда и др. Доля Турции в содержании университета постоянно растет, и он становится все более «турецким». Это видно и из соотношения числа турецких и иностранных студентов: на иностранцев приходится лишь 10 процентов.

Стремление находящихся под эгидой США военных блоков и частных капиталистических фондов под-

кармливать университет объяснимо: они хотели бы контролировать процесс подготовки кадров интеллигенции для столь интересующего их региона. Однако сложилось парадоксальное положение. Университет, получающий существенную финансовую дотацию с Запада, стал оплотом левой молодежи и местом интенсивных антиамериканских выступлений. Преподаватели, с которыми я беседовал, утверждали, что подавляющее большинство студентов (по их словам, 90—95 процентов) — левые. Правда, и здесь сталкиваются самые различные левые течения. На стенах в студенческом общежитии — портреты Маркса, Че Гевары, Мао Цзэ-дуна. Многие студенты имеют оружие.

Между тем близилось время начала занятий, а студентов, направляющихся в аудитории, что-то не было видно. Но наконец они появились — у студенческого общежития, расположенного в некотором отдалении от остальных зданий, показалась большая колонна демонстрантов. Впереди несли огромный турецкий флаг, за ним — транспаранты с надписями. Количество участников шествия составляло две-три тысячи человек. Ясно было, что демонстрация подготовлена заранее.

Колонна студентов медленно двигалась к ректорату. Полицейские засуетились. У ректората участники демонстрации начали громко скандировать: «Долой жандармов!», «Университету — самоуправление!», «Долой американцев!». Часть демонстрантов вошла в здание, где начался митинг. Тем временем прибыли машины с полицией. Полицейские плотным кордоном окружили административный корпус, блокировали территорию университета.

Со второго этажа ректората было слышно, как выступавшие на митинге ораторы требовали удаления из университета полиции. Эти требования встречались возгласами одобрения. Стоя у окна, я наблюдал, как студенты взрывали бомбы, дым от которых стлался по земле, и разряжали в воздух свои пистолеты. Как-то трудно было поверить, что у студентов настоящее оружие; казалось, что детские хлопушки и пугачи. Однако мои собеседники — преподаватели университета — рассеяли мои сомнения, сказав, что студенты пользуются боевым оружием и боевыми патронами, и посоветовали отойти от окна.

Тем временем накал демонстрации несколько спал. Участники митинга приняли решение бойкотировать занятия до удаления полиции. Со своей стороны, ректорат, как стало известно, решил закрыть университет на неопределенный период. Так неожиданно закончилось наше посещение этого учебного заведения. Мы оказались очевидцами крупной студенческой манифестации. В ходе посещения университета у нас завязалась беседа с группой молодых преподавателей, которые проявили к нам большой интерес и пригласили побывать у них еще раз.

Второе наше посещение Средневосточного технического университета состоялось через несколько дней. На этот раз вокруг царила тишина: ведь занятия были прерваны. На лужайке группа студентов, судя по возрасту с младших курсов, с увлечением гоняла футбольный мяч. Видимо, их не очень удручала пауза в занятиях.

Мы и наши турецкие собеседники направились к факультету административных наук, где нас принял декан факультета — профессор Яшар Гюрбюз, молодой энергичный ученый, видимо уделяющий много внимания студенческим проблемам. Декан заметил, что студенты, как правило, тяготеют к крайним политическим течениям, причем подавляющее большинство их (как нам уже говорили раньше) принадлежат к левым и крайне левым.

В последние годы изменился социальный состав студентов университета. Раньше обязательно нужно было знать английский язык, а обучение на английских курсах при университете стоит дорого, так что практически недоступно для молодых людей из малоимущих семей. Теперь обучение на курсах английского языка необязательно, преподавание ведется и на турецком языке. Поэтому ныне значительную часть студенчества составляют выходцы из средних слоев населения. Именно с этим, продолжал декан, связано резкое повышение политической активности студенческой массы.

У студентов нет единой организации, они разобщены, поэтому с ними трудно договариваться по вопросам, касающимся университетских порядков. Однако, добавил профессор Гюрбюз, такие вопросы мало значат для студенческого движения. В основном студенче-

ство волнуют социальные и политические проблемы, общие для страны.

Поблагодарив декана, переходим в кабинет одного из пригласивших нас преподавателей. В университете большинство профессоров и преподавателей имеют свои кабинеты, где они проводят рабочий день, независимо от того, есть у них в этот день занятия или нет. По пути обращаем внимание на неокрашенные стены. «Так легче смывать студенческие плакаты», — поясняет один из преподавателей.

Наши собеседники проявили большой интерес к различным сторонам жизни Советского Союза. Выяснилось, что один из них работает над темой «Опыт коллективизации и индустриализации в СССР». В свою очередь, наши хозяева поделились с нами своими взглядами относительно некоторых политических и экономических проблем Турции. Они отметили, например, интересные процессы, происходящие в крупнейшей политической партии Турции — Партии справедливости². Известно, что эта партия представляет интересы промышленной и торговой буржуазии и помещиков, но она сумела привлечь на свою сторону значительную часть крестьянства, составляющего основную массу населения, в частности, тем, что поддерживала строительство местных дорог, оросительные и некоторые другие работы по благоустройству сельской местности. Кроме того, Партия справедливости активно использует религию в политических целях, в частности для привлечения крестьянства, остающегося глубоко религиозным.

Сейчас в партии, как заявили наши хозяева, происходит процесс концентрации власти в руках промышленной буржуазии. Это выражается в выделении больших ассигнований на промышленность, в снижении цен на сельскохозяйственную продукцию. Последнее неизбежно ведет к падению престижа партии среди крестьянства. Что касается помещиков и торговой буржуазии, то они потянулись к недавно возникшей Демократической партии. Исключение составили лишь крупные курдские землевладельцы на востоке страны. Они значительно

² Эта партия была правящей до меморандума военного командования 12 марта 1971 г. После парламентских выборов в октябре 1973 г. она оказалась на втором месте после НРП по числу полученных депутатских мест.

отстают от средне- и западноанатолийских помещиков в овладении капиталистическими методами ведения хозяйства, сохраняют в основном феодальные способы эксплуатации, а потому чувствуют себя менее уверенно и предпочитают поддерживать правящую партию, чтобы иметь твердую опору и сохранять свое влияние в массе курдского населения.

Наши собеседники коснулись и некоторых экономических вопросов. Так, они отметили, что пятилетние планы развития³ в общем способствуют экономическому подъему, но планирование во многом остается иллюзорным, носит ограниченный характер в условиях капиталистической действительности. Говорили они и о процессе концентрации крупного частного капитала, который стремится монополизировать те или иные области экономики. Есть ли в Турции монополии? Да, в Турции возникают монополии, причем особенно интенсивно, как считают наши турецкие коллеги, этот процесс стал происходить с середины 60-х годов, то есть после прихода к власти Партии справедливости. Однако эти монополии трудно назвать национальными, так как они являются частями международных монополий, тесно связаны с ними, а вернее сказать — подчинены им.

Международные монополии продолжают «осваивать» турецкую экономику. Особую активность при этом проявляет западногерманский капитал, который кое-где занимает место американского. Американские компании крайне непопулярны в Турции. В связи с этим наблюдается интересное явление. Американский капитал иногда пытается проникать в Турцию через ФРГ, под видом западногерманского.

Первостепенное значение приобретает ныне для Турции проблема индустриализации. В связи с этим наши собеседники замечают, что западные страны способствуют созданию сборочной промышленности. Но это отнюдь не индустриализация. Создание промышленных предприятий по сборке изделий из готовых деталей и узлов, импортируемых с Запада, фактически ведет к усилению зависимости от иностранных фирм, иностранного капитала.

³ Первый пятилетний план осуществлялся в 1963—1967 и второй — в 1968—1972 гг.

Поскольку мы из Советского Союза, разговор, естественно, не может обойти такую злободневную сейчас в Турции тему, как советско-турецкое экономическое сотрудничество. Строительство при содействии СССР ряда промышленных предприятий — весомый вклад в решение проблемы индустриализации. Осуществление на деле экономического сотрудничества, отмечают турецкие ученые, помогает разрушить некоторые фетиши, неправильные представления о социализме, о социалистической системе хозяйства, насаждавшиеся в массах.

Экономическое сотрудничество с Советским Союзом опирается на государственный сектор. Именно с ним патристические слои турецкого общества связывают укрепление независимой национальной экономики, именно в госсекторе воспитываются и концентрируются национальные административные и технические кадры, которым придется решать эту задачу.

Формы помощи? Самое лучшее — долгосрочный кредит на сооружение крупных промышленных объектов с оплатой в товарах традиционного турецкого экспорта. Именно такой кредит и был предоставлен Советским Союзом по соглашению 1967 года. Наши собеседники прямо говорят, что советский кредит — «джан куртара» («спасительный») для Турции.

В университете мне довелось побеседовать с молодым ассистентом — вчерашним студентом, одним из руководителей университетской организации «Дев-генч»⁴. Он подчеркнул, что «Дев-генч» пользуется большой популярностью среди студенческой молодежи вообще и Средневосточного технического университета в частности. «Раньше, — сказал мой собеседник, — мы ориентировались на Рабочую партию Турции, но потом, когда увидели, что она, как и другие политические партии, стремится завоевать голоса избирателей и действовать парламентскими методами, отошли от нее. Мы хотим больше революционной активности, поэтому действуем самостоятельно!»

Такое настроение в общем характерно не только для

⁴ Сокращенно от «Девримджи генчлик», что в переводе с турецкого означает «Революционная молодежь». Так в Турции обычно называют Федерацию революционной молодежи — крайне левую молодежную организацию, запрещенную вскоре после прихода к власти правительства Нихата Эрима.

студенческой молодежи, но и для части интеллигенции. С одной стороны, здесь — патриотизм, глубокая озабоченность судьбой своей страны и стоящими перед нею проблемами, с другой — увлеченность псевдореволюционной фразой. И в наших беседах с молодыми преподавателями проскальзывало их явное пристрастие к представлениям и идеям из арсенала маоизма. Конечно, в самой Турции существует питательная среда для такого рода идей, это — среда мелкой буржуазии и близкой к ней интеллигенции. Вместе с тем привлекает внимание изрядное количество литературы, способствующей популяризации в стране маоизма. Уже позже, в беседе с одной студенткой Анкарского университета, мы вновь коснулись этой темы. Девушка подтвердила, что маоизм распространяется среди студентов, причем у них складывается такое убеждение, что он довольно энергично проникает в Турцию извне.

И все-таки основным в политической активности студенчества является ее антиимпериалистическая направленность. Острые большинства студенческих выступлений направлено против американского империализма и тех реакционных сил внутри страны, которые его поддерживают. В этом мне во время пребывания в Турции неоднократно приходилось убеждаться.

Дом, в котором мне довелось жить в Анкаре, находится неподалеку от здания американского посольства. В любое время можно было видеть, как вокруг него прохаживается полицейский наряд. Вообще-то здания иностранных представительств в Анкаре не охраняются полицией. Исключение, как мне сказали, составляет лишь посольство США. Полицейскую охрану я видел потом и у американского информационного центра на бульваре Ататюрка. Объясняется же это тем, что именно сюда, к этим зданиям, чаще всего приходили выражать свое возмущение участники студенческих демонстраций.

Иногда в городе раздавались взрывы. Потом из газет мы узнавали, что бомба взорвалась в одном из американских учреждений. Однажды сильный взрыв раздался всего в нескольких кварталах от нас, и на другой день, проходя по проспекту Вали Решиды, я увидел внушительных размеров пробоину в стене здания американского культурного центра.

Недовольство американским присутствием в стране выражают не только студенты. Вспоминается в связи с этим беседа с одним майором турецкой армии, который с присущей военным прямоотой сказал, что нынешняя многопартийная система не обеспечивает демократии в Турции. «Пример, по которому мы создаем свою демократию,— сказал он,— оказался плох. Пример этот — американская «образцовая демократия», которая, как мы все видим сегодня, основана на насилии и политических убийствах. Мы у себя в Турции не хотим такой демократии».

* * *

За время пребывания в Анкаре мне довелось посетить несколько учреждений как государственного, так и частного сектора. Беседы там вращались, как правило, вокруг общих проблем страны (политических и экономических), а также конкретной деятельности данных учреждений.

В Турецком электрическом обществе

Нас принял директор отдела электростанций господин Фикрет Онджель — серьезный, глубокий человек, тщательно взвешивающий свои слова.

Раньше энергетика страны находилась в ведении Этибанка. Теперь она выделена и имеет самостоятельное ведомство — Электрическое общество. Общество является государственной организацией, весь его капитал принадлежит госсектору.

Ныне, сказал наш хозяин, есть все основания для развития сотрудничества между нашими двумя странами. Каждый шаг в направлении улучшения отношений между Востоком и Западом, в направлении разрядки международной напряженности благоприятно влияет и на улучшение политических и экономических отношений между нашими странами. «Все это,— подчеркнул господин Онджель,— я говорю и как официальное лицо, и как представитель турецкой интеллигенции».

В области энергетической промышленности, в частности строительства электростанций, в Турции непоча-

тый край работы. Совсем недавно открыты колоссальные залежи бурого угля близ небольшого городка Эльбистан в Центральной Анатолии. «В связи с этим у нас,— продолжал свой рассказ господин Онджель,— обширные планы, и прежде всего по организации разработки этих залежей и строительству крупной тепловой электростанции. Вообще строительство тепловых электростанций для нас предпочтительнее, чем гидравлических, так как оно занимает меньше времени, да и обходится дешевле...

...Начинаем мы интересоваться и такой областью, как создание атомных электростанций. Сырьевая база для этого есть — в Турции открыто месторождение урана. Но здесь перед нами как развивающейся страной встают особые трудности.

Для осуществления всех этих планов нужны средства — и в этом наша проблема. У нас в Турции хватает рабочих рук, за рабочей силой дело не станет. Гораздо сложнее обстоит дело с квалифицированными специалистами. У нас есть, конечно, свои инженерно-технические кадры. Но тут встает вопрос, как их заинтересовать в работе на стройках на периферии. Многие не хотят уезжать из Анкары, а мы не располагаем такими возможностями в создании им достаточно выгодных условий, какими располагают частные фирмы. Но главное в том, что технических кадров не хватает, а во многих отраслях мы их просто не имеем. Мы серьезно нуждаемся в технической помощи — и в этом тоже наша проблема».

В заключение беседы господин Онджель выразил свое убеждение в том, что экономическое сотрудничество с Советским Союзом в ведущих отраслях промышленности должно сосредоточиваться в государственном секторе Турции.

Деловой банк

Деловой банк Турции — один из краеугольных камней частного бизнеса. Мы — в уютном, со вкусом обставленном кабинете начальника отдела экономических исследований банка Эрала Тюркера. Элегантная люстра, низкий столик, мягкие кресла, вдоль стен — книжные полки с экономической литературой. Хозяин кабинета —

довольно молодой энергичный человек. Его радушие и искренность располагают к себе. Чувствуется, что он преуспевает в жизни и пользуется ею со вкусом. У него собственная автомашина марки «анадол» (первый автомобиль, производимый в Турции). К слову скажем, что автомобиль в Турции стоит очень дорого и купить его может далеко не всякий.

Эрол Тюркер не без гордости сообщает нам, что 33 процента всех капиталов банка принадлежат его служащим. 19 процентов банковского капитала принадлежат Народно-республиканской партии. Этот вклад сделан лично Кемалем Ататюрком. Проценты с вклада идут на содержание двух научных обществ — исторического и лингвистического, сам же он остается неприкосновенным, согласно распоряжению вкладчика. 12 процентов капитала банка принадлежат государству, остальные 36 процентов — различным частным организациям и отдельным лицам.

На долю Делового банка приходится 25 процентов всех банковских вкладов страны и 15 процентов всех кредитов. По своему капиталу и операциям банк занимает второе место в Турции после Сельскохозяйственного банка, который принадлежит государству.

Сферой деятельности банка является в основном промышленность. «Мы,— говорит Эрол Тюркер,— производим кредитование почти всех отраслей промышленности, но стараемся избегать таких областей, как, например, горнорудная промышленность и морской транспорт. Почему? Мы делали попытки, и они убедили нас в том, что это просто невыгодно».

В оценке места государственного и частного секторов в экономике страны у нашего собеседника явно проявляется подход представителя частного капитала. По его мнению, вес обоих секторов в хозяйстве Турции примерно одинаков. «Конечно, политика сосуществования государственного и частного секторов, так называемой смешанной экономики, будет проводиться еще многие годы. Однако уже сейчас частный сектор достаточно силен, чтобы производить капиталовложения и в инфраструктуру, но государство этого не поддерживает. Государство должно лучше руководить частным сектором» (подразумевается: предоставлять ему больше простора и более благоприятные условия для деятельности).

Наш собеседник старается быть объективным, критикует некоторые стороны частного предпринимательства. Например, он считает, что слишком много частных капиталовложений идет в жилищное строительство. Казалось бы, это неплохо, но строятся в основном дома люкс для богатых людей, а это не способствует решению остро стоящей жилищной проблемы. Вместе с тем частный капитал не столь охотно идет в промышленность. Государство ныне добивается сокращения притока частного капитала в строительство жилых домов люкс и принимает меры к тому, чтобы направить его в сферу промышленного производства. Эти меры оказываются эффективными: уже наблюдается тенденция увеличения частных вложений в промышленность.

Что касается иностранного частного капитала, то он, по мнению Эрала Тюркера, неохотно идет в Турцию в связи с неустойчивостью политической обстановки, из-за боязни внутривнутриполитических осложнений. Место его в экономике страны невелико. Сотрудничество с иностранными фирмами может быть полезно в том смысле, что эти фирмы приносят «ноу хау», то есть технический опыт. Поэтому, как считает Э. Тюркер, такого рода сотрудничество следует развивать в тех областях, где Турция больше всего нуждается в техническом содействии, например в электронике.

Разговор заходит о советско-турецком экономическом сотрудничестве. Здесь нашего хозяина, разумеется, больше всего занимает аспект участия частного сектора в этом сотрудничестве. Он высоко оценивает уже имеющийся опыт в этой области — строительство при содействии Советского Союза стекольного завода в Чайирова, близ Стамбула, который находится в ведении Делового банка. Господин Тюркер убежден, что такое сотрудничество надо развивать исходя из его экономической целесообразности, а не из политических соображений. По мнению нашего собеседника, сотрудничество с частным сектором в условиях Турции может осуществляться как в форме двусторонних торгово-экономических контактов с турецкими частными фирмами и организациями, так и в форме участия в смешанных акционерных обществах⁵.

⁵ Капитал смешанных обществ составляется, как правило, из следующих компонентов в разных пропорциях: турецкого госу-

К оценке политической обстановки в стране наш собеседник подходит с позиций человека, у которого дела идут неплохо, но которому хотелось бы, чтобы они шли еще лучше. Основным препятствием к созданию устойчивой обстановки в стране, считает он, является наличие крайне правого и крайне левого политических течений. Крайне правые представлены в основном религиозными фанатиками, вроде секты нурджистов. Крайне левые — это студенты-анархисты, которых поддерживают некоторые политические организации.

Такая оценка политической ситуации в общем характерна для основной массы турецкой буржуазии и прилегающей к ней части интеллигенции: нейтрализовать возмутителей спокойствия — крайне правых и крайне левых — и оставить в неприкосновенности «золотую середину» — буржуазный порядок, обеспечивающий все условия для капиталистической деятельности. При этом формально уделяется одинаковое внимание обоим «крайним» течениям, на самом же деле основные усилия направлены на борьбу против «крайне левых»: ведь именно они угрожают существующему порядку.

Беседа коснулась и политической активности армии. Об этом сейчас много говорят и пишут в Турции, так как армия в последние годы выдвинулась на авансцену политической жизни. «В армии,— говорит Эрол Тюркер,— сейчас есть сторонники разных политических направлений, в том числе и крайних. Возможность прямого военного вмешательства не исключена, но вряд ли какой-либо группе офицеров удастся выступить обособленно, в своих интересах. Если армия выступит, то она выступит как единое целое. А армия в целом (надо понимать, военное командование.— В. Д.) занимает умеренную позицию».

События, последовавшие через месяц с небольшим после этой беседы, а именно меморандум военного командования от 12 марта 1971 года и отставка правительства С. Демиреля, в общем подтвердили прогнозы нашего собеседника. Армейское командование твердо заняло позицию поддержки «золотой середины» — суще-

дарственного капитала, турецкого частного капитала и иностранного капитала, поступающего как по линии государства, так и частных фирм.

ствующего порядка — и гневно выступило против «крайних» политических течений. На деле, однако, это выглядело так, что «крайне правым» лишь слегка погрозили пальчиком, а против «крайне левых» приняли весьма крутые меры.

В Госплане Турции

Государственная плановая организация занимает отдельное современного типа здание на бульваре Ата-тюрка. Это учреждение играет важную роль в социально-экономической жизни Турции. Госплан был создан в сентябре 1960 года, то есть вскоре после государственного переворота, и сосредоточил в своих руках важные функции. Он дает рекомендации для определения социальной и экономической политики государства, непосредственно занимается планированием экономики, координацией деятельности государственного и частного секторов, внутренним и внешним кредитованием. Через Госплан проходят не только государственные кредиты, но и все крупные кредиты, получаемые частными турецкими фирмами из-за рубежа.

Мы беседуем с начальником Управления развития и координации Госплана господином Муаммером Далмаджи и начальником отдела иностранного капитала (он входит в это Управление) господином Ахмедом Сельчуком. Чувствуется, что наши собеседники не склонны к общим фразам, они заняты конкретными делами и хотят говорить о них. Экономическое сотрудничество с социалистическими странами, в том числе с Советским Союзом, — это уже не благое пожелание, а реальный факт. Оно развивается и ставит в повестку дня конкретные вопросы, которые надо решать.

Экономическое сотрудничество в форме предоставления кредита — дело уже апробированное. Турция благодарна Советскому Союзу за предоставленный кредит. «Мы приветствуем и поощряем также, — говорят наши собеседники, — заключение с советскими организациями сделок на коммерческой основе по продаже нам комплектного оборудования для промышленных предприятий. Экономическое сотрудничество должно быть взаимовыгодным. Поэтому мы стараемся трезво оценивать наши возможности по оплате кредитов».

«Расширяющееся экономическое сотрудничество с социалистическими странами заставляет нас думать,— продолжают Муаммер Далмаджи и Ахмед Сельчук,— о новых конкретных формах осуществления этого сотрудничества. Здесь мы имеем в виду, в частности, создание смешанных акционерных обществ по освоению наших природных ресурсов и по строительству промышленных предприятий. Конечно, существует разница в социально-экономических системах, юридических нормах между нашими государствами, и это создает определенные трудности. Но мы надеемся, что они преодолимы, и залогом тому служат уже достигнутые успехи в развитии сотрудничества между нашими странами».

«Сейчас мы в гораздо большей мере, чем раньше, уделяем внимание социально-экономическому планированию с учетом особенностей и нужд экономико-географических районов Турции. Особое наше внимание привлекают наиболее отсталые в социально-экономическом отношении восточные районы страны. В целях привлечения частного капитала в восточные районы, причем именно в сферу промышленности, мы установили ряд льгот, в том числе понижены таможенные пошлины и налоговые сборы на капиталовложения в промышленность востока страны. Нашими планами предусматривается строительство здесь нескольких промышленных предприятий, в том числе текстильных и пищевых. Но это дело непростое, так как связано с комплексом проблем, таких, как обеспечение энергией и строительство дорожной сети».

М. Далмаджи и А. Сельчук остановили свое внимание еще на одном районе Турции — Черноморском. Этот район является сравнительно развитым экономически. Здесь довольно высокая плотность населения, имеются залежи полезных ископаемых, что создает возможность развития горнодобывающей промышленности. На Черноморском побережье Турции предполагается строительство нефтеперерабатывающего завода, который должен работать на импортной нефти. Учитывая все это, а также близость Советского Союза и выгодность морского транспорта, Черноморский район, заметили наши собеседники, представляет интерес как возможное место развития советско-турецкого экономического сотрудничества.

Заботы мелкого буржуа

В Турции сегодня много говорят о средних слоях. Мелкие производители города и деревни, мелкие торговцы — это немалая сила в экономике, сила, которая упорно пробивает себе путь в политику, выходит на передний план политической жизни.

На площади Улус стоит большое прямоугольное здание без окон. Внутри оно заполнено магазинами и магазинчиками (нечто вроде пассажа). На верхних этажах почище; там магазины крупнее, товары моднее и цены соответственно выше. В полуподвальном и подвальном этажах — лавчонки попроще и цены пониже. Заходим в одну из них. Хозяин — молодой мужчина — услужливо мечется от одного покупателя к другому. Поняв, что мы не местные жители, он проявляет к нам повышенный интерес, затевается разговор. Хозяин рассказывает о себе. Совсем недавно он жил в провинции, в 200 километрах от Анкары. Потом уехал в Западную Германию на заработки. «Приедем, — говорит он, — там достается самая тяжелая работа. Мне лично пришлось работать на шахте. Жалованье сравнительно невысокое, поэтому, чтобы скопить денег, пищу готовили сами, одевались кое-как... За два с половиной года скопил около тридцати тысяч лир, вернулся домой и вот, как видите, открыл собственное дело — торговлю галантерейными товарами».

Хозяин лавки одновременно был в ней и единственным продавцом. Не нужно было обладать особой наблюдательностью, чтобы понять, что приходилось ему тяжело: с раннего утра до позднего вечера — в душной, пыльной лавчонке, ничуть не легче, чем рабочему в мастерской или на фабрике. Казалось бы, он такой же трудящийся. Но это только одна сторона, другая же — в его крепкой привязанности к своей собственности.

В разговоре с владельцем лавки рассуждения о двойственности мелкого собственника-торговца, ремесленника или крестьянина представляли перед нами не отвлеченно, а в виде живого примера. Как трудящийся, работающий много и тяжело, он недоволен своей судьбой и порядком, который не обеспечивает ему сносной жизни; как собственник, он обманывается мыслью, что работает на себя, и готов работать вдвое больше в надеж-

де, что существующий порядок даст ему возможность разбогатеть и выбиться в люди.

В маленьком магазинчике в центре города я разговорился еще с одним торговцем. Здесь, на бульваре Ататюрка, близ площади Кызылай, расположены самые дорогие магазины. Их великолепные витрины выходят на бульвар. Однако цены здесь далеко не всем по карману. К услугам менее взыскательного покупателя, с кошельком потоньше,—лавки в примыкающих к бульвару переулках. Вот в одной из таких лавок и состоялся наш разговор. Хозяин — пожилой мужчина с озабоченным лицом. В работе ему помогает сын-подросток.

«Мелкому торговцу,—говорит мой собеседник,—очень тяжело. Налоги высоки, приходится много платить за аренду помещения. Вообще деловая жизнь, да и мелкая торговля, страдают из-за неустойчивости внутривнутриполитического положения (он так и сказал! — В. Д.). Выручка мала, и многие из нас, мелких торговцев, не выдерживают борьбы — разоряются...»

ЖЕМЧУЖИНА СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

В Измир летим на самолете. Авиалиния Анкара — Измир — одна из самых оживленных; ее обслуживают недавно приобретенные американские реактивные «дугласы — дакоты».

В аэропорт приезжаем рано утром. Правилами предусмотрено прибытие за час до отправки самолета, однако, как мне пришлось убедиться, правило это в Турции никто не соблюдает. Посадка пассажиров начинается за полчаса, а то и минут за двадцать до вылета.

На этот раз отправка самолета задерживается: аэродром окружен густым, белым, как молоко, туманом. Туман настолько плотен, что кажется, никакая сила не в состоянии его рассеять.

Тем временем в аэропорт прибывают новые партии пассажиров. В центре зала прямо на полу расположилась большая группа. По внешнему виду, одежде они значительно отличаются от основной массы ожидающих, чувствуется, что они приехали из глубокой провинции. Они терпеливо ждут своего рейса. Выясняется, что это паломники, направляющиеся в «святые места» мусульман, в Мекку. Оказывается, летом и осенью паломничество — хадж — было запрещено из-за эпидемии холеры, и лишь недавно снова разрешили поездки в «святые места». Толпа паломников довольно многочисленна. Точно такую же большую группу паломников мы видели позже в измирском аэропорту. Для них организуются специальные рейсы. Хадж в Мекку стоит дорого. Говорят, религиозные крестьяне годами копят на хадж деньги, чтобы оставить их потом в «святых местах».

Наши опасения остаться в Анкаре из-за тумана оказались напрасными. Едва солнце поднялось выше, туман растаял буквально на глазах. Измир же встретил нас

теплой солнечной погодой. Сразу почувствовалось, что мы не в Центральной Анатолии, а на побережье Эгейского моря.

Измир расположен в глубине Измирского залива, вдающегося на несколько десятков километров в материк. Основная часть города находится на южном берегу залива. Напротив, на северном берегу, находится район города Каршияка. Раньше он представлял собой нечто вроде пригорода, но теперь там широко развернулось жилищное строительство и он стал полноправной частью города. Район Каршияка соединен с центром города прекрасной автострадой, построенной совсем недавно. Основная часть города и район Каршияка составляют как бы две оконечности подковы, охватывающей залив, а центральная ее часть — основание залива — занята в основном портовыми и складскими сооружениями и промышленными предприятиями.

Над основной частью города господствует гора. Город как бы спускается вниз к заливу по ее довольно крутому склону. На вершине горы — древнегреческая крепость. Теперь там сооружен маяк и гордо реет турецкий флаг. Как утверждают справочники, крепость (Кадифекале) была построена по приказу Александра Македонского. Стены крепости сложены из красного кирпича и очень хорошо сохранились. Приходится лишь изумляться прочности и долговечности кирпичной кладки древних времен.

С крепостной стены открывается великолепный вид на город. Сверху он очень красив. Действительно, Измир можно уподобить жемчужине, вкрапленной в Эгейское побережье. Преобладают здания светлых тонов. В северной части города — большой зеленый массив Парка культуры, где ежегодно проводятся получившие широкую известность международные ярмарки, в которых регулярно и с большим успехом участвует Советский Союз.

Самые фешенебельные отели и дорогие частные дома сосредоточены на набережной. Иметь квартиру на набережной, откуда открывается вид на залив, могут позволить себе только очень состоятельные люди. По вечерам вдоль набережной мягко шуршат шинами дорогие лимузины американского и европейского производства, прогуливается нарядно одетая публика, призывно и за-

гадочно мерцают огни над дверями ресторанов, кабаре, ночных клубов. В некоторых из таких кабаре, между прочим, выступают лучшие артисты страны.

Нас пригласили посмотреть концерт-шоу в одном из кабаре. Кабаре размещается в новом здании в стиле модерн на самом берегу Измирского залива. Позже мне довелось еще раз побывать на подобном шоу, и я убедился, что программа их составляется довольно стереотипно. Выступают исполнительница эстрадных песен в сопровождении джаза, затем одна-две танцовщицы, причем непременно и, надо сказать, с незаурядным искусством исполняется традиционный танец живота. На смену танцовщицам выходит исполнительница турецких народных песен, и я был поражен, с каким мастерством и вдохновением исполняются эти песни. После всего на сцене остается оркестр народных инструментов, который наигрывает национальные мелодии. Присутствующие при этом подпевают.

Обстановка для концерта не совсем благоприятная. Подвыпившие зрители за столиками шумят и просто мешают артистам. Мы наблюдали такую сцену: танцовщица исполняла танец, когда из-за одного столика поднялся парень, вышел на площадку и присоединился к ней. Она охотно приняла партнера. Спустя некоторое время парень остановился, сунул танцовщице за корсаж крупную денежную ассигнацию и спокойно пошел на свое место. Артистка была явно шокирована и бросила деньги на пол.

Стандартный репертуар шоу составляется с таким расчетом, чтобы и отдать дань «западной цивилизации», и не оставить забытым национальное искусство. Конечно, так не везде. Есть и низкопробные ночные клубы, где, судя по афишам, выступают сомнительного качества местные «звезды» и гастролеры из-за рубежа.

К югу город вытягивается узкой линией вдоль берега залива. Здесь сосредоточены частные пансионаты и школы. Здания ультрасовременного типа перемежаются с домами времен Османской империи. Для этих домов характерны выступающие на втором этаже своеобразные лоджии. Еще дальше улица переходит в пригород, где вдоль берега выстроились виллы и особняки, построенные на самый разный манер и вкус. Еще дальше начинаются пляжи.

Чуть выше всего этого великолепия, на склонах прибрежных гор,— царство убогих лачуг городской бедноты. Однако теперь и здесь вовсю развернулось строительство. Выше проложена вдоль берега вторая, параллельная улица. Новые шести-восьмизэтажные жилые дома соседствуют на ней со старыми жалкими постройками, с кучами мусора, свалками, рядами маленьких мастерских — «атолье», как их здесь называют. Очевидно, что вновь отстроенные красавцы-дома предназначены отнюдь не для обитателей снесенных лачуг, которым приходится перебираться на более далекие окраины города.

В гостях у турецкого писателя

В Измире мы побывали у известного турецкого писателя Самима Коджагёза, автора ряда реалистических произведений о жизни турецкой деревни. Он живет в Каршияка, в маленьком доме, окруженном садом. Еще несколько лет назад здесь, видимо, было очень тихо, а теперь со всех сторон громоздятся многоэтажные домовостройки.

Самим Коджагёз оказался очень любезным, обаятельным собеседником. Узнав, что мы из Москвы, он интересовался новыми работами советских туркологов, многих из которых он знает по именам, рассказывал о своей работе, своих творческих планах. Сам он происходит из семьи землевладельца, который жил в сельской местности неподалеку от Измира.

Разговор наш касался не только творчества писателя, но и некоторых вопросов политического положения в стране, прежде всего деятельности левых сил, прогрессивной интеллигенции. Некоторое время Самим Коджагёз являлся членом Рабочей партии Турции, но потом вышел из нее в связи с возникшими в партии разногласиями. Писатель очень высоко оценивал деятельность ДИСКА — левого профсоюза турецких рабочих. Он отметил положительную роль этого профсоюза в политической организации рабочих. «Характерным для офицерства, проявляющего политическую активность,— отметил писатель,— является то, что свои политические взгляды оно формирует не изолированно, а в контакте с интеллигенцией».

Речь зашла и о студенческом движении. И здесь Самим Коджагёз оказался осведомленным собеседником: у него два сына, и оба — студенты. Старший учится в частном архитектурном институте, младший — в лицее. «Теперь уже никто не отрицает,— сказал наш хозяин,— что студенческие выступления занимают большое место в политической жизни».

Я заметил, что, судя по материалам турецкой печати и по моим предыдущим наблюдениям и беседам, в студенческом движении можно выделить две стороны, касающиеся собственно вопросов образования и проблем страны — социально-экономических и политических. Присутствовавший при разговоре старший сын писателя заявил, что он полностью согласен с этим.

«Нас, студентов,— сказал он,— естественно, волнуют наши собственные проблемы. Мы выступаем, в частности, за то, чтобы на заседаниях руководящего совета вуза присутствовали представители студентов, чтобы они участвовали в решении вопросов, связанных с процессом обучения. Студенчество борется также за действительное самоуправление высших учебных заведений. Вместе с тем оно не стоит в стороне и от общенациональных проблем, которые в значительной степени определяют характер студенческих выступлений».

Была затронута и проблема частных вузов, которая остро стояла в стране в 1970 — начале 1971 года. Дело в том, что в высших учебных заведениях Турции, как правило, очень большой конкурс для поступающих. В частных вузах конкурс был значительно ниже, так как там была высокая плата за обучение. В таких условиях частные вузы стали спасительным местом для тех, кто имеет достаточные средства, то есть они были выгодны состоятельным слоям общества. С другой стороны, частные учебные заведения усугубляли социальное неравенство в системе образования. Ведь далеко не все имеют материальные возможности обучаться даже в государственных вузах, не говоря уже о частных. Вот почему студенческие массы стали требовать ликвидации частных учебных заведений, превращения их в государственные. Это требование стало лозунгом многих бурных студенческих демонстраций. Вопрос встал настолько остро, что им вынуждено было заняться правительство, а это вызвало определенное недовольство тех, кто

был заинтересован в сохранении частных учебных заведений¹.

Услышав о нашем желании посетить Эгейский университет, Самим Коджагёз назвал нам имя своего друга — профессора Мухиттина Алама — и сказал, что тот мог бы содействовать нам в этом.

В Эгейском университете

На следующий день мы, как хотели, отправились в университет, на факультет экономики и торговли, где преподает профессор Алам. Раньше это была Академия экономики и торговли, затем присоединена к университету на правах факультета. Факультет располагается в прекрасном здании, выстроенном несколько лет назад.

«Беспорядков» в этот день не было, занятия шли нормально. Однако все стены и окна здания были оклеены плакатами и покрыты надписями. Они красноречиво говорили о настроениях студенчества, и мне хочется привести некоторые из них: «Долой американских империалистов!», «Американцы, вон из Турции!», «За независимый демократический университет!», «Свобода и независимость!», «Долой реакцию!», «Объединяйтесь!», «За быстрый экономический подъем», «Мы против голода и нищеты!». Остается добавить, что Эгейский университет в Измире уже несколько лет является местом самых активных выступлений студенчества.

Пожилой привратник-вахтер помог нам отыскать профессора Алама. Мы представились, и профессор любезно согласился побеседовать с нами, но вначале предложил осмотреть здание факультета. Мы увидели хорошие аудитории, актовый зал, библиотеку, спортивный зал. Лозунги и надписи, аналогичные приведенным, часто попадались и внутри здания. На первом этаже профессор показал нам две расположенные друг против друга двери. На одной из них висела табличка с надписью «Дев-генч», а на другой — «Федерация социал-демократических кружков». Профессор Алам сказал

¹ Все бывшие частные высшие учебные заведения включены ныне в систему государственных вузов.

коротко: «Обе эти студенческие организации — левые, но «Дев-генч» чуть левее».

Симптоматично, что отдельные помещения были выделены лишь для двух левых студенческих организаций, это говорит о степени их влияния на студенческие массы. Об организации «Дев-генч» мы уже говорили. Это — крайне левая молодежная организация, пользовавшаяся широкой популярностью среди студенчества до ее запрещения в 1971 году. Другая организация, Федерация социал-демократических кружков², — умеренно левая, выступавшая против «ультрареволюционных» фраз и действий «Дев-генч» и тяготевшая к левому крылу Народно-республиканской партии. Обе эти организации как в Эгейском университете, так и в других вузах соперничали между собой и боролись за влияние на студенческую массу. Взаимоотношения между «Дев-генч» и Федерацией социал-демократических кружков в известной степени являются отражением общей картины в левом движении в Турции в конце 60-х годов. Среди левых политических групп и организаций шла полемика по идеологическим вопросам и велась междоусобная борьба, что мешало им сосредоточить усилия на достижении общих целей.

После осмотра здания мы беседовали с профессором Аламом. Он произвел впечатление человека вдумчивого, осторожного, умеренно настроенного. Профессор рассказал нам, что он в порядке научных контактов по линии НАТО должен в ближайшие недели уехать в Калифорнийский университет в США, где ему предстоит прочесть двадцатинедельный курс лекций.

Коснувшись политической деятельности студентов, профессор заметил, что они «слишком увлекаются и слишком далеко заходят». «Вы видели плакаты с надписью «Объединяйтесь!?» — спросил он. — Это ведь совсем близко к лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»». Чувствовалось, что наш собеседник не одобряет деятельность левых студенческих организаций.

Деятельность крайне правых, к которым в Турции обычно относят религиозных фанатиков, Мухиттин Алам характеризовал также в весьма отрицательных

² Федерация социал-демократических кружков была запрещена правительством Н. Эрима весной 1971 г.

выражениях. Как реакционную, он охарактеризовал, в частности, секту нурджистов, подчеркнув неграмотность и невежество основателя этой секты — «пророка» Саиди Нурси. Литература по религиозной пропаганде официально в стране не распространяется. Профессор Алам выразил также свое отрицательное отношение к попыткам возродить преподавание религии в начальной школе. Пожалуй, мнение нашего собеседника по этому вопросу является характерным для турецкой интеллигенции. Как правило, вспышка активности той или иной реакционной религиозной секты или попытки использовать религию в политической деятельности вызывают со стороны основной массы интеллигенции противодействие или по крайней мере неодобрение.

Когда разговор зашел о советско-турецком экономическом сотрудничестве, Мухиттин Алам сказал: «Американцы длительное время оказывали нам помощь. Однако далеко не сразу люди здесь, в Турции, осознали суть этой помощи. Вы знаете, каково теперь отношение и к их помощи, и к ним самим. В Турции вообще не хотят видеть американцев.

Сейчас интенсивно развивается экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Оно имеет важное значение для Турции. Ценно то, что промышленные объекты, сооружаемые при содействии Советского Союза, дают стимул для развития нужных отраслей промышленности. Я, например, знаю, каким дефицитом у нас являются строительные конструкции из алюминия, которые в связи с этим и стоят в несколько раз дороже железных. Уже это говорит о важности и своевременности сооружения алюминиевого завода, который строится сейчас с помощью СССР. Зная итоги американской помощи, мы хотим, чтобы результаты сотрудничества с Советским Союзом были иными, благотворными и чтобы они способствовали дальнейшему развитию этого сотрудничества».

Неврез Гекче — торговец табаком и фруктами

В Измире мы побывали в гостях у Невреза Гекче. В прошлом это видный политический деятель, член Демократической партии. В свое время он являлся пред-

седателем муниципалитета Измира. После переворота 1960 года был арестован и вместе с другими крупными деятелями свергнутого режима находился в заключении на о-ве Яссыада в Мраморном море. Ныче Неврез Гекче — крупный торговец сельскохозяйственными товарами, в основном табаком и фруктами.

Неврез Гекче принял нас в своей квартире, которая, как и подобает жилищу богатого человека, находится в доме на набережной и выходит окнами на Измирский залив. Хозяин просторной дорогой квартиры радушно принял нас, усадил в кресла, предложил виски. Разговор в основном касался двух тем — современного положения в стране и торгово-экономических связей с Советским Союзом.

Общеизвестно, что Партию справедливости в Турции считают политической наследницей запрещенной в 1960 году Демократической партии Баяра — Мендереса. Однако к концу 60-х годов как внутри ПС, так и вне ее оформилась группа активных деятелей бывшего режима, которые полагали, что Партия справедливости недостаточно последовательно продолжает линию Демократической партии и совершает ошибки в своей политике. Вполне вероятно, что это было связано с изменениями в соотношении сил внутри самой Партии справедливости, а именно с тем, что верх там стали брать крупные промышленники, оттесняя на задний план помещиков и торговцев.

Группа недовольных политикой ПС основала в конце 60-х годов Демократическую партию, убежденным сторонником которой стал и наш собеседник. Он сразу дал нам понять, что не одобряет многие стороны политики ПС, и вместе с тем стремился доказать, что влияние вновь созданной ДП в политической жизни будет возрастать и что ряд членов ПС должны перейти в Демократическую партию.

«Партия справедливости, — подчеркивал наш собеседник, — пытается наладить контакт с военными и тем самым уменьшить возможности их выступления против правительства ПС. Она, в частности, стимулирует участие военных в Армейском обществе взаимопомощи (создано после переворота 1960 года в целях привлечения сбережений офицеров и генералов к участию в экономике. — В. Д.). Некоторые высокие военные чины ста-

ли миллионерами, выгодно помещая свои капиталы в те или иные предприятия».

Действительно, руководство ПС пыталось найти путь к военным, так как отчетливо сознавало, что над ним, подобно дамоклову мечу, постоянно висит опасность открытого вмешательства армии в политику. Одно время создавалось впечатление, что лидеру ПС, Сулейману Демирелю, удастся договариваться с военными. Однако действительность показала, что это не так. Как известно, в результате меморандума 12 марта 1971 года правительство Демиреля ушло в отставку. Конечно, не исключено, что часть высших военных чинов симпатизировала правительству ПС, но большую роль в определении действий армейского командования сыграла позиция основной массы младшего и среднего офицерского состава, отнюдь не поддерживавших Партию справедливости.

Будучи сторонником правой партии (Демократической), наш собеседник, естественно, неодобрительно отзывался о деятельности Рабочей партии Турции. Однако в его высказываниях привлекало к себе внимание то, что он не пытался ни умалить значение рабочего класса в политической жизни, ни тем более отрицать его существование. А ведь такой подход к рабочему классу был характерен для представителей буржуазно-помещичьей верхушки Турции в сравнительно недавнем прошлом.

Относительно торгово-экономических связей с СССР Неврез Гекче высказался вполне определенно — за развитие таких связей. «Советскому Союзу, — говорил он нам, — нужны некоторые наши сельскохозяйственные товары, и мы готовы их продавать и расширять наши торговые связи. Очень полезно для Турции и технико-экономическое сотрудничество с вашей страной. Мы заинтересованы в создании подлинно национальной промышленности, а не сборочной, и Советский Союз может помочь нам в этом. Многие турецкие руководители понимают теперь необходимость расширения торгово-экономических отношений Турции с СССР».

Будучи измирцем, Неврез Гекче, конечно, наслышан о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Алиага. Он с большой похвалой отозвался о работе советских специалистов на строительстве, сказав, что они скромно делают очень полезное дело. «К сожалению,

здесь у нас,— заметил наш хозяин,— еще далеко не все знают и по достоинству оценивают ту помощь, которую оказывает нам Советский Союз».

Четвертый нефтеперерабатывающий завод в Алиага

Рано утром на машине мы выехали в Алиага — небольшой городок на берегу Эгейского моря, километрах в сорока севернее Измира. Там при экономическом и техническом содействии СССР сооружается нефтеперерабатывающий завод. Выезжаем из центра Измира и попадаем в пояс «геджеконду» — так называют здесь домики, где обитает беднота. Издали домики имеют довольно приличный вид, но это только издали... В «геджеконду» большая скученность людей, нет водопровода и других элементарных удобств.

Дальше дорога выбегает за город. Вокруг — невысокие горы, пашни. Вдоль дороги — масличные и абрикосовые деревья. В долинах между горами виднеются деревни. Дорога идет параллельно берегу, но на значительном удалении от него, так что моря не видно. В одном местечке близ дороги замечаем на центральной площади памятник. Сидящий с нами в машине турецкий служащий с завода рассказывает, что городок называется Менемен и что памятник поставлен сельскому учителю по имени Мустафа Кубилай. После победы национально-освободительного движения учитель этот горячо пропагандировал идеи Кемалья Ататюрка, за что был убит по наущению муллы, вступившего в сговор с местными богатеями. Когда об этом сообщили Ататюрку, президент отдал короткий, но выразительный приказ: виновных найти, и кто бы они ни были — сурово наказать. Приказ этот был выполнен. А учителю в 1930 году воздвигли памятник...

Проезжаем местечко Чигли. Недалеко от дороги видны казармы и другие военные сооружения, обнесенные колючей проволокой. Раньше здесь была американская военно-воздушная база. Теперь американцы ушли, а в Чигли расположилась база турецких ВВС. Тем не менее американское присутствие продолжает ощущаться. Однажды вечером в Измире нам показали огоньки, мер-

цающие на склоне одной из окрестных гор, и объяснили, что это — американская радарная станция.

Наконец, около дороги мы видим большой щит, на котором написано: «Строительство нефтеперерабатывающего завода». Сворачиваем влево, к морю, и подъезжаем к воротам, за которыми расположена строительная площадка. Она занимает огромную территорию, обойти пешком ее трудно, и мы пользуемся любезным предложением руководителя группы советских специалистов, работающих на строительстве, Игоря Романовича Бородина объехать площадку на заводском джипе. Стройка раскинулась по одну сторону небольшого залива, по другую его сторону — местечко Алиага, которое, благодаря строительству, стало теперь известно во всей Турции и даже за ее пределами.

Раньше эти места, видимо, были очень тихими. Жил своей неторопливой жизнью городок, мерно накатывались волны на берег. Вода в заливе прозрачная, сквозь нее видно, что дно усеяно крупными мохнатыми от водорослей валунами. В одном из недавно изданных туристских путеводителей сказано, что Алиага — «курортное местечко с живописными пейзажами и отличным природным пляжем». Теперь здесь развернулось огромное строительство. На берегу сооружен современный причал. Здесь танкеры будут сливать нефть, которая по трубам пойдет на завод. А пока причал используется для разгрузки судов, доставляющих из наших черноморских портов советское оборудование для завода. Как раз когда мы осматривали причал, там выгружал очередную партию оборудования турецкий грузовой пароход «Элязиг». Доставленные из Советского Союза грузы были аккуратно уложены вдоль дороги длиной в несколько сот метров, ведущей от причала к заводууправлению.

И. Р. Бородин и другие наши специалисты, работающие на строительстве, рассказали, что в перевозках оборудования и материалов на стройплощадку участвуют шесть турецких и два советских судна, которые в 1969—1970 годах сделали 21 рейс по Черному морю.

Советские организации подготовили техническую документацию по основным объектам строительства. Всего на строительстве завода к началу 1971 года работало около 120 советских специалистов. Их помощь в строительстве завода трудно переоценить. Это и тща-

тельная корректировка в соответствии с местными условиями поступающих из Советского Союза на стройку рабочих чертежей, и технические консультации и рекомендации по геологическим условиям на строительстве, и контроль за разгрузкой судов, и помощь в организации учета и хранения поступающего оборудования, и многое другое.

Дело не ограничивается одной технической помощью. В 1969 году был подписан контракт на строительство советской стороной 99 резервуаров. Когда проезжаешь по территории завода, первое, что бросается в глаза, — именно эти огромные резервуары, хранилища нефти и нефтепродуктов. Во время нашего пребывания на заводе строительство их шло полным ходом.

По отзывам, которые мы слышали, советские специалисты проявили себя на стройке отлично, работали с полной отдачей. Так, на монтаже резервуаров требовалось большое количество сварочных работ, и нам рассказывали, что производительность труда советских сварщиков, работавших на монтаже, была в полтора, а то и в два раза выше, чем у их турецких коллег. А ведь на строительной площадке были собраны лучшие сварщики Турции.

Работать на строительстве НПЗ (да и на других стройках) приходилось в сложных условиях. Подчас не хватало материалов, приспособлений. И в таких условиях советские специалисты проявляли массу изобретательности. Мне довелось ознакомиться с отчетами о ходе строительства, за лаконичными строчками которых угадывается напряженная и увлеченная работа советских людей. В отчетах перечисляются рационализаторские предложения и усовершенствования, которые предлагались советскими специалистами и существенным образом улучшили качество строительства и ускорили его сроки.

Опыт нашего технического сотрудничества с Турцией не так уж велик. Поэтому на строительстве НПЗ, да и на других стройках в Турции, где работают советские люди, фактически приходилось создавать заново взаимоотношения между советскими и турецкими специалистами. Естественно, что здесь были трудности. Они объяснялись тем обстоятельством, что в течение многих лет между нашими двумя странами существовали напряжен-

ные отношения. Не приходится также скрывать, что до сих пор в Турции есть довольно влиятельные силы, которые не заинтересованы в нормализации и улучшении советско-турецких отношений. Определенная часть интеллигенции не настроена враждебно к Советскому Союзу, но находится под влиянием соответствующей пропаганды и поэтому держится настороже, выжидательно. Кстати, настроение этой части интеллигенции выразил профессор Алам в описанной нами выше беседе.

Однако многие в Турции, и мне самому часто приходилось с ними встречаться, относятся к советским людям дружелюбно. Важно и то, что полезность, необходимость для Турции торгово-экономического сотрудничества с Советским Союзом осознают не только наши друзья в этой стране, но и все люди, реалистически оценивающие современное политическое и экономическое положение страны и перспективы ее развития.

Судя по тому, что мне пришлось видеть на строительстве НПЗ, а позже и на других промышленных объектах, и по тому, что рассказывали наши специалисты, их взаимоотношения с турецкими коллегами сложились нормально — как деловые и, я бы даже сказал, дружественные. Наши инженеры, техники и рабочие не оказываются изолированными. Осуществляются повседневные контакты, регулярно проводятся совместные с турецкими специалистами совещания, где оперативно и конструктивно решаются технические вопросы.

Конечно, дело не всегда идет гладко. Противники развития советско-турецких отношений вообще и экономических в частности нет-нет да и пытаются вставлять палки в колеса. На строительстве НПЗ, как и на других турецких промышленных предприятиях, существует профсоюз турецких рабочих. В условиях развития рабочего движения в Турции рабочие и здесь неоднократно проводили забастовки в целях улучшения условий своего труда. Некоторые антисоветские элементы пытались воспользоваться этим, чтобы спровоцировать столкновения между советскими специалистами и турецкими рабочими.

Во время одной из таких забастовок в августе 1970 года рабочие собрались у входа на территорию строительства. В это время сюда подъехали автобусы с советскими специалистами (они жили в Измире и ездят

ли на работу в автобусах). Турецкий шофер автобуса внезапно выскочил из машины и выстрелами из пистолета убил одного из руководителей профсоюза, наиболее активно выступавшего в защиту прав рабочих. Воспользовавшись замешательством, шофер-убийца скрылся. Это была явная провокация, преследовавшая две цели: лишить рабочих их руководителя и посеять неприязнь к советским специалистам. Турецкие газеты тогда много писали об этом. Некоторые из них прямо указывали, что шофер известен как провокатор.

Передвижение советских специалистов по стране особо строго контролируется. Западная печать постоянно твердит, что присутствие в Турции большого числа советских людей «опасно», что они «являются красными агентами», «угрожают безопасности страны» и тому подобное. Тем самым пытаются создать атмосферу недоверия и напряженности вокруг советско-турецкого торгово-экономического сотрудничества.

В управлении строительством НПЗ мне удалось побеседовать с двумя представителями турецкой администрации — Эрдалом Кутлугом, должность которого соответствует примерно нашей должности главного бухгалтера, и Серметом Альпаргуном, начальником строительства нефтеперерабатывающего завода.

Эрдала Кутлуга мы застали в его рабочем кабинете. Главный бухгалтер оказался энергичным молодым человеком. По тому, как он сразу же с жаром стал рассказывать нам о делах строительства завода, видно было, что он всецело поглощен этим строительством, его достижениями и заботами. Трудности, конечно, есть, это естественно, но оптимистический и конструктивный подход к ним нашего собеседника вселял уверенность в том, что они преодолимы.

Эрдал Кутлуг сообщил нам, что общая стоимость строительства нефтеперерабатывающего завода составляет около 110 миллионов долларов, часть из них приходится на предоставленный Советским Союзом кредит. Остальная часть стоимости строительства покрывается в основном за счет собственных средств Турецкого нефтяного акционерного общества, в ведении которого, собственно, и будет находиться завод, а также за счет долгосрочных кредитов, предоставленных турецкими государственными банками.

Турецкое нефтяное акционерное общество (ТНАО) является государственной организацией. Его капитал, как объяснял нам Эрдал Кутлуг, можно разделить на две группы — «А» и «Б». К группе «А» относится 51 процент всего капитала ТНАО, составляющий неизменную долю государственного капитала. Другими словами, в руках государства находится контрольный пакет акций. К группе «Б» относятся остальные 49 процентов капитала. Это свободно обращающиеся на рынке акции стоимостью 1000 турецких лир каждая. Часть из них (около 40 процентов) опять-таки принадлежит государственным организациям (например, Этибанку, министерству финансов и некоторым другим), а часть (около 9 процентов) — частным организациям и отдельным лицам.

Наш собеседник подчеркнул, что условия, на которых Советским Союзом предоставлен кредит на строительство нефтеперерабатывающего завода, являются очень благоприятными для Турции. Развитие нефтяной промышленности имеет большое значение для экономики страны, и есть возможности для дальнейшего укрепления советско-турецкого сотрудничества не только в переработке, но и в поисках нефти, сказал нам Эрдал Кутлуг.

Начальник строительства НПЗ Сермет Альпаргун — человек, пользующийся большим авторитетом как на строительстве, так и в ТНАО. Руководить большим строительством, которое велось несколькими совершенно разнородными подрядными фирмами, — дело непростое, и, видимо, этот авторитет пришел не случайно. Разговор наш с господином Альпаргуном мы вели в его просторном, обставленном мягкой мебелью кабинете, сидя за низким столиком и прихлебывая кофе. Легко можно было бы предположить, что это кабинет ученого. Однако постоянные телефонные звонки, люди, входившие то и дело с какими-то, видимо, очень срочными бумагами и делами, постоянно напоминали о том, что за стенами тихого кабинета кипит жизнь, разворачивается напряженная стройка.

Поначалу беседа концентрировалась вокруг некоторых общих вопросов турецкой экономики. Сермет Альпаргун заметил, что в ходе осуществления в стране принципа смешанной экономики частный сектор из года в год заметно укрепляет свои позиции; и его удельный

вес в экономике повышается. Частный капитал более гибок и предприимчив, он проникает в такие «щели» экономики, куда госсектор не может за ним поспеть. Тут наш собеседник привел такой пример: вот строительство НПЗ — огромное предприятие, осуществляемое госсектором в лице ТНАО. У входа же на территорию строительства открылся ларек по продаже прохладительных напитков и пр. Какой-то частник моментально почувствовал и реализовал возможность пусть пока маленького, но верного бизнеса.

«Кемаль Ататюрк,— продолжал господин Альпаргун,— завещал поддерживать и развивать государственный сектор в экономике, но с тех пор неоднократно наблюдались отклонения от намеченного им пути». Мысль нашего собеседника, видимо, заключалась в том, что нельзя пускать на самотек борьбу между государственным и частным сектором. Необходимо регулировать соотношение между ними, поддерживая при этом позиции государственного сектора.

Затем разговор пошел о советско-турецком экономическом сотрудничестве. «Теперь,— сказал нам Сермет Альпаргун,— обстановка изменилась, мы здесь, в Турции, освободились от внушавшегося нам страха перед русскими. Предоставленный Советским Союзом кредит очень важен с точки зрения выполнения второго пятилетнего плана развития Турции». «Я могу сказать,— продолжал он,— что здесь, на строительстве НПЗ, серьезных, принципиальных трудностей в освоении советского кредита не было».

Наши товарищи, работавшие на строительстве, позже рассказывали мне, что на одном из совещаний на высоком уровне в Анкаре Сермет Альпаргун с большой похвалой отозвался о работе советских специалистов и прямо заявил: «Без советской помощи мы бы не построили этого завода».

Турецкие власти оказывали постоянное внимание строительству НПЗ в Алиага. Туда систематически приезжал генеральный директор ТНАО. С визитами на строительной площадке побывали премьер-министр и президент Турецкой Республики.

Такое внимание вполне объяснимо, если взглянуть на общее состояние нефтеперерабатывающей промышленности Турции и на то место, которое должен занять

в ней сооруженный при советском содействии НПЗ³. Кроме завода в Алиага в Турции действуют еще три нефтеперерабатывающих завода. Первый из них — завод в Батмане (на юге страны) — был построен в 1956 году. Завод принадлежит Турецкому нефтяному акционерному обществу, производительность его составляет (на 1972 год) миллион тонн сырой нефти. В 1961 году был построен второй НПЗ близ Измида («Ипраш»). До последнего времени 51 процент акций этого завода принадлежали ТНАО, а 49 процентов — американской компании «Калтекс». Турецкое нефтяное общество постепенно выкупило у компании «Калтекс» акции завода, который, таким образом, перешел в полную собственность ТНАО. Завод «Ипраш» переработал в 1972 году 5,5 миллиона тонн сырой нефти. Третий нефтеперерабатывающий завод «Аташ» был введен в эксплуатацию в 1962 году и находится на юге Турции в городе Мерсине. Завод этот целиком находится в руках иностранного капитала: 56 процентов его акций принадлежат компании «Мобил ойл», 27 — компании «Шелл», 17 — компании «Бритиш петролеум». Завод «Аташ» в 1972 году переработал 4,4 миллиона тонн сырой нефти. Таким образом, общая мощность всех трех нефтеперерабатывающих заводов составила 10,9 миллиона тонн нефти, причем 40 процентов этого количества приходится на завод «Аташ», принадлежащий иностранному капиталу.

Три действовавших до ввода в строй НПЗ в Алиага нефтеперерабатывающих заводов далеко не удовлетворяли потребностей страны в нефтепродуктах. Спрос на них растет из года в год в связи с промышленным строительством, развитием автомобильного транспорта и т. д. Дефицит нефтепродуктов, в основном бензина, дизельного и котельного топлива, керосина, приходилось покрывать за счет импорта. В 1969 году было импортировано жидкого топлива на 61 миллион долларов, в 1970 году — на 67 миллионов долларов.

Такая ситуация, естественно, вынуждала и вынуждает думать об увеличении внутреннего производства нефтепродуктов. До сих пор в Турции шли по пути рас-

³ В мае 1973 г. подписан протокол о полном вводе в эксплуатацию нефтеперерабатывающего завода в Алиага.

ширения трех ранее построенных нефтеперерабатывающих предприятий. В 1962 году был частично реконструирован и расширен завод в Батмане. В 1972 году завершен новый цикл работ по расширению этого завода и увеличению его мощности с 800 тысяч до миллиона тонн нефти в год. В течение нескольких лет велись работы по расширению завода в Измиде, после завершения которых его мощность возросла с 2 до 5,5 миллиона тонн нефти в год. Не отстают и международные нефтяные монополии, владеющие заводом в Мерсине. Со времени пуска завода в 1962 году до 1972 года его производительность увеличилась с 1,5 миллиона до 4,4 миллиона тонн нефти в год. Последняя реконструкция завода была завершена в 1970 году. Монополии отлично сознают, что внутренний рынок нефтепродуктов не насыщен, и делают все возможное, чтобы прибрать его к рукам и выкачать максимум прибылей.

Однако все принимавшиеся до сих пор меры по увеличению производительности действующих НПЗ не решили вопроса с нехваткой нефтепродуктов в стране. В таких условиях приобрело особо важное значение строительство четвертого нефтеперерабатывающего завода в Алиага. Мощность его составляет три миллиона тонн нефти в год. Завод в Алиага рассчитан на производство тех видов нефтепродуктов, потребность в которых в Турции ощущается ныне особенно остро. Ввод в строй четвертого НПЗ позволит сократить импорт нефтепродуктов и, следовательно, сэкономить остродефицитную иностранную валюту. Таким образом, экономическое и техническое содействие Советского Союза помогает Турции решить одну из важных проблем ее экономики.

Однако значение четвертого НПЗ этим не исчерпывается. В нефтяной промышленности Турции сравнительно сильны позиции иностранного капитала. Это относится не только к переработке нефти, но и к ее разведке, добыче, к продаже нефтепродуктов. Иностранные монополии проявляют завидную настойчивость в поисках нефти в Турции и бурении нефтяных скважин. Из года в год растет их участие в добыче турецкой нефти. Если в 1960 году на долю иностранных компаний приходилось всего три процента добытой в Турции нефти, то в 1970 году — 70 процентов. В основном добычу неф-

ти ведут две международные монополии — «Мобил ойл» и «Шелл». В 1970 году из 3,5 миллиона тонн добытой в стране нефти на их долю пришлось 2,4 миллиона. В городах и на дорогах Турции бросается в глаза большое количество бензозаправочных и авторемонтных станций, принадлежащих иностранным монополиям. По всему видно, что они основательно внедрились в турецкую нефтяную промышленность и добровольно не намерены сдавать своих позиций.

Такое положение тревожит прогрессивные силы Турции, которые на протяжении последних лет настойчиво выступают с требованием национализировать нефтяную промышленность, с тем чтобы прекратить доступ сюда иностранным монополиям. С этим вынуждены считаться турецкие власти, которые, не идя на полное запрещение деятельности иностранных монополий, стараются тем не менее как-то ее ограничить. В 1970 году правительство Турции одобрило «законопроект о нефти», который предусматривает расширение сферы деятельности государственных экономических организаций в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности и ограничение прав иностранных компаний.

В соответствии с общим направлением нефтяной политики за последние годы значительно укрепило свои позиции Турецкое нефтяное акционерное общество. Можно привести здесь для сравнения две цифры: в 1965 году доход ТНАО составил 7 миллионов лир, а в 1969 году — 235 миллионов лир.

Будучи государственным предприятием, завод в Алиага сыграет существенную роль в укреплении позиций государственного сектора и, следовательно, в ослаблении влияния иностранного капитала в нефтяной промышленности Турции.

На развалинах древнего Эфеса

Любому приехавшему в Измир туристу непременно предложат осмотреть развалины Эфеса — древнегреческого города, расположенного в 80 километрах к югу от Измира. Довелось побывать в Эфесе и мне.

Едем в Эфес на машине. Через городские окраины выбираемся на прекрасную асфальтированную дорогу и устремляемся на юг. Дорога вьется по долинам между

гор, поросших лесами и кустарником. Несмотря на зимнее время, кругом довольно много зелени. Здесь, в районах, прилегающих к побережью Эгейского моря,— зона средиземноморского климата и пышной растительности. Много возделанных полей и оливковых рощ. Оливковые деревья высажены не только на равнине, но и по склонам гор, так высоко, как только это возможно.

Побережье Эгейского моря имеет богатое историческое прошлое. В течение многих веков волны истории накатывались на этот берег, оставляя на нем свои следы. На вершинах некоторых гор, почти в облаках, виднеются сложенные из камня постройки типа сторожевых башен. Они были возведены во время походов Александра Македонского. Сторожевые башни поставлены так, что из них хорошо просматривается местность во все стороны. Тогда, более 2000 лет тому назад, горы и долины выглядели, видимо, почти так же, как теперь. При взгляде на сторожевые башни вспоминается чье-то изречение, что история подобна кораблю с пряностями. Корабль уже отплыл, его не видно, но в гавани еще стоит запах пряностей. Вот и теперь воображение рисует в тихих, безлюдных долинах шумное воинство «Великого Искендера», которое, соорудив башни и оставив там дозорных, устремлялось в глубь Малой Азии.

Минуем небольшой город Сельчук. Основная автомагистраль продолжает идти дальше на юг, а мы сворачиваем направо, к месту раскопок Эфеса. Сельчук — обычный турецкий город с множеством кофеен и лавочек вдоль главной улицы, с мальчишками, выбегающими на шоссе. Однако и здесь много следов истории.

Некогда Сельчук, расположенный теперь в нескольких километрах от Эфеса, являлся его частью. Дело в том, что в течение веков Эфес в силу политических или географических соображений несколько раз менял свое местоположение. В X веке нашей эры местность вокруг реки Каистрос (нынешнее название — Кючюк Мендерес) стала заболачиваться, и жители древнего Эфеса перенеслись выше, туда, где теперь и стоит городок Сельчук. Город стал называться Аясулук. В 1304 году он был завоеван турками-сельджуками. Тогда город еще сохранял свое значение крупного коммерческого и культурного центра на Эгейском побережье. Турки-сельджуки стремились сохранить город и даже расширить его.

В начале XV века Аясулук вошел в состав Османской империи. В это время начал быстро расти Измир, который притягивал к себе всю коммерческую деятельность на Эгейском побережье. Аясулук как порт уже не мог соперничать с ним, город стал приходить в упадок, население покидало его. Портовые сооружения постепенно разрушались и засыпались землей. В XIX веке Аясулук превратился в маленький заштатный городок. В 1914 году название города было изменено. Видимо, из националистических побуждений ему было присвоено имя Сельчук. Нынешний Сельчук — это все, что осталось от некогда процветавшего и знаменитого Эфеса.

В Сельчуке, разумеется, остались памятники его исторического прошлого. Так, на вершине холма, у подножия которого расположен Сельчук, высятся прекрасно сохранившиеся стены крепости, построенной византийцами. Внутри — развалины византийского замка. С южной стороны крепости остались ворота, сооруженные в VI—VII веках. Ранее над воротами возвышалась арка, украшенная фресками с изображениями святых. Теперь эта арка находится в Англии (результат производившихся здесь англичанами раскопок!).

Прямо против ворот внутри крепости — церковь св. Иоанна. Церковь стоит на том самом месте, где, как утверждают, похоронен святой. Вначале здесь была построена простенькая базилика. Император Юстиниан соорудил в VI веке вместо базилики огромную церковь с тремя залами. Центральная ее часть увенчалась пятью куполами. Церковь была настолько великолепна, что ее иногда сравнивали с храмом Ая-Софья в Константинополе. Церковь была украшена дивной росписью, от которой сохранились лишь монограммы императора Юстиниана и императрицы Теодоры. В 1330 году турки-сельджуки превратили церковь в мечеть. Позже она была частично разрушена землетрясением.

Церковь св. Иоанна, видимо, не полностью удовлетворила сельджуков, и они построили новую мечеть, получившую известность как мечеть Иса Бей Айдыноглу (глава княжества — бейлика, образовавшегося здесь после распада империи сельджуков). Мечеть расположена на западном склоне холма, близ церкви, и почти полностью сохранилась, за исключением одного из двух минаретов. Теперь в мечети помещается музей.

Самым замечательным памятником древности, оставшимся в Сельчуке, несомненно, является храм богини Артемиды. Жители Эфеса особенно чтили эту богиню, считавшуюся покровительницей города. Храм был сооружен также на холме, его остатки находятся между церковью св. Иоанна и мечетью Иса Бея. Храм Артемиды столько раз подвергался разрушениям, что уже никто не помнит, когда он был построен. Плиний Младший сообщает, например, что храм был разрушен и разграблен семь раз. Сохранились сведения о разрушении храма еще в VII веке до нашей эры племенами, пришедшими из Малой Азии. После этого он был восстановлен двумя критскими архитекторами. Через двести лет храм был сожжен Геростратом.

На месте сожженного храма жители Эфеса построили новый, несравненно более великолепный. Вновь построенный храм простоял около пяти веков и считался одним из Семи чудес света, настолько просты и вместе с тем совершенны были его линии и отделка. Его украшали 120 ионических колонн. В середине III века храм вновь был опустошен пришедшими с востока кочевыми племенами, а затем пострадал от землетрясения. Позже некоторые из украшавших его колонн были перевезены в Константинополь и использованы там при постройке Ая-Софьи. Другие части храма, в том числе многочисленные статуи, были обнаружены в результате раскопок лишь во второй половине XIX века. Значительная часть обнаруженных предметов попала в Англию и лишь некоторые — в археологический музей Стамбула.

Но вот мы подъезжаем к Эфесу. Местность очень живописна. Гранитные скалы перемежаются с холмами, склоны которых покрыты сочной зеленой травой и цветами. Щебечут птицы. Стоит январь, но воздух так нагрет солнцем, что хочется снять не только плащ, но и пиджак. В летние месяцы в Эфес приезжают толпы туристов, а сейчас тут никого нет. Улицы и площади древнего города пустынные, и наши шаги гулко звучат по каменным плитам.

Первые поселения на месте Эфеса возникли около трех с половиной тысяч лет тому назад. Людей привлекали сюда благодатный климат и плодородные почвы. В XIV веке до нашей эры сюда стали переселяться греки-ионийцы. Миграция греков длилась около трех столе-

На развалинах Эфеса

тий, и к XI веку город стал греческим. Эфес находился в месте впадения реки Кючюк Мёндерес в Эгейское море. Устье реки образовывало тогда прекрасную естественную гавань. Город располагался на оживленных торговых путях, ведущих из Азии. Все это способствовало его экономическому подъему.

В VI веке до нашей эры город попал в зависимость от Креза — царя Лидии, потом был завоеван персами. В 334 году до нашей эры персы были изгнаны войсками Александра Македонского. После этого продолжалось прерванное на время развитие города, которое, однако, опять замедлилось в период упадка древней Греции. Во II веке до нашей эры Эфес вошел в состав Римской империи. Последующие два-три столетия стали периодом бурного строительства города и его расцвета. Вскоре после возникновения христианства Эфес стал одним из центров его пропаганды. В III веке город был опустошен в результате набегов кочевников. Эфес стал частью Византийской империи, но уже не смог сохранить своего былого величия. Начался период постепенного заката его славы. Поздняя история Эфеса — это описанная выше история маленького турецкого городка Сельчук.

Первые раскопки на месте древнего города были предприняты еще в 1866 году англичанами, а затем в течение нескольких десятков лет они велись австрийским Институтом археологии. В настоящее время турецкие власти продолжают раскопки и реставрационные работы в районе Эфеса. Работы ведутся непрерывно, хотя и медленно и малыми силами, так как на большие, видимо, не хватает средств. Наши товарищи, побывавшие в Эфесе несколько раз, рассказывали мне, как с каждым годом из-под вековых наслоений освобождаются новые и новые части города.

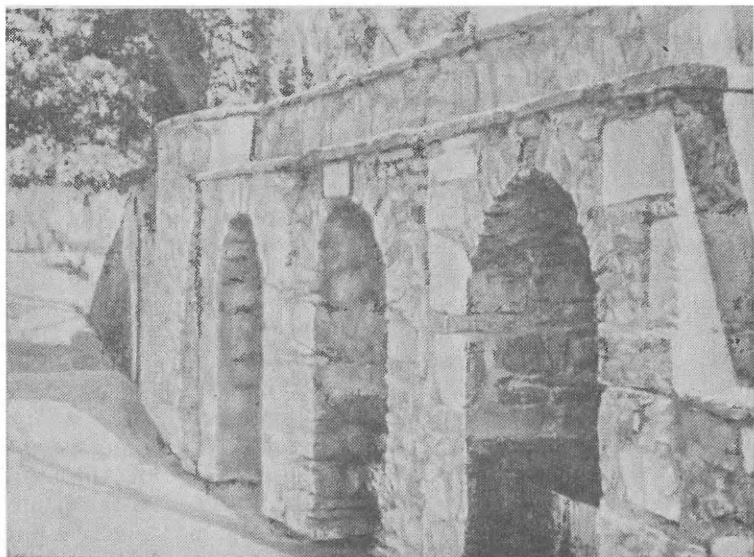
Доступные в настоящее время для обозрения развалины Эфеса производят незабываемое впечатление и позволяют судить о великолепии древнегреческой и древнеримской архитектур. Идут вверх по склону холма улицы с остатками жилых домов. Жилища богатых горожан украшены красивыми портиками. В течение многих столетий сохранялись абсолютно неповрежденными керамические трубы древнего водопровода. В Мраморной аллее, или Аллее статуй, время пощадило только некоторые из чудесных скульптур, некогда стоявших вдоль

аллеи, от остальных остались лишь постаменты. Площадь городского рынка — квадрат, выложенный каменными плитами и окруженный беломраморными колоннами. На такой площади можно было бы устраивать любые, самые пышные балы. Далее следует широкая аллея, ведущая к морю и также обрамленная колоннами (раньше море подступало к самому городу).

Мраморная аллея примыкает к Большой арене, сооруженной во времена императора Траяна — в I—II веках. Снизу от сцены, отгороженной от Мраморной аллеи высокой стеной, идут по склону холма в виде амфитеатра 66 рядов, где могло разместиться 25 тысяч зрителей. Ряды были почти полностью разрушены, но сейчас они в значительной степени восстановлены. Еще раньше я слышал рассказы о необыкновенных акустических данных Большой арены, но действительность, как говорят, превзошла все ожидания. Когда мы осматривали арену, на одном из самых верхних ее рядов расположилась группа рабочих, которые занимались реставрационными работами, а сейчас решили закусить принесенной с собой снедью. Мы в это время стояли внизу, на сцене, и до нас отчетливо долетало сверху каждое слово, хотя рабочие разговаривали вполголоса. Стало быть, находившийся внизу актер мог перейти почти на шепот и быть уверенным, что его услышат зрители в самых верхних рядах.

Такая же необыкновенная слышимость — в лектории библиотеки, построенной во II веке в честь Цельсиуса Полеменуса — правителя Азиатской провинции Римской империи. Достаточно бросить в зале лектория маленький камешек, как звук от его удара гулко разносится по всему помещению. Библиотека интересна еще тем, что ее хранилище рукописей имело систему вентиляции, позволявшую поддерживать постоянную влажность воздуха. Археологи освободили от вековых наслоений остатки многих других сооружений древнего Эфеса. И вот теперь перед глазами посетителей предстают улицы, площади и здания большого белокаменного города, покинутого жителями тысяч лет назад.

Неподалеку от Эфеса, выше в горах, находится место, где согласно преданию, провела последние годы своей жизни дева Мария (по-турецки ее называют Мерьям-ана). Самого домика, где она якобы жила,

У домика деви Марии. «Святой источник»

сейчас нет, он давно разрушился, а на его месте построена часовня, куда летом стекаются массы паломников. Место теперь объявлено «святым». Чуть ниже часовни из гранитной скалы бьет родничок. Он, конечно, соответствующим образом оформлен, и вода считается тоже «святой». При часовне имеется служитель, который рассказал нам, что сам он — француз, но провел здесь 15 лет. Служитель прекрасно говорил по-турецки и охотно давал нам объяснения, благо других экскурсантов, кроме нас, в этот зимний день не было. Близ часовни находится маленький бассейн, где, как говорят, непорочная дева купалась.

Сейчас трудно отделить вымысел от были. Во всяком случае, местность, где находится часовня, покоряет своей красотой. Горный воздух удивительно чист. Кажется, трудно найти другой такой уголок, где все бы дышало безмятежностью и спокойствием. Возможно, что какие-то подвижники только что возникшего христианства, будучи вынужденными спасаться от преследований и двигаться на север, действительно жили здесь.

При входе на территорию часовни висит табличка, напоминающая посетителям о «святости места» и призывающая их соблюдать тишину. В свое время папа Пий XII обещал отпущение грехов на семь лет верующим, которые совершат паломничество к домику св. Марии.

В нескольких километрах от Эфеса на берегу Эгейского моря находится довольно известное в Турции курортное местечко Кушадасы (Птичий остров). По климатическим условиям и красоте пейзажа местечко это, пожалуй, не уступает известным приморским курортам Европы. Здесь большой естественный пляж, куда в летнее время приезжают купаться и загорать измирцы. Местечко получило свое название, видимо, из-за небольшого скалистого островка, находящегося недалеко от берега и соединенного с ним чем-то вроде длинного пирса на железных сваях. Островок застроен рестораном и прочими увеселительными заведениями. Сам же городок имеет типично курортный характер: все в нем приспособлено к тому, чтобы принять толпы отдыхающих, которые заполняют его улицы в летний период.

В самом городке и в его окрестностях заметно кое-какое строительство. Усовершенствуется, а в некоторых местах строится заново, автомобильная дорога. Недалеко от берега тянутся ряды маленьких легких домиков типа бунгало, очевидно, недавно построенных. Зимой они, конечно, пусты, а летом — к услугам тех, кто пожелает провести здесь свой отдых. В одном-двух местах мы видели, как разворачивается строительство настоящих, солидных отелей. Однако в общем это чудесное место остается неосвоенным. Оно могло бы приносить большой доход. Но для того чтобы привлечь туристов, надо вложить в строительство отелей, пляжей и прочего большие деньги. Но экономика страны сейчас отягощена столь многими заботами, что ни государственный, ни частный сектор, по-видимому, не готовы к такого рода капиталовложениям.

После нескольких дней пребывания в Измире возвращаемся в Анкару на той же «дакоте». Стоит ясная погода, и из самолета хорошо видно, как покрытые пышной растительностью и садами склоны гор и долины побережья Эгейского моря постепенно сменяются бурыми голыми холмами-горами Анатолии.

В СЕЙДИШЕХИРЕ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ АЛЮМИНИЕВОГО ЗАВОДА

Город и стройка

В Сейдишехир отправились на машине рано утром. С погодой не повезло — низкие свинцово-серые тучи, дождь со снегом. Миновали холмистые окрестности Анкары, после чего выехали на совершенно плоскую Кониийскую равнину, простирающуюся к югу от столицы на 200—300 километров. Лишь кое-где вздымаются одинокие горные вершины, вдали же, на горизонте, вырисовываются целые горные цепи.

Вдоль дороги почти непрерывно тянутся обработанные поля. Там и сям виднеются селения. Некоторые — поменьше, вроде хуторов, другие — покрупнее. В селениях покрупнее на самом видном месте непременно возвышается мечеть с минаретом ярко-бирюзового цвета. Встречаются сельские дома из пористого камня, видимо местного происхождения, напоминающего шлакоблоки. Но в основном это мазанки из глины серо-коричневого цвета с маленькими подслеповатыми оконцами. Электричества, конечно, нет и в помине.

В больших селениях у крепких добротных домов стоят под аккуратными навесами трактора, выкрашенные в яркий цвет. У глиняных мазанок, конечно, ничего подобного нет. Близ дороги часто можно встретить ребятишек, которые имеют жалкий вид. Мужчины в деревнях, как правило, одеты по-городскому — в пиджаках, брюках, на голове — кепки. Женщины же, в отличие от мужчин, сохраняют традиционную национальную одежду — шаровары, яркие платки на голове.

Кое-где в деревнях мы видели школы. На переменах дети высыпают во двор побегать, поиграть. И здесь

примерно та же одежда, что и у взрослых. Мальчики одеты в брюки и курточки, а девочки — в шаровары, поверх которых — платья или юбки. На голове у многих девочек — множество тонких косичек.

Повсюду на полях — уйма валунов. Они и разбросаны посреди полей, и уложены гребнями по краям. Видно, крестьянам приходится вести с ними нелегкую борьбу.

Дорога по Конийскому нагорью — ровная, как стрела. Иногда она делает плавный поворот и снова идет прямо. Дорога имеет прекрасное асфальтовое покрытие, которое, как и везде в Турции, аккуратно поддерживается в исправном состоянии. Движение, как и на подавляющем большинстве других дорог, одностороннее. Тем не менее едешь по такой дороге легко, без напряжения, так как движение не интенсивное, лишь изредка попадаются встречные автомашины.

Конечно, так не везде. На автостраде Анкара — Стамбул, например, движение очень насыщенное, машины идут сплошным потоком. К слову сказать, независимо от интенсивности движения аварии на дорогах Турции довольно часты. На страницах турецких газет то и дело видишь леденящие душу фотоснимки с изуродованными корпусами автомобилей и телами жертв. Одна из причин этого — большое количество извилистых горных дорог и опасная привычка турецких водителей грузовиков ехать посреди дороги. Об этом мне рассказывали раньше, и в этом я неоднократно имел возможность убедиться сам. Не раз из-за поворота или на крутом подъеме неожиданно выскакивал нам в лоб ревуший грузовик, и водителю нашей машины лишь с большим трудом удавалось избежать столкновения.

В тот же день, под вечер, мы приехали в Сейдишехир. Это ничем не примечательный провинциальный городок на юге Анатолии с населением около 12 тысяч человек. Узкие улочки, маленькие лавчонки, базарная площадь с шумными торговцами овощами и фруктами, мечеть с благообразными стариками и тут же, неподалеку, довольно неуклюжее здание кинотеатра, где, конечно, идут западноевропейские и американские фильмы с секс-бомбами и гангстерами.

Сейдишехир расположен на границе Конийской равнины и высоких горных цепей Тороса. К северу от города простирается равнина, а на юге и юго-западе взды-

маются горные вершины, увенчанные снежными шапками. Переход от равнины к горам довольно резкий, и это придает пейзажу необычную красоту. Сейдишехир, как и Алиага, получил широкую известность благодаря развернувшемуся там строительству алюминиевого завода, также осуществляемому при экономическом и техническом содействии Советского Союза.

Территория строительства делится на две части — собственно строительную площадку и городок для инженерно-технического персонала. Городок состоит из коттеджей и довольно большого комфортабельного отеля. Весь этот комплекс расположен ближе к горам и как бы возвышается над Сейдишехиром. Когда смотришь из окон отеля, ясно видно, что все огромное строительство как бы доминирует над самим городом: не строительная площадка расположена близ города, а город примыкает к ней.

На строительстве завода трудятся несколько десятков советских специалистов. Большинство их живут в отеле, вместе с турецкими инженерами и техниками. Отель удобен, он построен в расчете не на богатых туристов, приезжающих любоваться красотами природы, а на людей, которые много работают, должны хорошо отдохнуть после работы и быстро, вкусно и недорого покушать. На первом этаже отеля расположены комнаты отдыха, кинозал и, конечно, большая столовая. По вечерам на первом этаже собираются и турецкие, и советские специалисты, и члены их семей. Многие уже перезнакомились друг с другом. С помощью переводчиков, а иногда и без них, затеваются беседы. Видно, что люди находят много общих тем для разговоров, что они съехались сюда для одного общего дела — строительства завода и это дело объединяет, сближает их. Некоторые играют в шахматы. Мне рассказывали, что жены турецких специалистов устроили для советских женщин чай. Как раз когда мы находились на заводе, наши женщины готовились к аналогичному ответному мероприятию.

Такая же атмосфера доброжелательности поддерживается и в столовой, где люди собираются за ранним завтраком перед началом трудового дня или за обедом. Обмениваются приветствиями, зачастую садятся (и инженеры-турки, и наши специалисты) за общий стол.

Любопытная деталь: в Турции вообще пьют много чая. В любом офисе, а иногда и в магазине — словом, всюду, где начинается какой-то деловой или дружеский разговор, вам непременно предложат чаю. Чай пьют из маленьких стаканчиков с блюдечками, которые в Турции продаются повсюду и пользуются большим спросом. Стаканчики с чаем приносит довольно быстро на специальном подносе мальчик-посыльный. Я долго не мог понять, откуда с такой непостижимой быстротой появляются аккуратные стаканчики с чаем и кусочками сахара. Потом мне объяснили, что повсюду в городах есть чайные, где готовят чай для таких случаев и продают его только на вынос. Действительно, на городских улицах сплошь и рядом можно видеть мальчиков, с завидной ловкостью жонглирующих на ходу подносами, где стоят стаканчики с чаем.

Так вот такие миниатюрные стаканчики с чаем были, разумеется, в ходу и в отеле на строительстве алюминиевого завода. Однако утром перед работой не до кейфа и долгих бесед: надо основательно подкрепиться. Поэтому наши специалисты предпочитают настоящий большой стакан с чаем или кофе, который подают, однако, все на тех же маленьких блюдечках. Наши турецкие коллеги довольно быстро поняли, что большой стакан в данном случае имеет явное преимущество перед маленьким, и постепенно стали отказываться от традиционной формы турецкого чаепития.

Дружелюбие в повседневной жизни — это в значительной степени результат того духа делового сотрудничества и взаимопонимания, который царит на самой строительной площадке. Ее мы осмотрели в первый же день нашего пребывания в Сейдишехире. Стройка производит внушительное впечатление. Уже тогда, в начале 1971 года, работы на всей территории строительства шли полным ходом. В основном были завершены земляные работы, закладывались фундаменты и возводились каркасы цехов — начинался монтаж оборудования.

Как и на строительстве НПЗ в Алиага, здесь, в Сейдишехире, советские специалисты оказывают большую техническую помощь в сооружении завода. Они знакомят своих турецких коллег с передовыми методами индустриального строительства и монтажа, применяемыми в СССР, и помогают внедрять эти методы, осваивать

поступающие из Советского Союза рабочие чертежи и проекты для строительных и монтажных работ.

На стройплощадке работают более десятка различных турецких подрядных фирм, осуществляющих собственно строительство. При этом советские специалисты непрерывно контролируют качество работ и их соответствие проекту, ставят турецкую администрацию в известность об отклонениях от проекта, если таковые случаются. На этом формально функции наших специалистов, видимо, должны кончаться. Но они обсуждают с турецкими коллегами эти отклонения, помогают их ликвидировать.

Перечисление того, что делают советские специалисты, выглядит, быть может, несколько сухо. Но за этим скрывается искренняя заинтересованность людей в выполняемой работе — характерная черточка, отличающая в принципе советское экономическое сотрудничество от западной «помощи». Там — голый бизнес, выполнение своих обязанностей в рамках контракта, никакой заинтересованности в деле, кроме одной — получение прибыли, пусть за счет других. Здесь же — взаимовыгодная основа сотрудничества, желание протянуть руку помощи.

Как и НПЗ в Алиага, строительство алюминиевого завода является объектом постоянного внимания турецких руководителей. Здесь не раз бывал генеральный директор Этибанка. Посетил стройку президент республики. Приезжали сюда и интересовались строительством и высшие чины турецкой армии.

За время пребывания в Сейдишехире мы дважды встречались и беседовали с начальником строительства завода — Назихи Берккамом. Первая наша встреча состоялась в официальной обстановке, в управлении строительством, вторая — в отеле во время отдыха. Кабинет Берккама в управлении строительством лишен всякого комфорта. Жесткая металлическая мебель, посередине — огромный стол, заваленный чертежами и деловыми бумагами. Сам Назихи Берккам — низенький плотный крепыш, подвижный и чрезвычайно энергичный. Одет в рабочую спецовку и держится очень просто. Позже, во время второй встречи, он показал себя радушным хозяином и остроумным, веселым собеседником, просто и даже фамильярно разговаривающие с

подчиненными. Однако за всем этим проглядывается опытный, волевой администратор и хваткий бизнесмен.

Назики Берккам рассказал нам, что образование он получил в Колумбийском университете в США, где учился в 1945—1950 годах. До назначения его в Сейдишехир работал начальником шахты в крупнейшем угольном бассейне Турции — в Зонгулдаке. Будучи начальником строительства в Сейдишехире, Берккам одновременно являлся и начальником отдела алюминиевой промышленности Этибанка. Этибанк — один из крупнейших государственных банков Турции, в ведении которого находятся горнорудная, алюминиевая, химическая и некоторые другие отрасли промышленности. Н. Берккам сообщил, что вся стоимость строительства алюминиевого завода, за вычетом советского кредита, покрывается целиком за счет средств Этибанка. Частный капитал в сооружении завода не участвует. После окончания строительства завод также будет находиться в ведении Этибанка.

Берккам относится к людям, которые уверены, что экономическое сотрудничество между нашими двумя странами имеет немалые перспективы. Он подчеркнул, что в ведущих отраслях промышленности такое сотрудничество совершенно правильно ориентируется на государственный сектор. Что касается конкретно алюминиевой промышленности, то наш собеседник выразил совершенно твердое убеждение в наличии здесь широких возможностей для дальнейшего развития сотрудничества. В разговоре Н. Берккам иногда не прочь, может быть, излишне заострить внимание на каких-то неувязках в поставках оборудования, на трудностях в строительстве завода. Однако в общем чувствовалось (да это говорили нам и работающие на строительстве наши специалисты), что в принципе он поддерживает сложившийся на стройке дух конструктивного сотрудничества.

В беседах Берккам не раз с теплотой отзывался о работе советских специалистов и высоко оценивал ее. Он говорил нам, например: «Вы помогли нам преодолеть традиционный турецкий недостаток в строительных работах — то, что они ведутся в основном летом и свертываются зимой. Здесь, в Сейдишехире, впервые в Турции на промышленном строительстве стали работать зимой».

Вести работу одинаковыми темпами круглый год, правда, еще не удастся. Нам говорили, что количество занятых на стройке рабочих летом и зимой колеблется от двух тысяч до одной тысячи человек соответственно. Но то, что работы не замирают совсем, уже достижение.

Вообще же в рабочей силе здесь, как и повсюду в Турции, недостатка нет. Молодой инженер Ялчин Адабаши, работавший тогда начальником рудника (месторождение бокситов находится в двух десятках километров от Сейдишехира, в местечке Мурташ), говорил: «Рабочие на стройке в основном из окрестных деревень и поселков, и они будут работать столько, сколько требуется».

Строительство алюминиевого завода имеет особое значение для Турции. Дело в том, что в стране до сих пор практически алюминий не производился. Правда, небольшой частный завод в Рабаке выплавлял этот металл (из лома), однако в таком незначительном количестве, что его не стоит и брать в расчет. Вместе с тем в Турции, как, впрочем, и в любой другой стране, алюминий находит все большее применение в промышленности, строительстве, быту. В Турции существует несколько заводов, производящих готовую продукцию из алюминия. Но сам металл страна вынуждена импортировать. Кроме того, имеющиеся заводы удовлетворяют потребности страны в алюминиевых изделиях не полностью, и разница покрывается также за счет импорта. Таким образом, в этой отрасли экономики Турция целиком была поставлена в зависимость от внешнего рынка. Необходимость импорта алюминия и изделий из него вела к увеличению дефицита внешней торговли, и без того имеющего хронический характер.

А между тем в Турции достаточные запасы сырья для производства алюминия — бокситов, следовательно есть возможность для организации собственного производства алюминия. Целесообразность и необходимость для экономики страны создания такого производства уже давно не вызывали сомнений. Турция не раз обращалась к западным странам с просьбой помочь ей наладить собственное производство алюминия, но неизменно получала отказ: Западу это было невыгодно.

Советский Союз изъявил готовность оказать Турции экономическое и техническое содействие в строительстве

алюминиевого завода с полным циклом работ — от переработки руды до выпуска металла и его полуфабрикатов. Алюминиевый завод в Сейдишехире будет производить в год 200 тысяч тонн глинозема, 60 тысяч тонн алюминия, 25 тысяч тонн проката.

Именно содействие Советского Союза позволит Турции таким образом решить одну из важнейших проблем ее промышленного развития. Завод в Сейдишехире является не просто очередным промышленным объектом. Фактически с помощью СССР в Турции создается новая отрасль промышленности — производство алюминия. В этом принципиальная важность стройки в Сейдишехире. С вводом в строй завода Турция получит возможность перерабатывать собственные бокситы. Завод в Сейдишехире позволит Турции полностью удовлетворить ее потребности в алюминии, а значит, освободиться в этой области от зависимости от внешнего рынка и сократить расходы по импорту.

Вновь создаваемая отрасль промышленности — алюминиевая — имеет особое значение, так как она не только дает строительный материал, но и исходную продукцию для ряда других отраслей промышленности. Не случаен в этой связи и интерес турецких военных к строительству завода. Они тоже мечтают иметь собственный алюминий, столь необходимый, например, в авиации, и тем самым хоть сколько-нибудь освободиться от зависимости от своих западных партнеров по НАТО, в первую очередь США. Наконец, завод в Сейдишехире позволяет Турции не только покрыть свои потребности в алюминии, но и экспортировать часть его, что даст возможность увеличить приток столь необходимой для экономики страны иностранной валюты.

Курбан-байрам

Наше пребывание в Сейдишехире совпало с началом праздника жертвоприношения — курбан-байрама. Это, пожалуй, самый большой праздник у мусульман. По обычаю каждый должен заколоть в этот праздник овцу или барана. Часть туши принесенного в жертву животного полагается отдать мулле, а из других частей готовят праздничные блюда. Дни, приходящиеся на курбан-байрам, официально считаются нерабочими.

Я спросил у одного из работающих на строительстве турецких инженеров, как отмечают курбан-байрам в обычной турецкой семье. Он ответил мне так: «В обычной семье закалывают несколько овец. Мясо раздают бедным, а из внутренностей жертвенных животных готовят праздничные блюда».

Иллюстрацией к этому объяснению было зрелище, которое мы увидели в первый день байрама из окон заводского отеля. К коттеджу, где жил главный инженер строительства, подвели целое стадо из пяти-шести баранов. На улицу вышли все домочадцы, в том числе и дети. Видимо, специально нанятый работник начал резать животных одного за другим. При этом кровь лилась рекой, и зрелище было отнюдь не из приятных.

В объяснение, данное мне инженером-турком, следует внести некоторые коррективы. Возвращаясь из Сейдишехира, мы увидели в Конье большой овечий базар, где продавали животных специально для жертвоприношения. Приценившись, мы выяснили, что средних качеств овца стоит 300—400 турецких лир. А ведь для многих такая сумма равняется месячной зарплате. Ясно, что при таких ценах далеко не каждый может позволить себе заколоть в день праздника не только несколько, но даже одну овцу.

В общем же курбан-байрам отмечают в Турции широко, кто как может. В городах праздник менее заметен. В Анкаре, например, я не видел, чтобы где-нибудь на улице резали овец. Другое дело в деревнях и местечках, через которые мы проезжали. На улицах много народа, чувствуется оживление. Повсюду перед домами вдоль дороги — туши заколотых овец, куски мяса, сложенные в тазы.

Конья — столица сельджуков

На обратном пути из Сейдишехира в Анкару мы остановились в Конье, чтобы познакомиться с городом и его достопримечательностями. Конья расположена примерно в центре Конийской равнины. Это один из десяти крупнейших городов Турции. Его население составляет 200 тысяч человек. Конья имеет богатое историческое прошлое.

Проводившиеся в городе и его окрестностях раскопки свидетельствуют о том, что поселения на месте Коньи существовали еще в эпоху неолита (VIII—VI тысячелетия до нашей эры). В XIV—XII веках до нашей эры в Конье утвердился древний народ — хетты, чья власть распространялась тогда на значительную часть Малой Азии. Археологи обнаружили в Конье много памятников этого исторического периода. Позже Конья входила в состав Фригийского и Лидийского царств. При фригийцах Конья достигла большой известности, она стала одним из крупнейших городов Малой Азии.

В VI веке до нашей эры Конья была завоевана Ахеменидами и вошла в состав Ирана. Персов сменили войска Александра Македонского, завоевавшие город. Вскоре после его смерти (IV век до нашей эры) Конья вошла в состав государства, созданного одним из военачальников Александра Македонского — Лисимахом. Древние греки называли город Иконион. Легенда гласит, что Персей, сын Зевса и Данаи, отсек голову чудовищу, Медузе, и водрузил ее над городскими воротами. Отсюда и пошло название города — «Город с иконой».

Позже Конья еще не раз переходила из рук в руки разных завоевателей. В конце III века до нашей эры Аттал I присоединил город к Пергамскому царству, в составе которого он и находился до конца II века до нашей эры, после чего Конья перешла к римлянам и стала частью Римской империи.

Сохранились сведения о том, что в Конье в качестве административного чиновника Римской империи находился одно время знаменитый оратор Цицерон. Он изучал здесь искусство древнегреческих ораторов, а также написал несколько сот писем, в которых содержались интересные данные по истории Малой Азии.

Конья сохранила свое значение крупного центра и после распада Римской империи. На рубеже новой эры город стал одним из оплотов распространявшейся христианской религии. В течение нескольких столетий Конья входила в состав Византийской империи. В VII—IX веках нашей эры она несколько раз подвергалась нашествиям арабов, которые до основания потрясали империю.

В XI веке, когда в Малую Азию пришли турки-

сельджуки, Конья была захвачена сельджукским предводителем Куталмыш-оглу Сулейман-шахом. В конце этого же века сельджукский султан Кылыч Аслан I сделал город столицей своего государства. Наибольшего расцвета Конья достигла в XIII веке в период царствования Алаэددина Кейкубата I, когда стала не только административным, но и научным, и культурным центром империи сельджуков.

«Золотой век» Коньи длился до середины XIII века, когда турки-сельджуки уступили натиску пришедших с востока монголов. В самом конце XIII века последний сельджукский султан Алаэдин Кейкубат III погиб в борьбе с монголами. Однако монгольское владычество длилось недолго. В начале XIV века монголы ушли, а сельджукская империя распалась на восемнадцать независимых княжеств-бейликов. Конья оказалась центром одного из таких бейликов, во главе которого стояла династия Караманов. Они довольно долго сдерживали наступление новых завоевателей — турок-османов. Это отчасти объяснялось тем, что интересы последних были устремлены в основном на северо-запад, к Константинополю, а не в глубь Малой Азии. В самом конце XIV века султан Баязид Молниеносный завоевал было Конью, но ненадолго — она снова перешла в руки Караманов. Лишь в 1466—1467 годах султан Мехмед II Фатих, после того как он завоевал Константинополь, обратил свой взор к Конье. Город, на этот раз прочно, был завоеван турками-османами, которые тем самым утвердили свое господство в Центральной Анатолии.

Немного найдется на свете городов, которые исчисляют свой возраст девятью-десятью тысячами лет. Конья, лежащая в центральной части Малоазиатского полуострова, оказалась на пути завоевателей, шедших с разных сторон — и с Запада, и с Востока; она пережила много разных цивилизаций. Следы некоторых из них сохранились и по сей день.

В окрестностях Коньи обнаружены барельефы, относящиеся к временам хеттского государства. От периода Византийской империи сохранились развалины христианских храмов. Однако больше всего Конья известна архитектурными и культурными памятниками времен турок-сельджуков. И одним таким замечательным памятником является мечеть Алаэددина, расположенная на

одноименном холме в центральной части современной Коньи. Сооружение мечети было начато султаном Масудом I и завершено Алаэджином I, имя которого мечеть и носит. Мечеть известна как царская, внутри нее находится мавзолей, где установлены саркофаги с останками восьми сельджукских султанов.

Неподалеку от мечети находился раньше султанский дворец. Полагают, что он был построен Кылыч Асланом II. В настоящее время от дворца сохранилась лишь стена. Когда мы были в Конье, то и в мечети, и вокруг стены шли реставрационные работы. Вообще чувствуется, что памятники сельджукской империи тщательно охраняются и рассматриваются как национальное достояние. Над куском сохранившейся стены дворца, например, возведен огромный железобетонный купол ультрасовременной формы, который издали привлекает к себе внимание. Вообще сельджукская архитектура, судя по тому, что мы видели, не отличалась легкими формами и светлыми тонами: здания приземисты, мрачноваты, массивны. Стены дворца сложены из кирпича темно-бурого цвета.

Замечательным памятником времен сельджуков является мавзолей Мевляны Джелаледдина Руми — известного поэта и идеолога ислама. Он оставил заметный след не только в государстве сельджуков, но и во всем исламском мире. Родился Мевляна в Хорасане, в городе Бельх. Отец его, Мухаммед Бахаэддин, был известным в своем городе ученым. Семья много путешествовала. Из родного города она переехала в Багдад, затем в Хиджаз, в Эрзинджан и, наконец, в небольшой городок Ларенде (ныне Караман) близ Коньи. Здесь Мевляна в течение нескольких лет преподавал в медресе и читал проповеди, а затем был приглашен султаном Алаэджином Кейкубатом I в Конюю.

Содержание идей Мевляны определяется в основном мистикой, терпимостью, стремлением везде отыскать добро. В своих проповедях он выступает за свободу личности человека, против рабства, многоженства, за то, чтобы каждый трудился в поте лица. Идеи Мевляны получили отражение в двух его основных трудах — сборниках стихов «Месневи» и «Дивани Кебир». Проповеди его пользовались огромной популярностью в мусульманских массах.

Умер Мевляна в 1273 году и был похоронен с большими почестями. В мавзолее до сих пор сохраняется гробница великого поэта. Как раз над ней сооружен высокий лазурно-голубой купол, который виден со всех концов города. Повсюду в Конье продаются сейчас медные круглой формы тарелки с изображением Мевляны и выдержками из его поэм и его изречениями. Одно из них встречается наиболее часто: «Либо веди себя так, как ты выглядишь, либо старайся выглядеть тем, кто ты есть». Что ж, слова эти не потеряли своего назидательного смысла и в наши дни.

Гробница Мевляны сделана из мрамора и покрыта зеленым шитым золотом покрывалом (зеленый цвет считается священным у мусульман). В изголовье установлен огромный тюрбан. Рядом — гробница сына Мевляны и других его родственников, а также личных телохранителей поэта. На этих гробницах — тюрбаны поменьше и попроще.

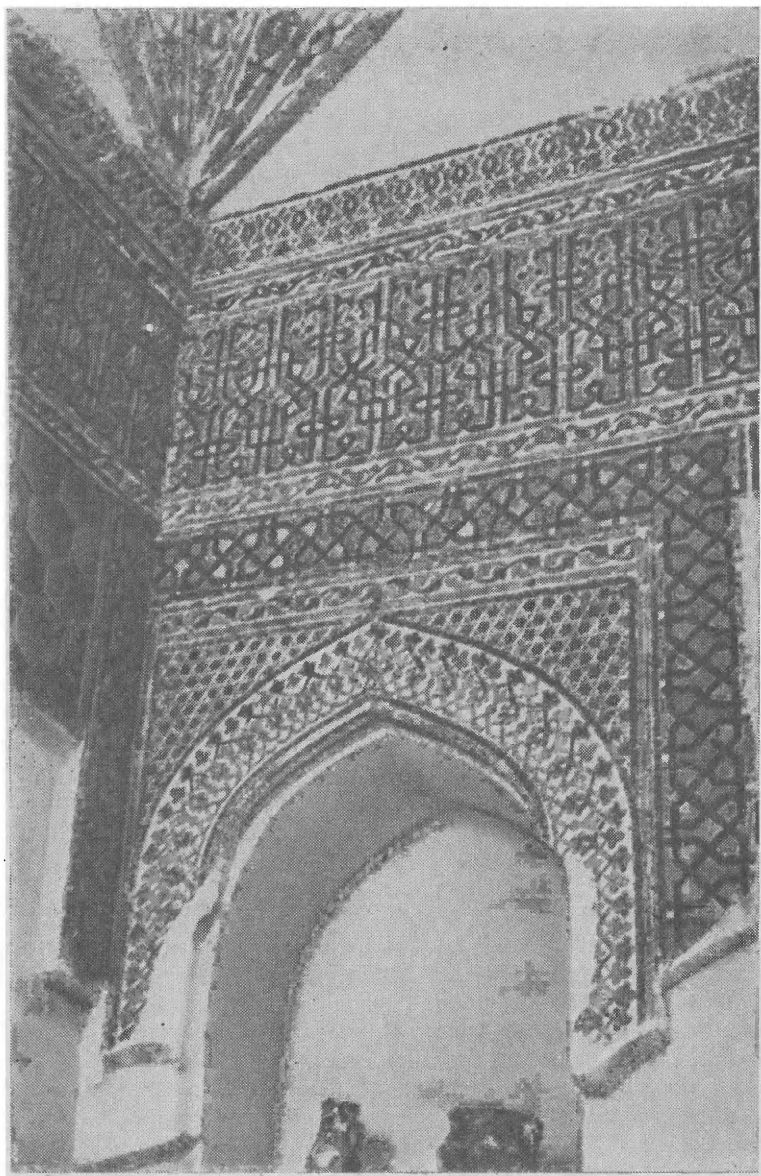
В 1927 году в мавзолее Мевляны открыт музей, где собрана большая коллекция домашней утвари, одежды, музыкальных инструментов и предметов церковного обихода как времен сельджукского государства, так и Османской империи. Выставлено также большое количество рукописных коранов, относящихся к разным периодам.

В здании мавзолея находится также музей дервишеской секты, основанной Джелальэдином Руми. Характерным признаком этой секты является ритуальный танец, во время которого дервиши кружатся в длиннополых расширяющихся книзу халатах. Танец этот исполняется в Конье и сейчас. В музее собраны сведения о деятельности секты и предметы обихода.

В то время как мы осматривали музей, произошел любопытный эпизод. Интересуясь по ходу осмотра некоторыми деталями, мы задавали вопросы служителю музея. Тот охотно отвечал и, в свою очередь, спросил нас, кто мы и откуда. В комнате в это время кроме нас находились два турецких солдата, по виду новобранцы. Они невольно подслушали нашу беседу со служителем, а когда перешли в соседнюю комнату музея, между ними состоялся примерно такой диалог:

— Слышал?

— А что?

Конья. Внутренний вид медресе Каратая

— Это русские, из Советского Союза.

— Что ты говоришь? Как же они сюда попали?

— Наверно, они со стройки в Сейдишехире, с алюминиевого завода.

Советские люди — большая редкость в турецкой провинции, но вести о больших стройках, развертывающихся с помощью СССР, доходят и сюда.

Интересным памятником времен турок-сельджуков является и медресе, основанная в 1251 году Джелаль-эдином Каратаем, сельджукским везиром. Здание хорошо сохранилось. Снаружи оно имеет довольно непривлекательный вид, и вряд ли какой-нибудь турист остановит на нем свой взор. Но внутри медресе поражает своей необычайной красотой черно-голубой узор высокого куполообразного потолка, выполненный глазурованными плитками. По потолку и стенам идут красивой вязью надписи — цитаты из Корана. Каждый посетитель долго любуется красивой мозаикой купола. Сейчас в здании медресе открыт музей. Там представлены остатки такой же великолепной мозаичной росписи летнего дворца сельджукских султанов, находившегося на озере Бейшехир неподалеку от Коньи и совершенно разрушившегося. На месте летнего дворца теперь ведутся раскопки. Кстати, мы проезжали озеро Бейшехир. Берега его очень живописны, и сельджукские султаны недаром выбрали это место для своей летней резиденции. Вода в озере своей голубизной и прозрачностью напоминает морскую; видимо, в ней растворено много солей.

Замечательным памятником сельджукского зодчества является мечеть Дарульхадис, построенная в 1265—1267 годах архитектором Келук бин Абдуллахом. Фасад мечети отделан на редкость красивой резьбой по камню. Резьба эта является уникальной. Мечеть была построена специально для чтения отрывков из «хадиса» — жизнеописания пророка Мухаммеда. Свою известность она получила благодаря минарету — пожалуй, наиболее изящному памятнику сельджукской архитектуры. Минарет так и называли — «индже минаре», что значит «изящный». Тонкой, легкой иглой он устремился в небо. Как и мечеть, минарет украшен великолепной резьбой по камню и глазурованными плитками. В 1901 году верхняя часть минарета была разрушена молнией, так что о его красоте можно судить лишь по оставшимся рисункам.

В память о сельджуках в окрестностях Коньи осталось несколько постоянных дворов — караван-сараяе, этих мотелей средневековья. Столетия проходят мимо этих прочных приземистых построек, не разрушая их.

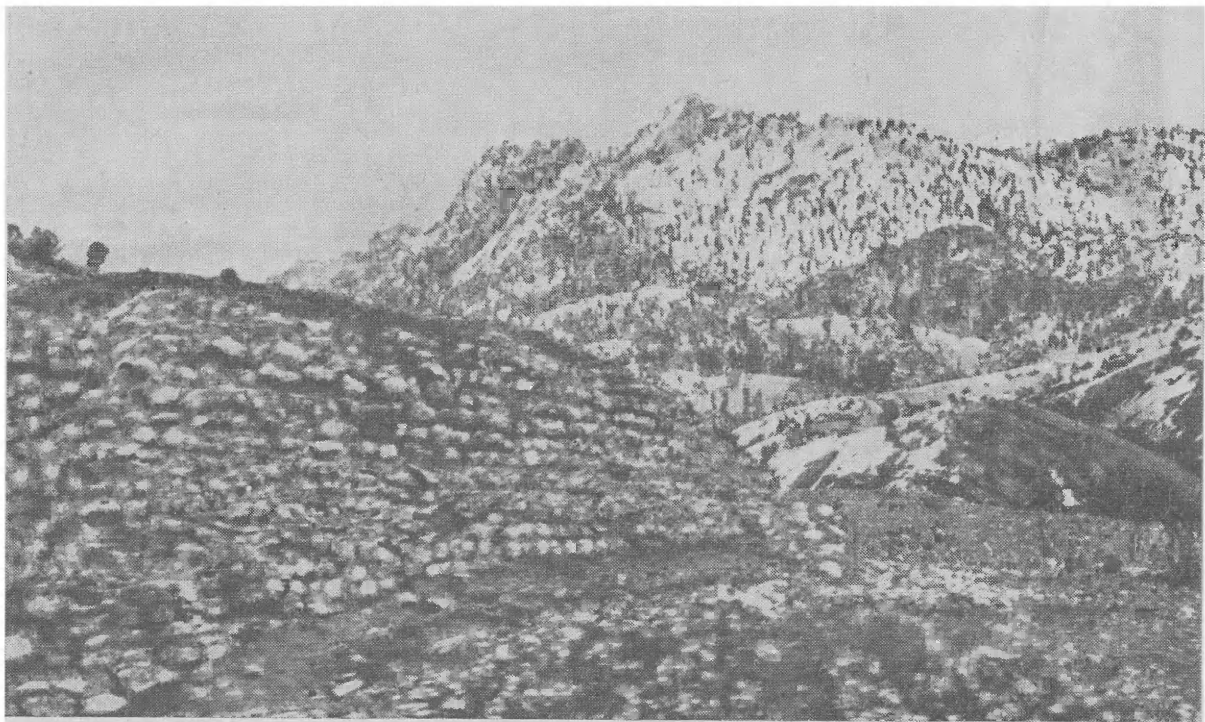
Конья — довольно красивый город. Много зелени, асфальтированные улицы. В центре города расположены торговые ряды, где привлекают взгляд великолепные изделия из меди конийских мастеров — кувшины, кофейники, чаши, тарелки. Все это украшено чудесной росписью. В городе много мечетей — не только памятников старины и музеев, но и действующих. Высокая концентрация мусульманского духовенства, видимо, накладывает определенный отпечаток и на политическое лицо города. Только в Конье мы видели на стенах домов антикоммунистические лозунги. Пожалуй, это явление типично для Турции: антикоммунистической пропаганде придается, как правило, религиозный оттенок.

Дорога на юг

Наша поездка в Искендерун состоялась также на машине. Мы присоединились к генеральному директору будущего металлургического завода, сооружаемого в Искендеруне при содействии Советского Союза,— Джавиду Мутушу, как раз отправлявшемуся из Анкары в Искендерун.

Погода стояла великолепная. С утра ярко светило солнце. Вскоре после выезда из Анкары мы увидели огромное озеро Тузгёль (Соленое озеро). Некоторое время дорога шла вдоль его берегов. На карте озеро покрыто пунктирными линиями, это значит, что летом оно почти полностью пересыхает. Но сейчас, в феврале, перед нами расстилалась безбрежная гладь воды. Кое-где плавали стаи уток, как видно зимующих здесь. В лучах солнца озеро было сказочно красивым.

Вдоль берегов озера и некоторое время после дорога идет по равнине. Здесь, в районе Тузгёль,— самые засушливые места в Турции. Вокруг все окрашено в бурокоричневый цвет. Деревни встречаются нечасто, они почти сплошь состоят из глиняных мазанок с маленькими оконцами. Деревни почти сливаются по цвету с землей, и кажется, что они присыпаны толстым слоем глиняной пудры. Ни на расстилающейся вокруг равнине, ни в самих деревнях—никакой растительности. Как оживили бы эти унылые селения хотя бы несколько деревьев. У того, кто впервые проезжает эти места, невольно возникает вопрос: почему не посажены деревья вокруг домов? Ответ местного жителя или человека, хорошо знакомого с местными условиями, будет прост: из-за недостатка воды.

Горный хребет Торос

Равнина тянется недолго, вскоре начинаешь чувствовать приближение одной из высочайших горных цепей Турции — гор Торос. Наконец вырисовывается и сам могучий горный хребет — высокие острые снежные вершины, склоны, поросшие хвойным лесом. Дорога становится уже и начинает петлять по склонам гор. Меняется и погода. За склоны гор цепляются серые лохматые тучи, начинает моросить мелкий дождь. Два-три раза шофер нашей «Волги» с трудом успевает вывернуть руль и избежать столкновения с выскакивающими из-за поворотов (и непременно посреди дороги) тяжелыми грузовиками.

На самом узком месте перевала через величественный Торос (перевал называется Гюлек богаз) дорога становится еще более тяжелой. К тому же движение здесь интенсивное. Навстречу нам один за другим мчатся и натужно режут тяжелые бензовозы: совсем недалеко, в Мерсине, находится крупнейший нефтеперерабатывающий завод, оттуда и идут мимо нас машины с нефтепродуктами в северные районы страны. Миновав очередной поворот, видим перед собой аварию. Грузенный бензовоз с прицепом чуть-чуть съехал с мокрого шоссе на свеженасыпанную обочину. Этого оказалось достаточно, чтобы он пополз вниз, в бездонную пропасть. Лишь застрявшие в глине задние колеса приостановили падение, и бензовоз буквально повис над пропастью. При аварии чем-то повредило кран под машиной, и оттуда хлестала струя густой темной жидкости. Шофер бензовоза, — молодой парень (я почему-то в этот момент подумал, что у него, должно быть, дома семья), несмотря на предостерегающие крики столпившихся вокруг водителей других машин, все-таки полез под свой грузовик, который вдрагивал, поскрипывал и вот-вот был готов сорваться вниз, и, рискуя жизнью, закрыл кран. Наверное, он нес какую-то материальную ответственность за содержимое цистерны. Вся эта картина оставляла гнетущее впечатление.

Тем временем вокруг бензовоза скопились десятки машин. Образовалась гигантская пробка. Лишь часа через полтора-два с помощью подъехавших к месту аварии военных дорожных машин удалось вытащить бензовоз и восстановить движение. Несколько позже, уже выезжая с перевала на другой склон горного хребта, мы

увидели картину другой аварии — в десятке метров от полотна дороги лежал на боку большой автобус. Пострадавшие были уже увезены, вокруг автобуса толпились лишь водители проезжавших мимо машин. Они переговаривались и сокрушенно покачивали головами. Да, нередки аварии на дорогах Турции.

Долго спускаемся по южному склону Тороса, постепенно съезжая на равнину. Снегов на горных вершинах здесь уже нет, но пейзаж тем не менее своеобразен и красив. Отроги гор чередуются с каменистыми плато. Между каменными глыбами и плитами на небольших площадках земли густо растут кустарники и необычные для нашего привыкшего к подмосковной природе взгляда высокие красивые травы.

К вечеру выезжаем на равнину. Близ города Тарсуса дорога раздваивается: одна ее ветвь идет на запад, к Мерсину, другая — на восток, на Адану и далее на Искендерун. Вся наша группа поворачивает к Мерсину, до которого, впрочем, недалеко — километров тридцать-сорок от развилки. Когда подъезжаем к городу, уже совсем темнеет, идет непрерывный проливной дождь...

В Мерсине

На следующее утро осматриваем Мерсин. Он расположен на очень пологом берегу Средиземного моря. Вдоль берега — парк, типичный для приморского города. Центральная улица идет также вдоль берега, параллельно парку. Кое-где здания иностранных консульств. Прилегающая к морю часть города довольно живописна, много новых современных зданий. Однако дальше от берега Мерсин теряет привлекательность — начинаются узкие грязноватые улицы с непременноми лавочками и овощным базаром.

Сам город лишен сколько-нибудь замечательных исторических памятников. Однако к западу от него, по побережью Средиземного моря, — много памятников древних цивилизаций.

Прибрежная полоса здесь ограничена с севера горным хребтом Тавр. Поросшие лесом горные склоны, речки с порогами и шумными каскадами, живописные морские бухты с природными пляжами — все это делает

местность очень привлекательной. Ее часто называют «турецкой ривьерой».

На Средиземноморском побережье Турции, как и на Эгейском, с древних времен селились люди. Так, нынешний турецкий городок Сиде, расположенный к западу от Мерсина, был некогда крупным коммерческим центром. Здесь во времена Римской империи сосредоточивалась средиземноморская торговля рабами. Это было делом прибыльным, и город процветал. Сейчас в Сиде около пяти тысяч жителей.

Еще далее к западу, близ местечка Перге, находятся развалины древнегреческого города, пережившего свой расцвет в III—II веках до нашей эры. Сохранились остатки крепостных стен, театра и стадиона. В этих же местах древними греками был основан и другой город — Аспендос. Он располагался в долине реки Кёпрючай. Древний Аспендос получил в наше время широкую известность благодаря тому, что там, как нигде в другом месте, хорошо сохранился театр, сооруженный во II веке до нашей эры. Остались целыми не только ряды, но и стены театра, рассчитанного на 25 тысяч зрителей. В настоящее время ежегодно, в мае, в древнем театре проходят фестивали драматического искусства. Однако вернемся из нашего экскурса в древность снова в современный Мерсин.

В восточной части Мерсина находится довольно крупный морской порт. Здесь же, на самом берегу моря, стоят корпуса и сооружения нефтеперерабатывающего завода «Аташ». К востоку от города расположены и некоторые другие промышленные предприятия. В общем восточнее Мерсина вырисовывается довольно внушительный промышленный комплекс.

Утром наша группа отправилась на строительство завода искусственных удобрений, также в восточной части города. Дело в том, что строила этот завод анкарская подрядная фирма «Кутлуташ иншаат ве тиджарет санайи ширкети», по масштабам страны довольно крупная, и турецкая администрация строительства металлургического завода в Искендеруне намерена была использовать ее услуги. Поэтому Джавид Мутуш решил посетить строительство завода искусственных удобрений, чтобы встретиться с подрядчиками и получить на месте представление о качестве выполняемых ими работ.

Подрядная фирма, в свою очередь, была заинтересована, как говорится, показать товар лицом.

Поначалу мы были приглашены в контору подрядчика, где состоялась наша беседа с руководителем подрядных работ инженером Мустафой Карамуллаоглу. Он рассказал нам, что завод искусственных удобрений принадлежит компании «Акдениз гюбре аноним ширкети». Компания эта смешанная: 10 процентов ее капитала принадлежат Деловому банку, 10 процентов — Сахарному банку (тоже частному), 40 процентов — турецкой государственной организации «Азот санайи аноним ширкети» и 40 процентов — кувейтской частной компании. Однако ни для кого не является секретом, что под вывеской кувейтской компании действует английский капитал.

Господин Карамуллаоглу сообщил нам, что строительные работы подходят к концу и через два-три месяца завод должен вступить в строй.

После осмотра строительства мы были приглашены администрацией завода и беседовали с группой руководителей строящегося предприятия. Беседа приняла общий характер. Каждый спрашивал о том, что его интересовало. Я задал несколько вопросов о заводе искусственных удобрений его директору и представителю компании «Акдениз гюбре» господину Фикрету Дикмену. В ответ он сообщил мне, что турецкие организации — пайшики компании дают средства на строительство завода в местной валюте, а «кувейтская» компания предоставляет иностранную валюту для закупки оборудования за границей. Соответственно эта компания после окончания строительства и пуска завода окажется его совладелицей и будет участвовать в дележе прибылей. Вся продукция завода будет потребляться исключительно внутри Турции. Производительность его составит 800 тысяч тонн продукции в год.

Фикрет Дикмен подчеркнул, что производство строительных работ осложняется маломощностью турецких подрядных строительных фирм. Как правило, они не имеют собственных строительных машин и необходимого оборудования, а берут все это напрокат у государственных организаций. Зачастую подрядная фирма оказывается не в состоянии выполнить какие-либо специальные работы, например электромонтажные, установку сложного

агрегата и т. п. В таких случаях она приглашает субподрядчика. Таким образом в строительство оказываются вовлеченными до десятка, а то и больше подрядных и субподрядных фирм, причем далеко не все они выполняют свои работы качественно и в срок.

Завод искусственных удобрений в Мерсине — наглядный пример проникновения иностранного капитала в промышленность Турции. Производство искусственных удобрений — дело перспективное и выгодное, так как в стране в них сейчас ощущается большая потребность. Именно поэтому иностранная компания вложила деньги в эту отрасль промышленности. И сделала она это, став членом акционерного общества и совладелицей завода, что максимально выгодно для компании, так как она будет регулярно получать свою долю прибыли от реализации продукции явно рентабельного предприятия. Вместе с тем такое участие иностранного капитала невыгодно для турецкой стороны, так как значительная доля прибыли от эксплуатации предприятия будет уплывать за границу.

На строительстве металлургического завода

Выехав из Мерсина, продолжаем наш путь в Искендерун. Дорога идет на восток, параллельно южному, Средиземноморскому, побережью Турции. От Мерсина на восток, южнее горных цепей Тороса, лежит долина Чукурова.

Район этот — один из самых развитых в Турции в экономическом отношении, и это чувствуется по всему. В одном месте видим шагающие со склонов гор в долину металлические мачты высоковольтной линии электропередачи — довольно редкая деталь турецкого пейзажа. Плодородные почвы и благоприятные климатические условия позволили превратить долину в место интенсивного сельского хозяйства. Пустующих земель почти нет, повсюду распаханые поля. Во многих местах на полях на много километров тянутся навесные бетонные желоба искусственного орошения. Желоба, по которым идет вода, укреплены на бетонных стойках на высоте полутора-двух метров над землей.

Вдоль дороги непрерывно тянутся апельсиновые и мандариновые плантации. Наше пребывание здесь совпало с окончанием периода сбора цитрусовых. В памяти так и осталось обилие апельсинов всюду: горы апельсинов на прилавках овощных базаров; на дорогах и улицах городов — телеги и грузовики, доверху наполненные апельсинами. Нам рассказывали в Турции, что плантации цитрусовых — очень прибыльное дело; среди их владельцев немало миллионеров.

Дорога на Искендерун проходит через Адану, один из крупнейших городов Турции. Как и Мерсин, Адана не знаменита историческим прошлым и не богата историческими памятниками. Это современный город, в центре его — красивые прямые улицы, здания в стиле модерн. Довольно живописны мосты через реку Сейхан. В окрестностях города — те же нескончаемые плантации апельсиновых деревьев и те же горы апельсинов всюду.

После Аданы дальше на восток местность постепенно становится суше, растительность уже не такая зеленая и роскошная. Ближе к Средиземному морю подступают отроги Тороса, а на горизонте слева — сплошная цепь снежных вершин. Сразу за Аданой раз-другой над нами быстро проносятся и тают в небе реактивные самолеты. Опять чувствуется американское присутствие: здесь, в местечке Инджирлик, расположена крупная американская база ВВС.

Обогнув Искендерунский залив, дорога круто поворачивает на юг и тянется вдоль берега моря. Пейзаж почти тот же: слева по движению — гряды гор, которые, однако, к югу постепенно снижаются, справа — довольно плоский морской берег. Не доезжая нескольких километров до Искендеруна, сворачиваем с дороги вправо — здесь на довольно обширной прибрежной равнине и должны вырасти корпуса металлургического завода. Поскольку время близится к вечеру, осмотр территории завода откладывается на следующий день. А пока вся наша группа заходит в контору строительства, временно разместившуюся в одном из жилых домов, предназначенных для специалистов. Происходит взаимное представление, завязывается общая беседа.

Затем мы размещаемся в гостинице строительства, точнее, в своего рода доме для приезжих, расположенном на северной окраине Искендеруна. Вечером, во вре-

Ада́на. В центр. города

мя встречи с работающими на строительстве турецкими специалистами у меня завязывается беседа с подрядчиком по сооружению жилых домов для специалистов будущего предприятия. Мы уже успели осмотреть эти дома, он выглядит добротно, квартиры в них просторные и комфортабельные.

Мой собеседник, как, впрочем, и многие другие, проявляет большой интерес к жизни в нашей стране. Он спрашивает, как живут у нас крестьяне, как организована работа в колхозах. Его интересует, есть ли личная собственность у наших колхозников и какая, высока ли стоимость жизни в СССР, как велика квартирная плата. По тону собеседника угадываю, что кое-какие сведения о жизни в Советском Союзе он уже почерпнул в турецкой печати, но, видимо, не уверен в их достоверности и объективности и им движет искреннее желание узнать правду.

Я стараюсь как можно полнее удовлетворить любознательность соседа, а затем, в свою очередь, спрашиваю, как идут его дела. Глава подрядной фирмы, он без колебаний отвечает, что дела идут неплохо. Он доволен ходом строительства жилых домов для металлургического комбината и надеется, что довольны будут и обитатели этих домов, в том числе и советские специалисты.

Глава подрядной фирмы сообщил: «В начале моей деятельности у меня был кое-какой начальный капитал. Я развил дело и добился успеха, и теперь моя фирма процветает. Но наличие капитала не является непременным условием. Каждый может начать дело и старанием и прилежанием развить его».

Первая часть этого высказывания вполне понятна. Носитель капитала — это хищная рыба в море частного бизнеса, вступающая в борьбу с другими хищниками большего или меньшего масштаба, и тут уж кто кого. Но вторая часть высказывания моего собеседника звучала уже как явная пропаганда частного предпринимательства, в которую он и сам, конечно, не верил. Мелкой рыбешке вряд ли повезет в этом море, зато шансов быть съеденной у нее много.

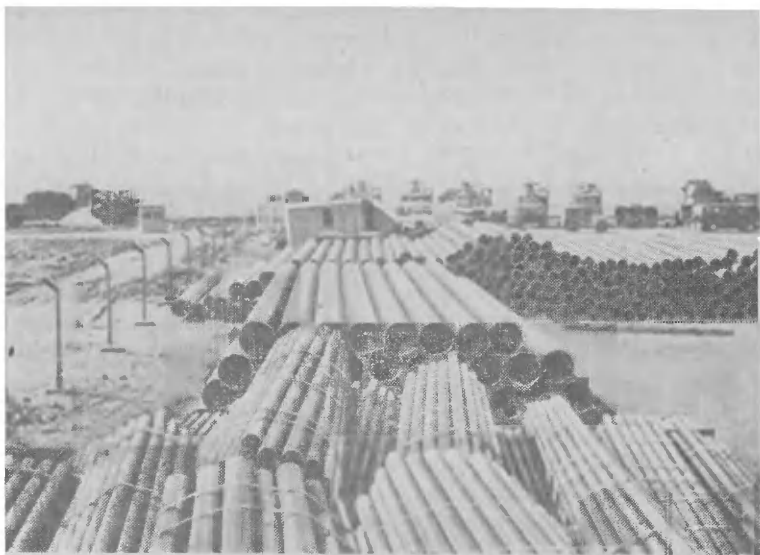
На следующее утро мы поехали на стройплощадку завода. На этот раз времени было достаточно, чтобы осмотреть всю территорию строительства. Собственно, пока что были построены лишь кварталы жилых домов,

расположенные на возвышенности к югу от основной строительной площадки. В конторе строительства я видел план будущего завода. Рядом с ним должен возникнуть целый город со своими кинотеатрами, парком, столовыми и другими общественными зданиями.

А пока строительство только разворачивалось. Жилые дома на холме — это только начало. Отсюда, с холма, видно огромное, едва обозримое глазом поле, на котором поднимутся корпуса и сооружения будущего завода. Сейчас на этом поле шли земляные работы. Людей почти не было видно, однако работы эти выполнялись высокими темпами, так как были полностью механизированы. Огромные «кэтерпиллеры» — скреперы и бульдозеры — шли по полю рядами, подымая пыль, словно танки в атаку. Грунт вынимался в дальней от морского берега части поля и перевозился к берегу, где его ссыпали в море, наращивая таким образом береговую полосу. Одновременно шло строительство причала и дамбы для ограждения от морских волн, так как берег в этом месте открытый. Я поинтересовался, откуда здесь столько строительных машин, и мне ответили, что они принадлежат Государственной организации по строительству шоссейных дорог.

Для того чтобы дать представление об объеме земляных работ на стройке, можно привести цифры, сообщенные мне в беседе одним турецким инженером: всего планом строительства предусмотрено вынуть 7,5 миллиона кубических метров грунта и засыпать на строительстве порта 1,5 миллиона кубометров грунта и каменной массы.

Затем мы осмотрели два склада: один — в глубине поля, другой — почти на самом берегу моря. Здесь на огороженных площадках аккуратно сложено уже доставленное из Советского Союза оборудование и стройматериалы для металлургического завода. Еще всюю шли работы по выемке и засыпке грунта, по планировке территории будущего завода, а из Советского Союза уже поступили вместе с первыми партиями оборудования для завода и подготовленные нашими специалистами рабочие чертежи на сооружение кузнечного цеха, склада чугуна, тепловозо-вагонного депо и других объектов и узлов. Советские организации выполняли свои обязательства в срок, и на повестку дня вставал вопрос о том,

*Искендерун.
На строительстве металлургического завода*

чтобы непосредственно приступить к строительству этих сооружений.

Еще до начала осмотра строительства, когда все находились в конторе, я, заметив, что генеральный директор завода Джавид Мутуш на какой-то миг оказался свободным от собеседников, тотчас воспользовался этим и попытался «проинтервьюировать» его. Генеральный директор сказал, что строительство металлургического завода является очень своевременным, так как стране не хватает металла. Предоставленный Советским Союзом кредит на закупку оборудования оказался в данном случае очень нужным Турции. Вообще такая форма кредита, как подчеркнул Джавид Мутуш, очень подходяща для страны с точки зрения ее национальных интересов.

«Скажите,— спросил я его,— как вы расцениваете такое участие иностранного капитала в экономике Турции, с каким мы столкнулись на заводе искусственных удобрений в Мерсине?» И мой собеседник прямо признал, что

такая форма «помощи», в отличие от советского кредита, не соответствует целям развития национальной экономики.

«Тяжелая промышленность,— сказал Джавид Мугуш,— в частности металлургическая,— это очень перспективная область для развития экономического сотрудничества с Советским Союзом. В первой очереди Искендерунского металлургического завода запроектировано сооружение двух доменных печей. Однако проект предусматривает расширение завода — сооружение третьей, более крупной доменной печи. И здесь мы также надеемся на сотрудничество с Советским Союзом, на его экономическое и техническое содействие»¹.

Вечером советские и турецкие специалисты собрались на совместный ужин. Обстановка за столом царила исключительно дружелюбная. Здесь, как и на других стройках в Турции, где работают наши инженеры и техники, отчетливо чувствовался дух сотрудничества, который заслонял наслоения прошлого, различия во взглядах. Наши хозяева угощали нас рыбой и другими дарами моря. Искендерунцы утверждают, что их креветки самые крупные в Турции и вообще во всем мире. Не берусь судить о степени достоверности этого утверждения, но скажу, что в тот вечер подавались креветки действительно грандиозных размеров.

С обеих сторон провозглашались тосты за сотрудничество, за дружбу, за успех общего дела. У меня завязался разговор с одним из сотрудников турецкой администрации, ответственным за учет и хранение поступающего на строительство советского оборудования. По всему чувствовалось, что собеседник мой (пожилой, степенный человек, привыкший к бухгалтерской точности) проявляет искреннюю заинтересованность в порученном ему деле. «Я понимаю,— сказал он мне,— что строительство завода — очень нужное для нашей страны дело. Мне хочется как можно лучше наладить прием советского оборудования в искендерунском порту, содействовать

¹ Принципиальная договоренность о сотрудничестве в расширении строящегося в Искендеруне металлургического завода была достигнута во время официального визита в Турцию Председателя Президиума Верховного Совета СССР И. В. Подгорного в апреле 1972 г.

упрощению таможенных формальностей, правильно организовать учет и хранение оборудования на строительной площадке. Я искренний сторонник экономического сотрудничества с Советским Союзом. Оно полезно моей стране».

«В свое время,— продолжал он,— мы считали американцев друзьями, но потом события помогли нам понять их истинные цели, и мы больше не хотим их видеть у себя в стране. С Россией же нам пришлось много воевать в прошлом, и это, конечно, до сих пор лежит тяжелым грузом на сознании людей. Однако сейчас советские люди пришли к нам друзьями, и можете быть уверены, что на искренность и дружбу мы ответим тем же...».

В результате многих моих бесед в Турции у меня сложилось впечатление, что вот такая совокупность взглядов сейчас довольно распространена в среде патристически настроенной турецкой интеллигенции. Ярко выраженная враждебность к американскому присутствию в стране сложилась на основе собственных наблюдений, собственного опыта и потому достаточно устойчива и категорична. Однако патристически настроенный интеллигент, выступая за освобождение страны от американского влияния, делает это совсем не для того, чтобы место американцев занял кто-нибудь другой. Он хочет видеть Турцию подлинно независимой. Большой сдвиг в развитии советско-турецких политических отношений, бурный рост экономических связей между двумя странами вызывают у такого интеллигента, к тому же находящегося в той или иной степени под влиянием антисоветской пропаганды, некоторую настороженность: «А с чем пришли русские?». И вот тут сам характер и сама практика экономического и технического сотрудничества с Советским Союзом, само пребывание в Турции на строительстве промышленных объектов советских специалистов, их стиль работы и их отношение к делу служат лучшим доказательством принципиального отличия «советского присутствия» от американского, доказательством того, что Советский Союз помогает достичь подлинной независимости.

В строительстве завода в Искендеруне участвуют не только частные фирмы, но и государственные организации, например Государственная организация по строительству шоссейных дорог, управление Карабюкского

металлургического комбината. Это было в самом начале строительства. Когда же оно развернется полностью, к делу, наверное, будут привлечены и многие другие организации. Это понятно, ибо металлургический завод в Искендеруне сейчас стройка номер один в Турции.

О значении производства стали для промышленности и всего народного хозяйства говорить не приходится. Во втором пятилетнем плане развития Турции, кстати, прямо указано, что черная металлургия является решающим звеном развивающейся экономики. Потребление черных металлов в стране, в связи с разворачивающимся промышленным и гражданским строительством, растет из года в год. Об этом говорят, например, такие цифры: в 1962 году потребление черных металлов на душу населения составило 18 килограммов, в 1967 году — уже 33 килограмма, а в 1972 году — свыше 50 килограммов.

Потребление растет, а производство далеко не поспевает за ним. В настоящее время черные металлы производятся в Турции в основном двумя крупными металлургическими заводами — в Карабюке и Эрегли. Карабюкский металлургический комбинат принадлежит государственному сектору. Он построен в 1938 году, затем несколько раз реконструировался и может производить в год 620 тысяч тонн стали. Эреглийский комбинат вступил в строй в 1965 году. Он принадлежит частной акционерной компании, и его мощность составляет 500 тысяч тонн стали в год. Гораздо менее значительным по объему производства является сталелитейный завод в Кырыккале, принадлежащий государственной организации «Макина ве кимья эндюстриси куруму». Его производительность — 60 тысяч тонн стали в год. Кроме того, в Турции действуют десять небольших частных сталелитейных заводов, выплавляющих в основном высококачественную сталь. Вместе они дают 200—300 тысяч тонн продукции в год.

Общее годовое производство стали в стране составляет 1,1—1,3 миллиона тонн. Это далеко не удовлетворяет потребности в ней (потребность в стали в 1972 году, например, была определена в 2,18 миллиона тонн). Единственный выход из такого положения — импортировать черные металлы, что и приходится делать. В 1969 году Турция импортировала около 300 тысяч тонн черных металлов. В начале 1970 года в Турции был органи-

зован семинар с участием заинтересованных организаций, посвященный специально проблемам металлургии. Участники семинара пришли к выводу, что в 1970—1975 годах страна должна будет ежегодно импортировать 500—800 тысяч тонн чугуна и стали для удовлетворения внутренних потребностей.

Создалось такое положение, что производство черных металлов в стране отстает от запланированного уровня, а импорт их как по ассортименту, так и по количеству превышает плановые наметки. Прямым следствием дефицита черных металлов является рост цен на них на внутреннем рынке и спекуляция ими. Турецкое правительство в таких условиях неоднократно вынуждено было прибегать к специальным мерам. Так, летом 1969 года министерство промышленности заявило, что в связи с нехваткой черных металлов они во избежание спекуляции будут распределяться только через специальные центры. В том же году правительство приняло ряд мер по поддержанию стабильных цен на черные металлы на внутреннем рынке, а также снизило таможенные тарифы на импортируемые черные металлы, чтобы обеспечить их поступление к потребителю по более низким ценам.

В 1970 году министерство финансов Турции дало указание Центральному банку о первоочередности валютных переводов за ввозимые черные металлы. Это такая статья импорта, от которой нельзя отказаться, как, например, от духов или каких-нибудь других предметов не первой необходимости. Без черных металлов и изделий из них не обойдется, пожалуй, экономика ни одной страны. Импорт черных металлов в Турцию растет из года в год. И все же он недостаточен, так как его лимитируют валютные возможности страны.

Хотя меры по увеличению импорта черных металлов и упорядочению их распределения в стране и приносят некоторые положительные плоды, ясно, что решающую роль в решении проблемы черных металлов в Турции сыграет ввод в действие металлургического завода в Искендеруне, сооружаемого при экономическом и техническом содействии СССР. Он будет давать миллион тонн стали в год. Предусмотрено увеличение производства до двух миллионов тонн стали в год с учетом возможности дальнейшего увеличения мощности завода до четырех миллионов тонн стали в год. Но даже первая оче-

редь завода мощностью миллион тонн делает это предприятие крупнейшим в Турции. Прокатный цех завода в Искендеруне будет производить в год 930 тысяч тонн проката разных сортов. Это больше, чем его производят все металлургические заводы Турции сейчас. Во втором пятилетнем плане развития Турции прямо указывается, что с металлургическим заводом в Искендеруне связаны надежды на удовлетворение остро ощущаемой на внутреннем рынке потребности в черных металлах.

Ввод в действие завода в Искендеруне позволит Турции полностью отказаться от импорта многих видов проката, а также сократить до минимума импорт черных металлов в целом. Турецкие экономисты подсчитали, что общая стоимость импорта черных металлов в Турцию в течение второй пятилетки примерно такова, что на эти деньги можно было бы построить еще один металлургический комбинат. Этот факт лишь подчеркивает важность и своевременность сооружения завода в Искендеруне.

Хотелось бы подчеркнуть здесь еще один момент в связи со строительством металлургического завода при содействии Советского Союза. Недостаток черных металлов на внутреннем рынке, ясно обозначившийся в последние годы, привел к тому, что к этой отрасли промышленности стал проявлять внимание частный сектор. Это выразилось в увеличении числа мелких сталеплавильных заводов, работающих в основном на металломе. Однако это не решило, да и не могло решить, проблему обеспечения черными металлами. Кроме того, проведенная в 1970 году девальвация турецкой лиры привела к сокращению частных капиталовложений в промышленность и замораживанию ряда проектов в частном секторе металлургической промышленности.

Задача строительства крупного металлургического завода, способного коренным образом изменить положение с черными металлами, оказалась по плечу лишь государственному сектору. Сооружаемый в Искендеруне завод будет полностью находиться в ведении государственной организации — генеральной дирекции завода. Впоследствии предполагается объединение обоих государственных металлургических заводов — Карабюкского и Искендерунского — под началом единого Управле-

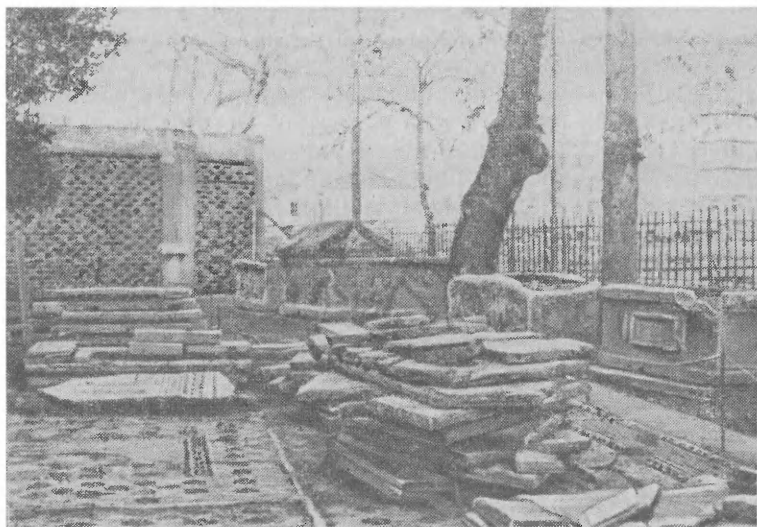
ния металлургическими предприятиями Турции. Это рассматривается как мера по улучшению планирования и укреплению руководства черной металлургией в государственном секторе. Таким образом, государственный сектор здесь доказал еще раз свою необходимость и свою решающую роль и с сооружением завода в Искендеруне значительно укрепляет свои позиции.

В Искендеруне, как уже говорилось, мы жили в небольшой гостинице на окраине города. Гостиница расположена в нескольких десятках метров от морского берега. Море здесь ласковое и теплое даже зимой, зеленая прозрачная вода так и манит к себе, хотя купающихся в эту пору здесь вряд ли можно увидеть. Здесь, в северной части города, вдоль берега сплошь тянутся причалы и всевозможные портовые сооружения. Искендерун ныне один из важнейших портов Турции в Средиземном море.

В самом городе мы успели побывать, хотя на доскональный осмотр его времени не было. Город небольшой, с населением около 82 тысяч человек, ничем внешне не примечательный. Красива городская набережная, скорее похожая на парк, с пальмами и другими вечнозелеными деревьями и кустарниками. Улицы города в основном узкие, с домами старой постройки. На южной окраине города — неприменный базар, куда крестьяне из окрестных деревень свозят, несмотря на зимнее время, кто на ишаке, а кто и на пикапе или грузовике, массу всевозможной зелени и овощей. И уж, конечно, в это время на базаре — горы апельсинов разных сортов!

В самом южном уголке Турции

Искендерун находится в самом южном вилайете Турции — Хатае, который тянется полосой с севера на юг вдоль берега Средиземного моря. Наши радушные хозяева — представители администрации строительства завода — любезно предоставили нам возможность совершить поездку дальше на юг, к центру вилайета — городу Антакье. Дорога от Искендеруна на юг также идет по гористой местности. Однако горы здесь не такие высокие, как Торос в районе Мерсина. Они приобретают спокойные, пологие очертания. Здесь больше расти-

*Антакья. Во дворе археологического музея.
Саркофаги времен Римской империи.*

тельности. Между горами лежат равнины, покрытые сочной травой.

Антакья — по величине примерно такой же город, как Искендерун. И внешне он почти ничем не отличается от Искендеруна: такие же узкие улицы, двух- и трехэтажные дома. Город расположен на равнине, обрамленной невысокими горными цепями. Он имеет довольно богатое историческое прошлое. Основанная в IV веке до нашей эры, одним из военачальников Александра Македонского, Антакья-Антиохия позже играла видную роль в Римской империи. Неоднократно землетрясения и войны сильно разрушали город. Теперь приходится лишь догадываться о великолепных архитектурных творениях, созданных здесь в античную эпоху.

Современный город стоит точно на месте древнего. Сейчас здесь всюду ведутся раскопки. Это очень своеобразное зрелище, когда раскопки идут прямо на улицах города, во дворах домов. Наслоения веков предстают тогда перед нами не в виде толстых пластов земли, лежащих над жилищами древних, а в виде новой жиз-

ли, которая разворачивается, идет своим чередом пад той, какая отшумела многие сотни лет тому назад.

Мы посетили местный археологический музей, где нашим экскурсоводом оказалась молодая черноволосая девушка, как видно, очень увлеченная своим делом. Она рассказала, как трудно вести раскопки на теле живого города. Тем не менее раскопки продолжаются, позволяя обнаруживать новые и новые памятники древности.

Во дворе музея собраны саркофаги, мраморные статуи, посуда и другие предметы времен Римской империи. Все это было найдено здесь же, близ музея или в нескольких кварталах от него. Но самыми замечательными находками являются, несомненно, мозаичные панно, украшающие сейчас стены залов музея и также относящиеся к временам Римской империи. Девушка-экскурсовод сообщила нам, что потребовалась большая и кропотливая работа археологов и реставраторов, чтобы собрать по кусочкам и восстановить эти панно. Зато труд этот дал возможность снова и снова восхищаться чудесными произведениями искусства древних.

Антиохия получила известность и как один из оплотов раннего христианства. Надпись, сделанная на стене церкви, расположенной на восточной окраине города, утверждает, что это — первый в мире христианский храм. Первому храму далеко, конечно, до собора св. Петра в Риме. Это просто большое углубление в отвесной скале, что-то вроде пещеры, где гряда камней служила алтарем, а свежая вода из бьющего здесь родника утоляла жажду первых служителей христианской церкви. Теперь в пещере сооружено нечто вроде кафедры, а сама она соответствующим образом оформлена и огорожена. У входа вас встречает служитель, продающий входные билеты, открытки и проспекты.

Из Антакьи мы проехали еще немного на юг, совсем приблизившись к южному участку турецко-сирийской границы. Наш маршрут закончился в местечке Харбие, в десятке километров от Антакьи. Местечко само по себе ничем не примечательно. Расположено оно в невысоких горах, густо поросших кустарником и лесом. Зимой здесь пустынно: у местного отеля мы увидели лишь одинокий «мерседес» какого-то случайного иностранного туриста. Но летом тишина и чистый горный воздух привлекают сюда много туристов.

Стамбул — самый крупный город Турции. Население его составляет 2 миллиона 300 тысяч человек. Когда я приехал в Стамбул после посещения многих городов Турции и сравнил его с этими городами, я убедился, что Стамбул — это город единственный в своем роде и производит неизгладимое впечатление. И дело здесь не столько в его величине, сколько в историческом прошлом, которое делает Стамбул городом исключительно своеобразным не только в Турции, но и на всем земном шаре.

Стамбул до сих пор сохранил черты той эпохи, когда он, называясь Константинополем, был столицей Восточной Римской империи. После того как в V веке Рим пал под ударами варваров, Константинополь стал единственной столицей Римской империи. Начался культурный расцвет города, достигший своего апогея при императоре Юстиниане в середине VI века. В 1071 году Византия потерпела поражение от турок-сельджуков, однако Константинополь оставался еще в руках византийцев. Лишь в 1453 году турецкий султан Мехмед II Фатих (Завоеватель) овладел городом, и тот, поменяв свое имя на Стамбул, на много веков стал столицей огромной Османской империи. Этот исторический период во многом определил облик города, особенно его центральной части.

Стамбул расположен на крайнем северо-западе Турции и находится, собственно, не в Малой Азии, а на территории европейской части страны, но тем не менее выглядит наиболее «восточным» городом Турции. Если смотреть на него с северного берега Золотого Рога (залива, глубоко вдающегося в побережье со стороны Босфора), взору открывается старый Стамбул с его дворцами и многочисленными мечетями. Таких огромных и

великолепных мечетей, как в Стамбуле, нет больше нигде в Турции. Они сооружались разными султанами, каждый из которых хотел превзойти своих предшественников. Теперь мечети пообветшали, но все же ощутимо напоминают о былом могуществе и богатстве Османской империи.

Голубая мечеть

Наиболее крупные мечети Стамбула широко известны. Их описание можно найти в справочниках и путеводителях. Повсюду в городах страны продаются цветные открытки с видами этих мечетей. В одной такой мечети, «Султан Ахмед», я побывал. Она сооружена в начале XVII века султаном, имя которого и носит. Стены мечети отделаны голубой мозаикой, а купол окрашен в голубой цвет, отчего ее называют еще и Голубой. Достопримечательностью этой мечети является то, что она единственная в Стамбуле имеет шесть минаретов. Предание гласит, что поскольку мечеть в колыбели ислама — Мекке — тоже имела шесть минаретов, то султан Ахмед, не желая бросать вызов Мекке и подчеркивая свое уважение к святому для всех мусульман городу, подарил храму в Мекке седьмой минарет.

Голубая мечеть — одна из самых крупных в городе. Она производит грандиозное впечатление. Купол ее имеет в диаметре 22 метра и достигает высоты 45 метров.

Вход в мечети свободный, независимо от того, собираешься ли ты молиться или просто поглазеть по сторонам. Надо лишь снять обувь у входа и либо надеть специальные тапочки, подаваемые служителем, либо пройти в мечеть босиком. Последнее не страшно, так как полы в мечетях устланы коврами.

Когда я оказался в мечети, там как раз шла служба. Группа молящихся, приблизительно около двухсот человек, занимала часть зала, отгороженную деревянным барьерчиком. В подавляющем большинстве это были пожилые люди. Городская молодежь мечети особенно не жалуется. Вообще в Турции религия отделена от государства: действует принцип лаицизма — один из принципов, определенных для Турецкой Республики и завещанных Кемалем Ататюрком. Принцип этот вызывал и

вызывает до сих пор бешеную ненависть мусульманского духовенства, которое оказалось лишенным своего бывшего могущества. Мало строится новых храмов, нет должного почтения к религии со стороны интеллигенции и молодежи — все это подогревает недовольство духовенства, которое никак не может примириться со сложившимся после создания республики положением вещей. Время от времени раздаются призывы к воссоединению церкви с государством, к созданию исламской республики и т. д. Периодически наблюдаются вспышки активности религиозных сект, появляются различные «пророки». Широкую известность получила, например, история с шейхом Саиди Нурси. В конце 50-х годов в городе Испарте появился старец, объявивший себя пророком. Саиди Нурси в своих проповедях призывал отказаться от европейской одежды, ввести религиозное образование, надеть на женщин чадру и т. д. Тогда же некоторые газеты напечатали обращение «пророка» к правительству, в котором он обещал правительству и «верному слуге ислама Аднану»¹ поддержку на выборах, если ислам займет подобающее место в стране.

Старец вскоре умер, но оставил после себя довольно многочисленных последователей — нурджистов. До сегодняшнего дня нурджизм остается довольно влиятельным религиозным течением в Турции и постоянно проявляет активность. Если в городе влияние религии в значительной мере ослаблено, то в деревне масса крестьян остается по-прежнему религиозной, муллы сохраняют силу воздействия на нее. Реакционные политические партии Турции не прочь пойти на союз с религией, чтобы использовать ее влияние на население в своих целях. Союз реакционеров от политики и от религии оказывается взаимовыгодным. Раньше (до 1960 года) Демократическая партия, а позже Партия справедливости удачно использовали этот союз, чтобы управлять действиями крестьян на выборах и получать их голоса, а потом торжествующе заявить, что они пришли к власти «волей нации». Со своей стороны, служители культа получали ощутимую поддержку, как-то: государственные ассигнования на строительство и поддержание ме-

¹ До 1960 г. у власти в Турции находилось правительство Демократической партии, возглавлявшееся Аднаном Мендересом.

четей, на расширение подготовки священнослужителей, в том числе в университетах, административную помощь в организации паломничества в «святые места».

Как мне не раз приходилось убеждаться, в Турции всякие попытки поднять значение религии, активизировать деятельность реакционных мусульманских сект встречают самое решительное осуждение и противодействие со стороны интеллигенции, которая в большинстве своем остается верной лаицистской концепции государства. Общаясь с представителями турецкой интеллигенции, приходишь к твердому убеждению, что союзу политической реакции с мусульманскими фанатиками противостоят достаточно активные силы. Во всяком случае, идея мусульманской республики не имеет шансов на успех.

Крайне правых в сегодняшней Турции обычно ассоциируют с религиозными фанатиками. Именно в мечетях раздаются неистовые призывы к «правоверным» бороться против всех левых, молить Аллаха покарать левых и коммунистов. Когда беседуешь с представителями турецкой интеллигенции — будь то чиновник или преподаватель университета, — отчетливо понимаешь, что религиозный фанатизм — это не просто дело совести, это политика. Он прочно занял место в одном строю с правыми, он хочет сохранить реакционные порядки, он — верная опора полуфеодалов — ага и тех, кто их представляет на скамьях меджлиса, он — надежнейший союзник тех, кто борется против левых, прогрессивных сил. Говорить о проблемах религии в сегодняшней Турции значит говорить о динамике борьбы между силами реакции и прогресса.

Вернемся, однако, после столь долгого отступления, снова в Голубую мечеть. Старик, сгрудившись за деревянным барьером, усердно молились, опускаясь на колени, стучаясь лбами о ковер и снова поднимаясь. На возвышении в центре обширного зала священнослужитель тягуче произносил в микрофон (религия не стоит в стороне от научно-технического прогресса) слова молитвы. Я подошел к возвышению: мулла был молод, видимо, вчерашний выпускник теологического факультета. Молитву он читал деловито, и лицо его не было отмечено печатью божественного вдохновения.

Молитва, о которой идет речь, не обошлась без

курьеза. В ходе бесчисленных поклонов передние ряды молящихся отеснили задних, и те, опрокинув барьерчик, упали навзничь. Мулла при этом не смог удержаться от смеха, ему пришлось даже прервать молитву и выключить на какой-то миг микрофон. Порядок, правда, скоро был восстановлен. Еще раз я увидел смешливого муллу, когда он выходил из мечети. Одет он был вполне по-мирскому — в пиджак и кепку. Выйдя из дверей, мулла быстро и озабоченно зашагал куда-то по своим делам, ничем не выделяясь в толпе прохожих.

Во время богослужения к мечети подъехал автобус с туристами из Европы (в Стамбуле вообще очень много туристов). Прибывшие (в основном молодежь) шумной ватагой ввалились в мечеть, предварительно тоже, конечно, сняв обувь, и растеклись по залу. Было немного странно видеть здесь, в этой обстановке, ковбойские джинсы, мини-юбки, обтянутые нейлоном девичьи ноги, легко и беззаботно ступавшие по коврам. Если бы хоть что-нибудь подобное представилось суровым поборникам мусульманских обычаев, молившимся в этой мечети, в чалмах и халатах, лет двести назад, они бы наверняка задохнулись от негодования. Все вместе взятое: молитва в огромной старой мечети с закопченными сводами и балками, молодой смешливый мулла, туристы — оставляло довольно противоречивое впечатление.

Христианский храм Ая-Софья

Побывал я в Стамбуле и в знаменитой Ая-Софье. В IV веке на месте нынешнего храма византийский император Константин соорудил простую часовню под деревянной крышей. Два раза часовня сгорала от пожара. В 532 году император Юстиниан задумал построить на ее месте самый большой и великолепный христианский храм. Строительство длилось пять лет и стоило 18 тонн золота. Когда оно было закончено, Юстиниан, как говорят, воскликнул: «О Соломон, я превзошел тебя!». Сразу же после завоевания Константинополя турками Ая-Софья была превращена в мечеть. В течение веков храм оброс различными пристройками, значительно изменившими его облик. Внутри были частично разрушены либс замазаны великолепные мозаичные

Стамбул Ая-Софья

панно на библейские темы. В 1935 году по распоряжению К. Ататюрка мечеть была ликвидирована, а здание превращено в музей.

По внешнему виду Ая-Софья представляет теперь, после всех переделок, массивное и довольно громоздкое здание грязно-желтого цвета. Оно напоминает мечеть: круглый купол, вокруг — четыре минарета. Столетия, в течение которых Ая-Софья была мечетью, не прошли для нее бесследно. Внутри храма до сих пор висят огромные круглые зеленые щиты с именами пророка Мухаммеда и первых халифов.

Подойдя к Ая-Софье ближе и приглядевшись, убеждаешься, что перед тобой все-таки не мечеть. Несмотря на аляповатые пристройки, проступают черты, свойственные архитектуре христианских храмов. Однако полностью оценить величие Ая-Софьи можно лишь побывав внутри нее. Внутреннее помещение поражает грандиозностью своих размеров и величием форм, стены его устремлены вверх и оканчиваются огромным куполом. Стоя здесь, внутри Ая-Софьи, невольно испытываешь гор-

дость за мастеров, создавших это великолепное творение.

Исторически сложилось так, что здесь, в Стамбуле, столкнулись западная и восточная цивилизации. Памятников византийской и османской архитектуры в Стамбуле много. Собственно, почти весь город — это памятник архитектуры и искусства. Монументальными постройками византийские императоры и турецкие султаны думали прославить свои имена в грядущих столетиях. Однако когда смотришь сейчас на великолепные здания старого Стамбула, восхищаешься прежде всего гением человеческого разума и трудом человеческих рук, создавших произведения искусства, каждое из которых по-своему прекрасно.

Во дворце турецких султанов

В Стамбуле, городе со столь богатой историей, разумеется, много музеев. Один из них — музей Топкапы, бывший султанский дворец². Он расположен на самом берегу Босфора, на холме, откуда открывается великолепный вид на Золотой Рог, Босфор и Мраморное море. Прежде всего во дворце поражает необыкновенная роскошь, в которой жили султаны. Столетиями сюда стекались золото, драгоценности, произведения искусства со всех концов огромной Османской империи, созданной в результате военных захватов.

Здания дворца сооружались в разное время разными султанами и выдержаны в разных стилях. Все они расположены в парке Гюльхане, под сенью вековых платанов. В правой от входа части дворца находятся султанские кухни. Это длинные приземистые здания с лесом труб причудливой формы: они напоминают горшки или трубы очень старых паровозов. В кухнях теперь демонстрируется султанская посуда — уникальные фарфоровые сервизы, вывезенные из Франции, Китая, Японии, редкой красоты вазы. Коллекция эта считается одной из самых богатых в мире.

В других помещениях дворца выставлено оружие времен Османской империи: кривые турецкие сабли,

² Дворец Топкапы являлся резиденцией турецких султанов до середины XIX в.

ружья, пистолеты, щиты и шлемы. Привлекает внимание коллекция часов, от огромных до самых маленьких карманных. Однако все затмевают своим богатством султанские драгоценности. Здесь собраны десятки, сотни драгоценных камней: бриллианты, изумруды, рубины. Среди них много уникальных, например известный бриллиант «Спун мейкер» в 86 карат. Здесь же находятся несколько султанских тронов. Один из них, размером с двуспальную кровать, сделан из чистого золота и весь усыпан изумрудами. Другой — также из золота — украшен 25 тысячами жемчужин. Надписи на золотых подсвечниках высотой в человеческий рост сообщают, что изделия эти — литого золота, чтобы не оставалось никаких сомнений в богатстве султанов. Скольких человеческих жизней стоило все это богатство, добытое османскими завоевателями в разных концах света!

В музее Топкапы собраны и образцы одежды султанов. Многие предметы принадлежали, как гласят надписи, лично тому или иному султану. Шли века, менялась мода, менялась она и на султанскую одежду. На одном из расшитых золотом халатов, принадлежавшем юному султану, так и не достигшему совершеннолетия, — дыра на груди и расплывшееся пятно ржавого цвета. Это свидетельство темных дворцовых интриг: султан был заколот кинжалом в одной из галерей дворца. В нескольких залах музея выставлены принадлежавшие султанам ковры, картины, миниатюры, редкие рукописи.

Слева от входа во дворец расположено здание, воздвигнутое в XVI веке при Сулеймане I и предназначенное для заседаний султанских министров во главе с великим везиром — садразамом. На заседаниях иногда присутствовал и сам султан, спрятанный за решетчатым окном. На этой же стороне дворцового комплекса находятся помещения для совершения религиозных обрядов и хранения религиозных реликвий — «зуба и волос пророка Мухаммеда», а также его сабли и отдельных предметов одежды.

Дворец Топкапы по своим размерам невелик. Составляющие его здания расположены в строгом порядке. Они радуют глаз изяществом и легкостью архитектурных форм. Во внутренних султанских покоях много каминов, стены отделаны красивой глазурованной плиткой. Когда бродишь по залам дворца и вспоминаешь

историю царствования османских султанов, невольно возникает мысль о контрасте между красотой, великолепием и богатством и тем количеством зла, козней и интриг, которые гнездились здесь, в этих стенах.

Здания дворца образуют прямоугольник, вытянутый с юго-запада на северо-восток и разделенный поперечными стенами на три части. Вход во дворец находится в его юго-западной части. Здесь же располагается знаменитый султанский гарем — сераль, где в свое время жили сотни султанских жен и одалисок. Вход в сераль был строго запрещен для всех посторонних и охранялся евнухами. Впрочем, и сейчас посетитель может попасть в помещения гарема лишь с особого разрешения дирекции музея. Мы были избавлены от соблазна попытаться проникнуть в гарем, так как он был закрыт на ремонт. Кстати сказать, ремонтно-реставрационные работы ведутся на всей территории музея. Однако размах их, а также общее состояние музея Топкапы (как, впрочем, и других музеев Турции, которые нам удалось посетить) говорят о том, что средства, отпускаемые на эти цели, весьма скудны.

Северо-восточная часть дворцовой территории представляет собой нечто вроде террасы, возвышающейся над прекрасной панорамой Босфора и Золотого Рога. Здесь разводили тюльпаны — любимые цветы султанского двора. На террасах расположено несколько павильонов, или, как их здесь называют, кёшков. Это затейливой формы постройки, богато отделанные мрамором, слоновой костью, золотом, перламутром. Как правило, каждый имеет свое название, например Багдадский кёшк (построен в 1638 году султаном Мурадом IV по случаю завоевания Багдада) или кёшк Меджидие (воздвигнут при султানে Абдул Меджиде в конце XIX века). Между кёшками — бассейн с фонтанами, в котором, как рассказывают, вместо золотых рыбок плавали на потеху султану и его гостям обнаженные невольницы...

Долмабахче — маленький Версаль

В Стамбуле есть еще один султанский дворец — Долмабахче. Он построен в 1853 году при султানে Абдул Меджиде, которому надоело жить в доме своих

предков — дворце Топкапы. Для строительства нового дворца было выбрано место на северной окраине Стамбула, на самом берегу Босфора. Долмабахче построен в стиле Ренессанс и похож на европейские здания той эпохи. Отделка дворца отличается роскошью и вычурностью, многое здесь сделано в подражание знаменитому Версальскому дворцу. Светлое ажурное здание, окруженное высокой стеной, находится у самой воды. Прямо против парадных ворот возвышается небольшая изящная мечеть: вы все-таки не в Версале, а в Стамбуле. Мечеть носит то же название, что и дворец. В Долмабахче Абдул Меджид прожил всего несколько лет. Чем-то новый дворец ему не понравился, и он решил его покинуть. Позже еще несколько султанов использовали дворец как свою резиденцию. Долмабахче известен также тем, что в его комнатах, будучи тяжело больным, провел свои последние дни основатель Турецкой Республики Кемаль Ататюрк. Ныне дворец Долмабахче, как и Топкапы, превращен в музей, но, когда в один из немногих дней моего пребывания в Стамбуле мы подъехали к дворцу, оказалось, что на его воротах висит замок.

В находящемся поблизости служебном домике мы обнаружили полицейского и служителя музея, как потом выяснилось, экскурсовода. Присутствие полицейского вполне объяснимо: в музее хранятся большие богатства, в том числе бесценные картины и другие произведения искусства. Экскурсовод подтвердил то, что мне приходилось слышать раньше: среди экспонатов в музее Долмабахче находится несколько картин нашего выдающегося соотечественника — Айвазовского. К сожалению, нам не удалось ознакомиться с каким-нибудь каталогом, где были бы указаны названия этих картин. Как сообщил экскурсовод, Айвазовский некоторое время жил и работал в Стамбуле в качестве гостя султана Абдул Азиза, который был большим любителем живописи и сам недурно рисовал карикатуры. Картины Айвазовского, сообщил далее наш собеседник, имеются также в хранилище зала рукописей и миниатюр в музее Топкапы.

В ходе дальнейшей беседы мы выяснили, что музей Долмабахче закрыт в связи со срочной необходимостью ремонта и реставрации. Здание не поддерживалось в

должном порядке, не отапливалось, на него и на хранящиеся в нем экспонаты губительно действовала сырость, так как дворец расположен не только непосредственно на берегу Босфора, но и на одном уровне с ним.

Со стороны дворца Долмабахче хорошо видна так называемая Девичья башня, поднимающаяся прямо из Босфора у противоположного, азиатского, берега. Башня была сооружена в XII веке при одном из византийских императоров из династии Комненов и теперь служит маяком. С ней связана романтическая легенда. В той интерпретации, в какой я ее услышал, она выглядит так. В давние времена жил богатый и могущественный человек, у которого выросла красавица-дочь. По всему свету распространилась молва о необыкновенной красоте девушки. Услышал об этом и молодой принц из соседнего царства; он приехал на берег Босфора и, увидев девушку, вспылал к ней страстной любовью. Мудрецы, однако, предсказали, что красавица должна умереть от укуса змеи, и, чтобы оградить ее от змеиного жала, отец приказал отправить дочь в окруженную водой башню. В тоске по своей возлюбленной царевич тайно послал ей букет прекрасных роз. Когда же девушка взяла его, из букета выползла маленькая ядовитая змейка и смертельно ужалила ее. Едва весть об этом дошла до принца, он бросился в глубокие воды Босфора, переплыл его, припал губами к ранке на теле девушки, выпил оттуда змеиный яд и спас свою возлюбленную...

Нынешний Стамбул, по крайней мере в его центральной части, сохраняет черты времен Османской империи. Они характеризуются обилием мечетей и зданий старой постройки.

Есть в городе несколько джадде — широких проспектов. Однако большинство улиц — извилистые, узкие, изобилующие крутыми подъемами и спусками. Надо обладать большой сноровкой, чтобы водить по таким улицам автомобиль. Вполне естественно, что здесь часто возникают заторы в движении. Однажды мы попали в такой затор на такси. Делать было нечего, приходилось ждать, пока пробка рассосется. Шофер нашего таксомотора оказался одновременно и его владельцем. Таких владельцев транспортных средств турецкая ста-

тистика относит к «владельцам мелких предприятий обслуживающего сектора в экономике». Другими словами, это представители мелкой буржуазии, мелкие собственники, положение которых по существу ничем не отличается от положения рабочих.

Наш шофер — веселый, словоохотливый парень — за время вынужденной стоянки успел рассказать, как он со многими другими рабочими ездил на заработки в Европу. Три года он проработал в Бельгии шофером на грузовике, выполняя одновременно и работу грузчика. Работа была тяжелая: «Вертелся, как белка в колесе. И баранку крути, и нагружай, и выгружай». Тем не менее он остался доволен: скопил денег, купил легковую машину и на ней вернулся в Стамбул, да вдобавок еще и мотоцикл привез на крыше машины. Повинуясь чувству профессионального любопытства, шофер спрашивал, как поставлено таксомоторное дело в Москве, и долго изумлялся, узнав, что у нас государственные таксомоторные парки, в которых насчитываются сотни машин.

Шофер-рабочий, скопив тяжелым трудом деньги, превратился формально в мелкого предпринимателя, оставаясь по существу тем же трудящимся. Он работает день и ночь, мечтая стать «настоящим хозяином». Но этой его мечте вряд ли суждено осуществиться. Зато на каждом шагу его подстерегает опасность разориться, ликвидировать свое «предприятие» и снова превратиться в наемного рабочего. Такой процесс взаимодействия между пролетариатом и городской мелкой буржуазией характерен для капиталистического мира вообще и для стран Востока в особенности, так как там чрезвычайно распространено мелкое предпринимательство как в производстве, так и в сфере услуг.

Восточный базар «Капалы чаршы»

Достопримечательностью Стамбула является крытый рынок, или, как его здесь называют, «Капалы чаршы». Это типично восточный базар, сродни знаменитым базарам в Дамаске, Каире и других городах Востока. «Капалы чаршы» занимает довольно обширную площадь между дворцом Топкапы на востоке и Стамбульским

университетом на западе. Торговые ряды на этом месте существовали еще во времена Византийской империи, однако крытый рынок был сооружен при султани Мехмеде I. С тех пор он и сохранился до наших дней, причем сохранился не в виде мертвой музейной реликвии. И сейчас в бесчисленных рядах «Капалы чаршы» кипит жизнь. Несколько раз рынок горел. Последний крупный пожар произошел сравнительно недавно — в 1954 году. Однако «Капалы чаршы» неистребим, каждый раз он отстраивается снова и снова разворачивает бойкую торговлю.

Стамбульские старожилы шутят, что для того, чтобы только познакомиться с «Капалы чаршы», нужна по крайней мере неделя. В шутке этой большая доля правды, в этом я убедился сам. «Капалы чаршы» — это многие городские кварталы, десятки улиц, сотни магазинов, лавок и лавчонок — одним словом, целый торговый город. Границы рынка никак не обозначены, он начинается незаметно. Идешь по обычной кривой стамбульской улочке, вдруг начинаются какие-то убогие лавчонки, над ними появляется перекрытие — и попадаешь в мир торговли. Поначалу кажется, что попал в лабиринт, в сплошной хаос, и разобраться в нем нет никакой возможности. Постепенно, однако, осознаешь, что в этом хаосе есть свой порядок. Продажа разных товаров сосредоточена по разным кварталам и рядам (они примерно соответствуют улицам). Есть ряды ковровые, обувные, ряды изделий из меди, керамики, ряды меховщиков и торговцев драгоценностями. Отдельно продаются изделия из золота и драгоценных камней, отдельно — из серебра и отдельно — подделки под то и другое.

Лавки на «Капалы чаршы» разные по величине. В некоторых торговля идет бойко, туда заходят сразу по нескольку мюштери (покупателей), хозяин удовлетворенно суетится сам и заставляет резвее бегать продавцов и мальчиков-учеников. В других же рядах покупателей совсем мало, а то и вовсе нет. Хозяева лавок в таких рядах от скуки собираются кучками, беседуют. Если сюда забредает одинокий покупатель и останавливается у какой-нибудь лавки, хозяин ее отделяется от одной из кучек, медленно подходит к покупателю и предлагает свои услуги голосом, в котором не слышит-

ся никакой надежды продать что-либо. Невольно возникает вопрос, чем же живут эти мелкие торговцы, как зарабатывают себе на существование.

В рядах, где торгуют предметами старины, изделиями из меди, замши и овчины, много иностранцев, в том числе и американцев,— эти товары пользуются у них спросом. Здесь же, в этих рядах, можно встретить небольшие группки волосатых хиппи. У них в моде мохнатые, ярко раскрашенные жилеты и тулупы из овчины, а такого товара здесь как раз много. Вообще Стамбул — одно из излюбленных мест европейских и американских хиппи, путешествующих по свету. Их чем-то привлекает этот город. Такое положение отнюдь не вызывает радости у стамбульской полиции. Ее представители каждый раз с беспокойством взирают на новую компанию хиппи, высаживающуюся на берег с очередного парохода. Дело в том, что не все хиппи, заняв сидячее или лежащее положение, безобидно созерцают мир. Многие из них довольно активно занимаются контрабандой наркотиками, художественными ценностями, а то и просто воровством. Потому полиция и не спускает с них глаз.

Торговля на крытом рынке ведется, как в этом трудно убедиться, по простому принципу — продать товар любым способом. Еще лет десять тому назад во многих магазинах Стамбула покупатель и продавец договаривались о цене товара — рядились. Теперь торговля ведется более цивилизованными методами. В большинстве магазинов висят таблички, предупреждающие покупателей о том, что здесь «при фикс» — твердая цена и торговаться не следует. О крупных универсальных магазинах и говорить не приходится — там это само собой разумеется. Однако на «Капалы чаршы» свои порядки. В большинстве лавок там по-прежнему торгуются, азартно и долго. Покупатель, берущий товар по первой же названной цене, теряет уважение в глазах продавца.

Если в лавке не оказалось нужной вам вещи, а вы проявляете достаточно твердое желание купить ее, вас могут попросить подождать и даже предложат чашечку кофе, а тем временем мальчик сбегает за нужной вещью на склад, в крайнем случае ее приобретут в одной из соседних лавок и продадут вам с небольшой наценкой.

Если уж ничего нельзя сделать, то вам непременно предложат зайти через неделю.

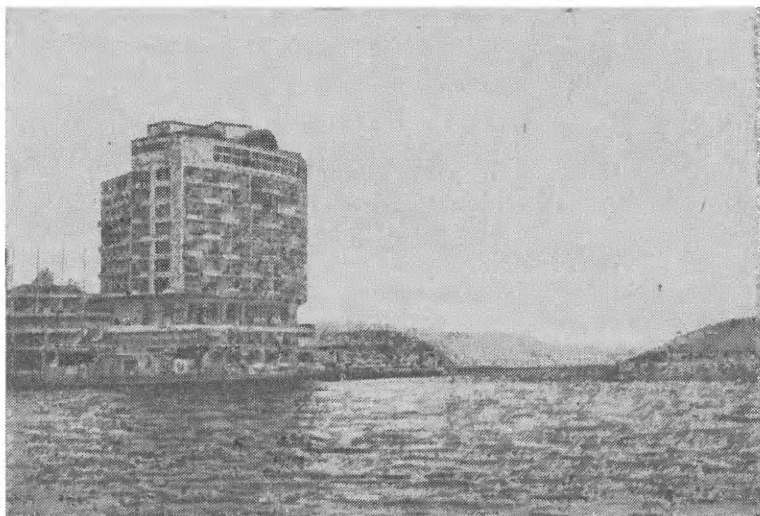
Продаваемый в некоторых лавках товар, например изделия из кожи, изготавливается тут же. Обычно такие лавки имеют два этажа. На втором этаже находится мастерская, а на первом продают вещи, изготавливаемые на втором этаже. Ныне в Турции развивается крупная капиталистическая промышленность, процесс индустриализации идет, несмотря ни на какие трудности. Однако мелкая кустарная промышленность, ремесло чрезвычайно распространены и живучи здесь. И в этом нетрудно убедиться в Стамбуле, да и в других городах Турции.

Как-то я забрел в северо-восточную часть города — Бейоглу, где располагаются кварталы городской бедноты. Вдоль узких улочек стоят здесь старые деревянные дома с характерными балкончиками-террасами на втором этаже. Как будто время прошло мимо этих улиц, ничего не изменив. Они полого спускаются к северному берегу Золотого Рога, откуда открывается великолепный вид на противоположный берег залива. Там тускло поблескивают купола массивных мечетей, белеют стены дворцов. Это тот самый сказочный Стамбул, который овеян романтическими легендами и преданиями. Воображение дорисовывает легкие парусники и изящные вёсельные галеры, скользящие по прозрачным водам Золотого Рога. Однако видение это быстро рассеивается. Золотой Рог теперь — это гремющий и лязгающий железом трудяга-порт, где у причалов стоят десятки пароходов со всех концов света. Да и вода его давно потеряла свою прозрачность: на поверхности ее всеми цветами радуги переливаются многочисленные масляные пятна.

То тут, то там возникают в Стамбуле рядом с мечетями и бывшими дворцами новые здания. Особенно большое строительство разворачивается на окраинах Стамбула, где можно видеть целые кварталы многоэтажных жилых домов.

На берегу Босфора

С одним нашим товарищем, работающим в Стамбуле, мы проехали вдоль европейского берега Босфора до того места, где пролив, расширяясь, переходит в Чер-

Современный отель на берегу Босфора

ное море. Автомобильная дорога идет по берегу, почти у самой воды. Проезжая вдоль пролива, обращаешь внимание на одно любопытное явление, которое, когда смотришь на карту, даже крупномасштабную, не бросается в глаза. Дело в том, что один берег пролива почти в точности повторяет очертания другого — как две половинки разломленного каравая хлеба. Образование пролива объясняют возникшей в свое время в материке (в результате вулканических процессов) трещиной, которая была заполнена водой из Средиземного и Черного морей.

Европейский, то есть западный, берег пролива довольно густо заселен. Здесь вдоль дороги непрерывной чередой следуют друг за другом населенные пункты, курортные местечки. Живописные берега Босфора издавна служили местом отдыха богачей, поэтому здесь много летних дворцов и вилл. На протяжении всего тридцатикилометрового берега пролива от Мраморного моря до Черного встречаются отели, причем некоторые из них довольно большие.

Очень красива бухта Бебек. На берегу ее среди зелени деревьев проглядывают светлые здания отелей, а

на голубой поверхности воды покачиваются десятки белоснежных яхт. Чуть севернее бухты высятся стены и зубчатые башни некогда грозной крепости Румелихисар. Крепость была выстроена в 1452 году, то есть как раз накануне завоевания Константинополя султаном Мехмедом II Фатихом. Ныне крепость вряд ли сохраняет какое-либо военное значение. Вечерами ее стены и башни красиво подсвечиваются фонарями, и она служит исторической декорацией современного Босфора.

Восточный, или азиатский, берег Босфора заселен гораздо меньше. Здесь основу пейзажа составляют не отели и виллы, а возделанные поля и пастбища, за которыми уходят вдаль поросшие лесом холмы Анатолии.

Старый стамбулец Музаффер-бей

Моему знакомству со Стамбулом немало содействовал Музаффер Гюрсель, стамбульский посредник некоторых наших внешнеторговых организаций. Старый стамбулец, Музаффер-бей сопровождал наши поездки по городу комментариями, которых не найдешь в справочниках и путеводителях. Однажды он пригласил меня отужинать в довольно простенький ресторан близ одной из центральных улиц Стамбула — проспекта Независимости. Войдя в ресторан, я обратил внимание, что обстановка в нем какая-то не турецкая. Оказалось, господин Гюрсель приготовил мне сюрприз. Хозяйками ресторана были две сестры-старушки, русские. Они говорили на русском языке, но с тем сильным специфическим акцентом, который присущ старым эмигрантам. Старушки радушно предложили отведать русских блюд, в том числе блинов с маслом. Однако и блины довольно далеко отошли от русского оригинала. Раньше в Стамбуле было много русских ресторанов, магазинчиков. Теперь их становится все меньше. Время идет, и эмигрантское племя постепенно вымирает.

В другой раз мы ужинали в закусочной, спрятавшейся в одной из бесчисленных стамбульских улочек. Незнакомый с городом человек вряд ли обратил бы внимание на эту закусочную. Я удивился, встретив в ней так много посетителей. Оказалось, здесь собираются гурманы, любители даров моря: мидий, креветок,

лагустов. Здесь же, около закуской, прямо на улице аппетитно жарят на раскаленных углях ракушки с рисом и пряностями и другие вкусные вещи.

Я имел возможность, воспользовавшись любезным приглашением господина Гюрсея, побывать у него дома и познакомиться с его семьей — приветливой, милой супругой и сыном-школьником. Музаффер-бей неоднократно бывал в нашей стране в деловых поездках, так что имеет представление о нашей жизни. А его супруга, госпожа Нериман, подробно и обстоятельно расспрашивала меня о Советском Союзе. На стене в просторной гостиной я увидел фотографию, на которой Кемаль Ататюрк запечатлен вместе с Джемалем Баяром. Фотография была очень старая — Баяр выглядел на ней совсем молодым. Надпись на ней гласила: «Баяр — Ататюрк». Я, конечно, заинтересовался, как такая редкая фотография попала к моим хозяевам. Оказалось, что госпожа Нериман состоит в родстве с бывшим президентом Турции: ее сестра замужем за сыном Джемала Баяра. Сама Нериман происходит из семьи крупного землевладельца-плантатора. До 1960 года он был депутатом меджлиса от Демократической партии, а потом попал на Ясыада³, где ему даже грозила смертная казнь.

В домашней обстановке, за чашкой чая, и во время наших поездок по Стамбулу мы много беседовали с Музаффер-беем. Он не скрывал, что до 1960 года был близок к Демократической партии и дела его шли хорошо. Потом, конечно, все пошло на убыль, пришлось даже продать «мерседес». Кстати сказать, машина эта пользуется большой популярностью в Турции; она стоит страшно дорого, и обладание ею служит показателем прочного положения в обществе.

Сейчас Музаффер-бей, несмотря на преклонный возраст, подвижен, энергичен и полон желаний работать. Он содержит маленькую контору по импорту промышленного оборудования, в том числе и комплектного, другими словами, является импортером-посредником. Не раз в разговоре со мной господин Гюрсель подчерки-

³ Ясыада — остров в Мраморном море, где состоялся судебный процесс над видными деятелями режима Баяра — Мендереса, свергнутого в результате военного переворота 27 мая 1960 г.

вал, что теперь он далек от политики, не держит ничьей стороны и его интересует исключительно бизнес. Однако вольно или невольно, но мы касались в наших беседах вопросов внутривластного положения в Турции. Музаффер-бей говорил, что правительство Партии справедливости, будучи у власти, испытывает большие затруднения как общеполитического, так и внутривластного характера. Большинство Партии справедливости в парламенте не является незыблемым, оно может быть ликвидировано. Тогда у власти окажется коалиционное правительство. Но сможет ли оно разрешить стоящие перед страной проблемы? Вот тут и возникает реальная возможность вмешательства армии, которая в Турции проявила и продолжает проявлять себя как активная политическая сила. В офицерском корпусе много людей, которые считают, что армия должна взять власть в свои руки и управлять страной.

Здесь мой собеседник обращал мое внимание на реально сложившуюся в стране обстановку. Она характеризуется тем, что в последние годы правительства, формировавшиеся в разных комбинациях из представителей одной или нескольких основных политических партий, оказывались не в состоянии осуществить давно назревшие социально-экономические преобразования, которых все более настойчиво требуют многочисленные группы населения. Такая обстановка порождает состояние перманентного политического кризиса в стране. Временами он обостряется, и тогда командование армии, видя, что правительство выпускает бразды правления из своих рук, выступает на авансцену политической жизни. Примерно такая обстановка сложилась накануне переворота 27 мая 1960 года, так было и в марте 1971 года, когда армейское командование опубликовало меморандум и потребовало отставки правительства Партии справедливости. Однако последняя акция не привела к ликвидации кризисного положения. Командование пыталось осуществить жесткие меры, лишь отстранив правительство, но сохраняя парламент в его прежнем составе. Это привело к тому, что формировавшиеся после 12 марта 1971 года (день опубликования меморандума) с ведома и одобрения армейского командования правительства оказались не в состоянии осуществить ни одной серьезной реформы, так как наталки-

вались на последовательную обструкцию парламента. Иными словами, акция военных 12 марта не привела к ликвидации политического кризиса. Командование турецкой армии, вмешавшись в политическую жизнь, оказалось перед дилеммой: либо признать свое бессилие и вернуть инициативу политикам от буржуазно-помещичьих партий, либо идти дальше по пути жестких мер и добиться осуществления реформ, о которых оно так много говорит.

Музаффер-бей рассказал мне, что через его контору была совершена сделка по закупке в СССР турецкой фирмой комплектного оборудования для хлопкопрядильной фабрики. Он сказал, что на пути развития торгово-экономических связей между нашими странами, как показал его личный опыт, еще стоят кое-какие препятствия, многие из которых носят формальный характер, проистекают из недостатка опыта экономического общения. Тем не менее в принципе он убежден, что такие связи — дело перспективное. Лично он намерен приложить максимум усилий для развития торговых и экономических связей с Советским Союзом. Господин Гюрсель без обвиняков заявил, что дело здесь не в его особых симпатиях к социалистическим странам, просто он уверен, что торгово-экономические связи с этими странами взаимовыгодны.

Такое отношение характерно для известной части делового мира Турции. В этом я убедился в результате бесед с деловыми людьми, которые мне пришлось вести. Если для идеологической элиты, представителей «думающей» интеллигенции, характерен подход к советско-турецким экономическим связям прежде всего с точки зрения их политической значимости, их влияния на внутренние процессы в Турции, то для бизнесмена эта сторона отступает на второй план. Он в основном исходит из соображений коммерческой целесообразности. Определенная часть деловых кругов Турции убеждена, что торгово-экономические связи с нашей страной — дело взаимовыгодное, и готова идти на расширение таких связей. Субъективно эти люди думают о процветании своего дела, о прибыли, объективно же они способствуют развитию советско-турецких экономических отношений, что отвечает национальным интересам Турции.

Разговор с бывшим министром

Музаффер-бей познакомил меня с интересным человеком — одним из своих старых приятелей, господином Хайреттином Эркменом, в прошлом видным деятелем Демократической партии. В 50-е годы господин Эркмен длительное время занимал посты министра промышленности и министра торговли в правительстве ДП. После переворота 27 мая он, разумеется, попал на Яссыада, а затем четыре с половиной года провел в тюрьме. Теперь господин Эркмен скромно занимается адвокатской практикой — ведет дела нескольких фирм.

Говоря о перспективах экономического развития Турции, Хайреттин-бей всячески подчеркивал преимущества частнокапиталистического сектора. Здесь он остался верен принципам своей бывшей партии, наследницей и защитницей которых теперь является Партия справедливости. «Частный сектор,— говорил он,— более гибок и лучше приспосабливается к экономической конъюнктуре. Производительность труда в частном секторе выше и, следовательно, себестоимость продукции ниже. Рыночная же цена устанавливается по наиболее высокой себестоимости. А поскольку таковая, как правило, на предприятиях госсектора, то частный сектор получает более высокую прибыль и оказывается таким образом более конкурентоспособным». Господин Эркмен признавал необходимость существования смешанной экономики (вряд ли кто в Турции сейчас будет открыто возражать против этого), но вместе с тем старался провести мысль, что госсектор был необходим в 30-е годы, когда надо было развивать промышленность, а частный сектор оказался слаб для этого. Теперь же он окреп и может действовать самостоятельно, а государственный сектор изживает себя.

Демократическая партия, находясь у власти, многое сделала для того, чтобы подорвать государственный сектор, подчинить его интересам частного капитала. Это дело продолжила Партия справедливости. Однако в Турции достаточно влиятельны и силы, выступающие за укрепление госсектора, совершенствование его административного аппарата, повышение производительности труда, ибо они рассматривают госсектор как базу экономической и политической независимости страны.

Неожиданно для меня господин Эркмен затронул в нашей беседе вопрос о Черноморском районе Турции. Бывший министр промышленности и торговли с неподдельным энтузиазмом говорил о том, что этот район имеет перспективы экономического развития. Там сосредоточены месторождения многих полезных ископаемых, высока плотность сравнительно грамотного населения, что обеспечивает рабочую силу, есть условия для интенсификации сельского хозяйства. Географическая близость Советского Союза и дешевизна морского транспорта делают заманчивой идею развития экономических связей Советского Союза именно с этим районом. «Раньше Россия вела оживленную торговлю с Черноморским районом Турции. Почему бы нам,— говорил господин Эркмен,— не возродить эту добрую традицию?»

Студенты Стамбула

Будучи в Стамбуле, мы, конечно, не приминули побывать в книжных лавках, которых здесь довольно много. Тогда, за несколько дней до меморандума военного командования, в магазинах Стамбула и других городов можно было видеть марксистскую литературу и массу левых изданий самых разных направлений. У книжных полок толпилось много учащейся молодежи: ведь Стамбул — самый крупный город Турции и по числу студентов. В книжном магазине на Анкарском проспекте я случайно разговорился с молодым человеком, оказавшимся студентом четвертого курса филологического факультета Стамбульского университета. Он даже назвал свое имя — тогда это можно было сделать без особых опасений, не то, что после меморандума 12 марта — в условиях гонения на левых.

Мой собеседник-студент сказал, что занятий сейчас нет, так как его факультет закрыт в числе других из-за студенческих волнений. Вот он и решил использовать свободное время, чтобы порыться в книгах. Движение студентов, говорил он, приобрело политический характер. Оно развивается под влиянием политических партий и борьбы между ними. По настрою моего нового знакомого чувствовалось, что мысли его заняты не

столько учебными делами, сколько политикой, что он несет в себе большой заряд того возбуждения, той наэлектризованности, которые были характерны для студенческой массы в месяцы, предшествовавшие меморандуму. Он говорил: «Идейное влияние самых крупных в стране партий на студенческую массу невелико. Гораздо большее влияние оказывают крайние течения, особенно крайние левые. Среди студентов очень популярны такие люди, как, например, Че Гевара. Чем они нас привлекают? Своей решительностью, революционным романтизмом. Широкое распространение среди студентов получают маоистские идеи»...

С такими высказываниями нам приходилось встречаться в Турции не раз. Они отражают действительное положение вещей. Молодежь — активная и динамичная политическая сила Турции — наиболее болезненно ощущает социальное неравенство и несправедливость. Молодежь хочет сегодня, сейчас же выступить на борьбу против этого, а наиболее решительные ее представители берут в руки оружие. При наличии таких настроений семена псевдореволюционной маоистской фразеологии, к сожалению, подчас попадают на благоприятную почву. Левацкие, авантюристские действия отдельных групп учащейся молодежи (некоторые из них были спровоцированы реакционными силами), не представляя реальной угрозы существующему строю, нанесли большой ущерб прогрессивному молодежному движению и левым силам Турции в целом, так как послужили предлогом для репрессий со стороны властей. Левацкий экстремизм, обладая внешней привлекательностью для молодежи, ведет к бесцельной трате ее сил, отвлекает от участия в массовом движении за демократию.

Мой собеседник интересовался последними событиями в Советском Союзе и социалистических странах. При этом ясно было, что он имеет самую недостоверную информацию. Тут уж явно постаралась турецкая пресса. Большинство газет, контролируемое реакционными кругами, использует любую возможность, чтобы представить в искаженном виде то, что происходит в социалистических странах, вызвать к ним недоверие и антипатию. Крайне редко на страницах турецких газет и журналов можно видеть материалы, более или менее объективно освещающие жизнь в странах социализма.

В редакции журнала

В Стамбуле мы побывали в редакции журнала «Бельгелерле тюрк тарихи» («Турецкая история в документах»). Редакция занимает несколько комнат в многоэтажном здании одного из центральных районов города — Сиркеджи. Журнал этот небольшой по объему и выходит сравнительно недавно — всего несколько лет. Судя по содержанию тех номеров, с которыми я познакомился, в сферу его интересов входит не столько история Турции и Османской империи, сколько вопросы мировой политики. И здесь журнал прочно стоит на позициях Запада. На страницах его часто встречаются перепечатки публикаций из изданий США и стран Западной Европы. В разделе «Среди книг» регулярно печатаются рецензии на зарубежные издания по вопросам истории и политики, в том числе на работы советских востоковедов.

В редакции нас весьма любезно встретил владелец и главный редактор господин Эртугрул Зекаи Окте, чрезвычайно подвижный и энергичный человек средних лет. В беседе с нами (сотрудником советского Генерального консульства в Стамбуле и автором этих строк) господин Окте рассказал о создании журнала и работе редакции. Он показал нам довольно обширную библиотеку исследований и документов по вопросам всемирной истории и истории Турции, русско-турецких и советско-турецких отношений, а также некоторые труды советских востоковедов, изданные в последние десятилетия. При этом главный редактор посетовал на то, что в Турции получать книги и периодические издания с Запада гораздо проще, чем из Советского Союза, так как установленный в ней на этот счет порядок затрудняет любой вид культурного общения с соседним Советским Союзом.

Наша беседа с господином Окте коснулась и некоторых политических аспектов. Здесь наш собеседник показал себя ревностным сторонником теорий западных геополитиков. Когда же разговор зашел о жизни Советского Союза, то здесь, к сожалению, вырисовалась типичная картина: главный редактор во многих случаях обнаружил искаженные представления.

Оценивая внутривосточную обстановку в Турции, господин Окте высказывался примерно в том же духе,

что и многие турецкие интеллигенты, с которыми я встречался и беседовал.

Господи Зекаи Окте говорил, что страну лихорадит, как человека с высокой температурой. Такое состояние долго продолжаться не может. Неизбежно должно произойти что-то, что ликвидирует это лихорадочное состояние. Вполне вероятно, что эту задачу опять возьмет на себя армия.

Наш собеседник коснулся и вопроса о ближневосточном кризисе. Как известно, Турция выступила за выполнение резолюции Совета Безопасности, предусматривающей возвращение арабским странам территорий, оккупированных Израилем в результате шестидневной войны. «Мне кажется,— сказал господин Окте,— что в перспективе Турция более четко и решительно должна определить свою позицию в поддержку арабских стран».

В Стамбульском университете

Было бы совершенно немыслимо, побывав в Стамбуле, не посетить одно из старейших учебных заведений страны — Стамбульский университет. Университет располагается в нескольких зданиях, в основном старой постройки, занимающих довольно большую территорию в центре Стамбула, к югу от Золотого Рога, и является крупнейшим в Турции: в нем обучается около 30 тысяч студентов. Главный вход в университет находится на площади Баязида. Это внушительных размеров арка с двумя боковыми башнями. Здесь, на площади Баязида, проходили многие студенческие митинги, в том числе знаменитые манифестации в апреле — мае 1960 года, сопровождавшиеся кровавыми схватками с полицией. Манифестации стамбульских студентов вызвали тогда целую серию студенческих выступлений в Анкаре, Измире и других городах — пролог к перевороту 27 мая.

Теперь, спустя десять лет, студенческие волнения вспыхнули с новой силой. Проходя по территории университета, мы видели студентов, в одиночку или группами бродивших между зданиями факультетов. Однако занятий в связи с волнениями почти нигде не было. У входа в здание литературного факультета, у закрытых дверей дежурили полицейские. Стекла некото-

рых окон были выбиты, а на уцелевших — кое-где круглые отверстия от пуль. Все это следы сражений с полицией. На здании экономического факультета — выведенная красной масляной краской надпись: «Да здравствует независимая Турция!».

В такой напряженной обстановке трудно было рассчитывать на встречи с преподавателями университета. И все же с помощью товарищей из нашего Генерального консульства в Стамбуле нам удалось посетить экономический факультет и побеседовать с профессором Орханом Туна, одним из крупнейших экономистов и социологов Турции.

В отличие от других факультетов, где жизнь замерла совсем, в коридорах экономического факультета наблюдалось какое-то оживление, хотя регулярных занятий не было. Орхан Туна, пожилой плотный человек с уверенным взглядом и скупыми, но энергичными движениями, принял нас в своем маленьком рабочем кабинете, заваленном книгами и рукописями. В нашей беседе участвовал профессор Невзат Ялчинташ, представитель более молодого поколения ученых. Он преподает и работает на экономическом факультете, однако как раз тогда на время был откомандирован в распоряжение Государственной плановой организации в Анкаре. Кстати, он сообщил нам, что в последние годы Госплан Турции систематически привлекает ученых к разработке экономических рекомендаций.

Наш разговор с Орханом Туна начался с оценки советско-турецкого экономического сотрудничества, причем профессор сразу связал это с судьбами государственного сектора экономики страны. «Госсектор,— сказал он,— оформился в 30-е годы как база создания национальной промышленности. Тогда же возникли многие государственные промышленные предприятия, в том числе и текстильные фабрики, имевшие немаловажное значение для укрепления независимой экономики и построенные при содействии Советского Союза, предоставившего тогда Турции кредит». Переходя к современным экономическим проблемам, Орхан Туна заметил, что, по его мнению, было бы неправильно автоматически считать, что все предприятия частного сектора выгодны и рентабельны, а государственные — нет, и тем самым как бы заранее выносить приговор госсектору.

«Да, предприятия госсектора,— продолжал он,— обладают рядом недостатков, многие из них приносят убытки. Нерационально используется рабочая сила, отчего на государственных предприятиях существует скрытая безработица. В государственных экономических организациях подчас процветает бюрократия. Раздут управленческий аппарат, в некоторых учреждениях можно смело уволить половину служащих, и ничего от этого не изменится. Однако все эти пороки не являются органическими, и государственные предприятия могут быть рентабельными при правильной организации дела. Госсектор должен развиваться при обязательном условии устранения его основных недостатков».

«Пятилетние планы развития Турции,— говорил далее Орхан Туна,— слишком большое внимание уделяют частнокапиталистическому предпринимательству». Этим высказыванием он определил свое отношение к государственному и частному секторам. Я еще раньше заметил, что оценка пятилетних планов является как бы лакмусовой бумажкой, которой проверяется отношение собеседника к перспективам экономического развития Турции. Сторонники частного сектора сетуют на то, что пятилетние планы не создают достаточно хороших условий для частного капитала. Сторонники же укрепления государственного сектора как основы экономического развития страны, напротив, полагают, что пятилетние планы предоставляют слишком широкое поле деятельности частнопредпринимательской инициативе.

Привлечение иностранного капитала продолжает оставаться необходимостью для Турции. «Однако я считаю,— говорит Орхан Туна,— что наилучшая форма использования иностранного капитала с точки зрения национальных интересов Турции — это кредит, такой, какой был предоставлен Советским Союзом в 30-е годы на строительство текстильных комбинатов и какой им предоставлен сейчас на сооружение ряда крупных промышленных предприятий. Такие кредиты действительно обеспечивают экономическое развитие Турции. Иностранный же капитал, проникающий в Турцию для участия в акционерных обществах (в основном западноевропейские и американские монополии.— В. Д.), преследует цель не содействия экономическому развитию, а выкачивания прибылей за границу».

Мы спрашиваем профессора Туна, над какими проблемами он работает в настоящее время. Он отвечает, что в последние годы занимался некоторыми социальными проблемами, в частности практикой применения закона о коллективных договорах между рабочими и предпринимателями, принятого в 1963 году. Результатом этой работы явилось двухтомное исследование (второй том вышел в свет в 1970 году) — «Экономические и социальные аспекты режима коллективных договоров в Турции», которое было любезно подарено нам автором. Орхан Туна сообщил также, что изучает некоторые проблемы профсоюзного движения. «Кстати, профсоюзы в Турции,— замечает он,— порой настолько вязнут в междоусобной борьбе, что забывают о своей основной обязанности — защищать права рабочих перед капиталистами». В заключение профессор Туна сказал, что в Турцию, к сожалению, поступает мало научной литературы из Советского Союза и что научные связи между нашими двумя странами должны развиваться.

* * *

Наше пребывание в Стамбуле пришлось на конец февраля — начало марта. За это время погода здесь резко менялась. Были теплые, сухие, солнечные дни, и тогда здания мечетей и дворцов купались в лучах солнца и безмятежно голубели воды Босфора. Однако потом налетал резкий холодный ветер, который гнал тяжелые тучи. Они низко нависали над потемневшей водой, и из них валил густой мокрый снег. Снег ложился белым покрывалом на крыши домов и на асфальт дорог, но быстро таял, превращаясь в кашу, и тогда стамбульские улицы становились похожими на наши, московские в раннюю весеннюю пору.

Такое же смешанное, противоречивое впечатление осталось и от Стамбула в целом. Город представал перед нами как бы в двух лицах. Одно — лицо старого Стамбула, с его историческим прошлым, с контурами мечетей над Золотым Рогом, безмолвных, загадочных, словно хранящих какую-то тайну. Другое лицо — это облик сегодняшнего Стамбула, крупнейшего города Турции, по которому определяется пульс деловой, политической и культурной жизни всей страны.

Полет над Тавром

Мой следующий маршрут пролегал в отдаленные восточные районы Турции — в город Артвин, где при экономическом и техническом содействии Советского Союза сооружается завод древесноволокнистых плит. Восток Турции — самая отсталая часть страны. В эти края редко заезжают туристы. Дорог здесь мало, те же, которые есть, находятся по большей части в плачевном состоянии.

Первый этап нашего путешествия в Артвин заканчивался в Трабзоне. Этот путь мы проделали на самолете. Если авиалинии от Анкары до Измира и Стамбула обслуживают вполне современные реактивные лайнеры, то этого нельзя сказать о линии Анкара — Трабзон. Мы летели на стареньком двухмоторном аэроплане английского производства. Самолет взял курс на северо-восток, и вскоре под нами поплыли хребты Понтийского Тавра. То ли по причине ненастной погоды, то ли потому, что самолет был маленький и изношенный, но вскоре после взлета началась невероятная болтанка. Самолетик трясло, он то и дело проваливался в воздушные ямы. Именно над горными вершинами он всякий раз ухал вниз, и казалось, что сейчас мы неминуемо стукнемся о вздымающиеся навстречу нам скалы и разобьемся вдребезги. Ко всему прочему, пилот включил на полную мощность обогревательную систему тесного, до отказа заполненного пассажирами салона, и в нем стало нестерпимо душно.

Приблизившись, где-то в районе Самсуна, к берегу Черного моря, самолет повернул на восток, и дальше полет продолжался над горами параллельно берегу, в

нескольких километрах от него. Близ моря облака рассеялись, и перед глазами, точно огромная географическая карта, развернулось Черноморское побережье с прибрежными горными цепями. Припомнились читанные когда-то описания этих мест, теперь все можно было видеть собственными глазами. На самом побережье даже в эту мартовскую пору преобладают зеленые тона. С гор к Черному морю стекает довольно много рек и речек. Вдоль речных долин, в низинах, между горами, также проглядывает зелень. В долинах и по склонам гор здесь обилие вечнозеленых лесов. Выше по склонам и дальше от побережья начинают преобладать буро-коричневые тона. Вверх по горам карабкаются лишь отдельные деревья. И, наконец, вершины гор покрыты белыми снеговыми шапками.

Соответственно климатическим и растительным зонам меняется и плотность населения. Берег моря густо заселен. Здесь почти непрерывной чередой тянутся города и селения. Сверху хорошо видно, что много селений и в долинах рек. По склонам гор разбросаны лишь отдельные домики, а дальше от берега, где горные цепи вздымаются выше, не видно никакого человеческого жилья.

Разнообразные прибрежные виды несколько отвлекли от превратностей полета. Но все же мы вздохнули с облегчением, когда стюардесса объявила, что самолет идет на посадку. Через несколько минут мы благополучно приземлились в небольшом трабзонском аэропорту. Интересна здесь взлетная полоса. Она короткая, так как горный ландшафт ограничивает возможности, и начинается прямо с отвесной береговой скалы. Пилот здесь должен точно рассчитывать, чтобы не угодить в эту скалу и в то же время не приземлиться слишком далеко от начала полосы.

Вдоль Черноморского побережья

Времени для знакомства с городом, расположенным в нескольких километрах от аэродрома, у нас не было, так как на автомобильной стоянке аэропорта нас уже поджидал старенький «додж», заботливо присланный администрацией строительства завода, чтобы доставить

нас в Артвин. Расстояние от Трабзона до Артвина — около 270 километров. Однако дорога находится в столь плохом состоянии, что путь этот приходится преодолевать в течение семи-восьми часов. До города Хопа дорога идет по самому берегу Черного моря. Места здесь довольно живописные, хотя и не так красивы, как Черноморское побережье Кавказа. Горы подступают к самому берегу, причем чем дальше к востоку, тем они становятся выше. Вдоль берега тянутся отличные природные пляжи, устланные песком или мелкой галькой. Зимой здесь совершенно пустынно, да и летом, как говорят, тоже нелюдно, бывают тут в основном местные жители.

Восточная часть Черноморского побережья Турции, несмотря на отличные природные данные, совершенно не приспособлена для туризма. А ведь, будучи превращена в курортное место, она могла бы приносить немалый доход. Сейчас правительство старается исправить положение. Вдоль берега строится новая дорога. Уже сооружены отличные мосты через реки, выходящие здесь к Черному морю. Время от времени, после утомительной тряски по ухабам и камням, мы выезжали на асфальтированный участок новой дороги. Увы, через несколько километров он кончался, и продолжавшаяся тряска казалась от этого еще ужасней.

Города вдоль побережья встречаются часто; они стоят друг от друга всего на несколько десятков километров. Наиболее крупный из них — Ризе. Остальные малы и напоминают, скорее, поселки. Экономических стимулов, которые дали бы толчок к развитию этих городов, не возникло; так и живут они спокойной, размеренной провинциальной жизнью, как бы в полудреме. В одном таком городке мы остановились пообедать. В центре города дорога расширяется, образуя нечто вроде площади. Здесь стояли два-три транзитных грузовика, рядом с которыми мирно жевали сено ослы, хозяева которых, видимо, ушли по своим делам. Вокруг площади несколько трех-четырёхэтажных зданий. Вывеска на одном из них гласит, что там помещается городской муниципалитет. Над соседним с муниципалитетским подъездом укреплены рядом две красного цвета доски. На одной из них изображены две белые лошади — эмблема Партии справедливости — и надпись: «Рай-

онный центр ПС», на другой — надпись: «Районный центр Народно-республиканской партии». Как видно, местные представительства двух крупнейших политических партий страны, постоянно соперничающих между собой, здесь уживаются в соседних комнатах.

На той же площади находится закусочная, в которой мы и обедали. Достаточно побывать несколько раз в таких закусочных, чтобы убедиться, что в них можно пообедать гораздо вкуснее, чем в каком-нибудь большом европеизированном ресторане. Часто кухня в такой закусочной отделена от столиков посетителей лишь легкой перегородкой, а то и просто барьерчиком, но это не убавляет аппетита. Блюда здесь, как правило, очень вкусны и состоят из овощей и мяса в различных сочетаниях.

Как и в соседних странах, в Турции распространен вид шашлыка — так называемый «донер кебаб» («вращающийся шашлык»). На закрепленном вертикально над жаровней с древесными углями большом стержне-шампуре насажены нарезанные в виде блинов плоские ломтики баранины. К нижнему концу шампура ломти уменьшаются в размере, так что весь шампур вместе с мясом имеет вид конуса с вершиной внизу. Конус медленно вращается вокруг оси-шампура, и по мере готовности мясо состругивают с боков конуса и подают вместе с зеленью. Все это запивают пенящимся айраном или знаменитым турецким йогуртом — очень густой простоквашей.

Когда едешь вдоль побережья, в глаза бросается обилие чайных плантаций. Мелкими участками они разбросаны по склонам прибрежных гор. Здесь же, на побережье, несколько чайных фабрик, откуда готовая продукция отправляется морем.

У города Хопа дорога резко поворачивает от моря на юго-восток, в горы. На месте поворота — контрольный пограничный пункт. Отсюда совсем недалеко до границы с Советским Союзом. Когда мы подъезжали к Хопе, пришлось остановиться, так как на узком участке дороги в целях ее расширения была взорвана скала и бульдозер расчищал место от камней. Пользуясь остановкой, мы осматривали окрестности. Водитель нашего «доджа», молодой парень из местных жителей, сказал, что в ясную погоду отсюда можно видеть Батуми. Затем

он привлек наше внимание к синевшей на востоке гряде гор. «На этой стороне гряды,— сказал он,— турецкая пограничная застава, а на той — уже ваша».

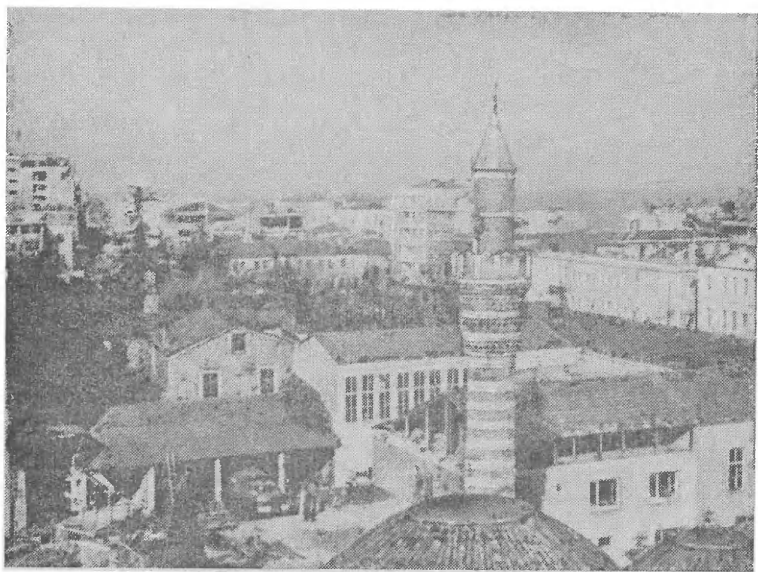
Опасная дорога

Расстояние от Хопы до Артвина — около 70 километров, но это самый трудный участок пути. Дорога здесь представляет собой узкую извилистую каменистую полосу, лепящуюся по крутым склонам гор. К тому же небо затянуло облаками, начал моросить дождь. Дорога сделалась скользкой, и езда по ней превратилась в опасное предприятие. К тому же здесь нет никаких дорожных знаков и абсолютно отсутствуют ограждения, даже на самых опасных участках. Так что приходится в полном смысле слова отдавать свою судьбу в руки водителя. Глядя на нашего парня-шофера, ухитрявшегося с необыкновенной ловкостью вести свой «додж» по этой немислимой дороге, я вспомнил читанный когда-то рассказ Самима Коджагёза «Шофер мирового класса». Чем-то наш шофер напомнил мне героя рассказа, который вел свой выдавший виды грузовичок по тяжелой горной дороге, и азарт и удаля у него отлично сочетались с мастерством и расчетом.

Уже смеркалось, когда мы преодолевали последний участок пути, поэтому трудно было рассмотреть окрестности. В сумерках были видны лишь огромные горные вершины, сливавшиеся с серым небом. Горные хребты здесь вытянуты в основном с юго-запада на северо-восток. Когда же находишься в горах, то кажется, что кругом — хаотическое нагромождение скал. Последняя часть нашего пути пролегала вдоль ущелья, в котором неугомонно шумела довольно большая и бурная река Чорох. В Артвин приехали поздно вечером. Погода окончательно испортилась, лил дождь.

На строительстве завода древесноволокнистых плит

Не лучше была погода и на следующий день. Он был серый, тусклый. Из клубящихся между гор туч лил дождь, а временами сыпался и снег. Строительство за-

Трабзон.

надцать турецких коммунистов во главе с Мустафой Субхи ехали через Трабзон в Анкару. Они были воодушевлены желанием принять участие в национально-освободительной войне, которую их народ вел тогда против империалистических держав, чтобы построить затем новую, свободную жизнь. Но путь их оборвался в Трабзоне. Где-то на этой набережной холодной ночью озверевшие фанатики посадили Мустафу Субхи и его товарищей в лодки, вывезли в море и там убили...

Прямо против окна моего номера возвышался минарет мечети. Рано утром, когда еще не забрезжил рассвет, меня разбудил голос муэдзина, многократно усиленный мощным динамиком. Муэдзин гнусаво, нараспев напоминал верующим, что «нет бога, кроме Аллаха», и призывал совершить молитву. Почти тотчас на голос моего муэдзина откликнулся другой, затем третий, и еще, и еще... Муэдзины перекликались, наверное, около получаса, как петухи в деревне,— один близко и оглушительно, другой подальше и потише, а третий совсем далеко, еле слышно. Я не знаю, сколько мечетей в Траб-

зоне, но эта переключка создавала такое впечатление, будто весь город заполнен ими.

Погода и на следующий день выдалась теплая, солнечная. «Бенли палас» расположен на возвышенности, откуда хорошо видна панорама города: башни минаретов, кварталы двух-четырёхэтажных домов, поднимающихся по пологому склону горы. На юге вздымалась в легкой дымке гряда гор, а к северу расстилалась густо-синяя гладь Черного моря. В ожидании самолета мы прошли по расцвеченному яркими красками тканей и одежды традиционному базару, затем спустились в порт. Порт в Трабзоне сравнительно большой, вокруг него концентрируются индустриальная зона города, элеватор, складские помещения. В порту покачивались на волнах два-три небольших судна, стоял запах нагретого солнцем железа и морской воды.

Наконец отправились в аэропорт. Рейсовый самолет из Анкары уже приземлился, и из него выходили пассажиры. Внимание привлекала группа парней. Они выгружали из самолета огромные коробки. По их разговору и наклейкам на чемоданах было ясно, что это рабочие, вернувшиеся из Западной Германии. На аэродроме их встречала толпа родственников. И прибывшие и встречавшие были сильно возбуждены и громко переговаривались. Женщины, однако, держались отдельной кучкой в стороне и избегали проявлять какие-либо эмоции. Среди вещей виднелись рабочие инструменты, циркулярные пилы. По-видимому, кое-кто из возвращавшихся намеревался открыть собственное дело. Сейчас сотни тысяч турок находятся на заработках в странах Западной Европы и подобные картины становятся довольно типичными.

* * *

Основное впечатление, которое осталось у нас от поездки на северо-восток Турции,— это дикость и отсталость края. Даже Черноморское побережье нельзя сравнить по уровню развития хозяйства со Средиземноморским или Эгейским районами. А уж о горных районах на востоке и говорить не приходится. Тем более отрадно было встретить здесь молодых специалистов, воодушевленных искренним желанием работать ради экономического и культурного подъема этого края.

Проездом через Эскишехир

На этот раз мы направились на северо-запад, к побережью Мраморного моря. Поездка эта состоялась также на машине. От Анкары до Бандырмы, конечного пункта нашей поездки,—около 500 километров. Дорога — прекрасное асфальтированное шоссе — проходит через города Эскишехир и Бурсу. С утра стоит ясная погода, машина быстро мчится мимо бурых холмов, которые тянутся на запад от Анкары. По пути останавливаемся у одной из бензозаправочных станций. Она ничем не отличается от других, однако почему-то именно здесь установлен памятник Ходже Насреддину — веселому, хитрому и находчивому герою множества коротких рассказов, созданных народом.

Еще в первой половине дня въезжаем в Эскишехир — один из самых больших городов Турции с населением свыше 150 тысяч человек. Город стоит на реке Порсук, притоке Сакарьи. Порсук протекает через центр города. Здесь красивые мосты, современные многоэтажные дома. Особенно внушительное впечатление производит здание Дома армии.

В самом Эскишехире и его окрестностях сохранилось немало памятников различных исторических эпох, в том числе развалины фригийского города, крепостные сооружения византийцев, сельджукские и османские мечети и др. Но несмотря на свою богатую историю, Эскишехир относится к тому типу городов Турции, которые называют новыми, хотя название города в переводе с турецкого языка означает «старый город». Нынешний облик города определяется не памятниками старины, а современными зданиями, промышленными пред-

приятными. Эскишехир — крупный железнодорожный узел, здесь есть металлообрабатывающие мастерские, текстильные фабрики, сахарные заводы.

С сахарным заводом в Эскишехире связан, кстати, любопытный эпизод, имевший место во время военного переворота 27 мая 1960 года. Основные операции по осуществлению переворота проводились в ночь на 27 мая в Стамбуле и Анкаре. Третьим центром событий стал Эскишехир. Это произошло потому, что в предшествовавшие перевороту дни премьер-министр Аднан Мендерес с сопровождавшими его лицами выехал в поездку по стране, и 26 мая он был в Эскишехире. Мендерес и свита остановились в отеле при сахарном заводе в окрестностях города. Вечером местные власти и бизнесмены устроили в честь премьера пышный ужин. Никто не подозревал о надвигавшихся событиях...

Между тем офицеры расположенной в Эскишехире крупнейшей базы турецких ВВС находились в боевой готовности. Они знали о готовящемся перевороте, были связаны с руководителями военного заговора и получили от них указание арестовать премьер-министра и сопровождавших его лиц. Они ожидали лишь сигнала из Стамбула. Ночью Мендерес был разбужен телефонным звонком. Начальник Генерального штаба генерал Эрдельхун, остававшийся верным правительству, сообщил премьеру об угрозе переворота. Мендерес тут же позвонил в штаб базы ВВС в Эскишехире и по содержанию разговора понял, что предупреждение было не напрасным. Премьер и его спутники бросились к машинам, проселочной дорогой выбрались к шоссе и направились на запад, к побережью Эгейского моря.

Тем временем офицеры ВВС, получив сообщение о том, что в Стамбуле начались операции по перевороту, направились на сахарный завод, но никого там не нашли. Тотчас в воздух по боевой тревоге были подняты самолеты, которые и обнаружили на рассвете машины беглецов близ города Кютахьи. Туда был передан по телефону приказ арестовать Мендереса и его спутников. Арестованный премьер был доставлен обратно в Эскишехир и оттуда на военном самолете — в Анкару.

Из Эскишехира мы двинулись дальше на запад, к Бурсе. Равнина сменилась холмами, а затем пошли и невысокие горы, предвещавшие приближение морского

побережья. Дорога запетляла по поросшим густым кустарником горным склонам. Горы здесь низкие, пологие, все в зелени смешанных лесов и кустарников.

В Бандырме на строительстве сернокислотного завода

Поскольку начался дождь, решили сэкономить время, объехать Бурсу стороной и направиться напрямиком в Бандырму. К вечеру мы были уже на месте и разместились в гостинице на самом берегу моря. В тот же вечер мы побывали в гостях у советских специалистов, работающих на строительстве сернокислотного завода, который также сооружается при экономическом и техническом содействии Советского Союза. Все наши специалисты (их тогда было восемь человек) размещались в одном доме неподалеку от нашей гостиницы. Они охотно рассказывали о своей работе, о том, как продвигается строительство, подчеркивали, что у нашего коллектива на стройке сложились хорошие отношения с турецкими рабочими и инженерно-техническим персоналом.

И следующий день выдался сырым. Я не знаю, как выглядит Мраморное море летом, но в марте оно определенно не оправдывало своего названия. Серая вода сливалась с таким же серым небом, и весь город был затянут серой сеткой дождя. Мимо окон отеля с криком летали чайки и еще какие-то большие морские птицы. С утра отправились на стройку. Территория завода располагается в нескольких километрах от города, на берегу моря. Работа на строительной площадке шла полным ходом, строительство находилось тогда в завершающем этапе. На стройке было занято около 400 рабочих-строителей и монтажников. Уже вырисовывались контуры основных зданий завода, заканчивался монтаж поступившего из Советского Союза оборудования, кое-где шли отделочные работы. Не за горами были окончание строительства и пуск завода. Все отмечали удачную планировку завода: его здания и агрегаты расположены компактно, на небольшой территории.

На определенном этапе строительства потребовалось выложить изнутри свинцовыми листами сборники кислоты — огромные стальные цилиндры. Здесь, на месте,

не нашлось мастеров, которые сумели бы это сделать. Тогда высококвалифицированных рабочих-свинцепаяльщиков прислали из Советского Союза. Как раз когда мы были в Бандырме, они работали на стройке. Они выполняли свое дело на высоком уровне, но главное не в этом, а в том, что советские рабочие раскрыли секреты своего мастерства турецким товарищам и те стали выполнять ту же работу самостоятельно. Наблюдая на стройплощадке за совместной работой советских и турецких рабочих, можно было убедиться, что они хорошо понимали друг друга, даже когда поблизости не было переводчика. Там, в Анкаре, в стенах официальных учреждений, нет-нет да и тянуло ледяным ветерком недоверия и даже вражды. Но здесь, на строительной площадке ничто не разделяло людей, их объединял общий труд. По взаимоотношениям советских специалистов с турецкими чувствовалось, что последние ценят искреннее и добросовестное отношение советских людей к делу и признательны им за это.

В небольшом досчатом домике конторы стройки мы присутствовали на очередном производственном совещании, где конструктивно обсуждались возникшие в ходе работы вопросы. После совещания мы побеседовали с главным инженером стройки Хашимом Пачаджи. Господин Пачаджи высоко оценил труд советских рабочих на строительстве завода. «А ваши специалисты,— добавил он,— очень помогают нам советами и рекомендациями. У нас налажен с ними хороший контакт и установилось полное взаимопонимание. Я искренне рад, что на этом строительстве имею возможность сотрудничать с советскими специалистами».

Начальник строительства Мехмед Мумджу пригласил нас осмотреть завод «Боракс», директором которого он одновременно является. Завод расположен в окрестностях Бандырмы и так же, как и строящийся сернокислотный завод, находится в ведении Этибанка. «Боракс» производит борную кислоту и буру и построен совсем недавно при экономическом содействии Польской Народной Республики. Территория завода чистая и аккуратная, кругом зеленые газоны, клумбы с цветами. Господин Мумджу провел нас в свой кабинет в заводоуправлении, где у него собраны коллекции минералов и образцы продукции завода.

«Государство,— сказал господин Мумджу,— сейчас держит курс на развитие производства основных химических продуктов. В соответствии с этим курсом построен завод «Боракс». С этой же точки зрения строящийся в Бандырме сернокислотный завод имеет поистине огромное значение для нашей экономики: он поможет нам освободиться от импорта серной кислоты. Вместо того, чтобы вывозить в Европу ценное сырье, мы будем сами его перерабатывать, а это очень выгодно для национальной экономики. Строительство завода позволяет сделать еще один шаг к изменению структуры турецкого экспорта, к замене вывоза сырья вывозом полуфабрикатов или даже готовой промышленной продукции».

«В Этибанке,— продолжал Мехмед Мумджу,— есть мнение о целесообразности расширения строящегося завода. Кроме того, на его базе, видимо, будут созданы некоторые новые производства. Например, в Бурсе предполагается строительство завода по производству химических удобрений, которые так нужны для сельского хозяйства. Что касается деятельности Этибанка в целом, то есть две области, а именно горнорудная и химическая, развитие которых особенно необходимо и следовательно перспективно с точки зрения расширения экономического и технического сотрудничества между нашими странами».

В оценке значения сернокислотного завода, данной начальником строительства, подчеркнуто основное — строительство завода является этапом на пути создания собственного производства базовых химических продуктов. Это серьезная проблема турецкой экономики. Раньше потребности страны в такого рода продукции удовлетворялись главным образом через импорт, что вело к существенному увеличению его объема. Например, в 1967 году химические продукты составили по стоимости почти четверть общего объема импорта Турции. Это выдвинуло задачу развития собственной химической промышленности: До сих пор она была представлена в основном предприятиями, производящими потребительские товары. Так что в части производства базовых химических продуктов речь шла фактически о создании заново такой промышленности, которая могла бы обеспечить необходимое сырье как для химических пред-

приятый, изготавливающих потребительскую продукцию, так и для предприятий других отраслей промышленности.

Частный капитал не мог выполнить эту задачу. Он предпочитал инвестиции в мелкие химические предприятия, производящие предметы потребления, так как это приносит наибольший доход при наименьших затратах. В ряде отраслей химической промышленности, например в фармацевтической, господствующее положение заняли иностранные фирмы, с которыми турецким предприятиям было трудно конкурировать.

В таких условиях задача создания крупных по масштабам Турции химических предприятий базовых продуктов мог взять на себя только государственный сектор. Это еще раз подтвердило его исключительное значение в деле укрепления независимой национальной экономики. В соответствии с возложенной на госсектор задачей были резко увеличены государственные капиталовложения в химическую промышленность. Если в 1963 году на госсектор приходилось лишь 15 процентов всех капиталовложений в химическую промышленность, то в 1967 году доля госсектора в этих капиталовложениях составила уже 75 процентов.

Однако собственных ресурсов не хватало. И здесь на помощь пришел Советский Союз, который предоставил кредит на закупку оборудования для сернокислотного завода и оказал техническое содействие в его строительстве. Мощность завода в Бандырме составляет 120 тысяч тонн серной кислоты в год. Для сравнения скажем, что производство серной кислоты в Турции в 1967—1970 годах составляло в среднем 21—22 тысячи тонн ежегодно. Турция вынуждена была ввозить серную кислоту: например, в 1969 году было импортировано 124 тысячи тонн на сумму 2,8 миллиона лир.

На строительстве завода работало несколько молодых турецких инженеров-химиков, которые прошли производственное обучение в Советском Союзе. Нам было интересно побеседовать с одним из таких инженеров. «Да,— сказал он,— я проходил стажировку на заводе в Гомеле. Пребывание там, конечно, было полезным. Полученные знания и навыки буду теперь применять здесь». Он с теплотой вспоминал о нашей стране и о тех людях, с которыми ему пришлось у нас общаться.

Население Бандырмы — около 40 тысяч человек. Город расположен на берегу Мраморного моря у подножия полуострова, напоминающего формой треугольник, обращенный одной из вершин к материку и соединенный с ним узким перешейком. После посещения строительства сернокислотного завода мы проехали еще несколько километров на запад, на другую сторону полуострова, туда, где располагаются курортные местечки Эдинджик и Эрдек. Местность здесь, как и в окрестностях Бандырмы, почти равнинная с легким наклоном к морю. Эрдек считается одним из красивейших мест на Мраморном море. Здесь чудесный пляж, вдоль берега расположилось несколько отелей, кругом тянутся оливковые рощи. В нескольких километрах от берега — ряд островов, в том числе крупнейший на Мраморном море о-в Мармара, также курорт.

Местность, прилегающая к побережью Мраморного моря, также знаменита своей историей. Близ южного берега Дарданелл находятся развалины легендарной Трои. Десятилетняя война между Троей и Спартой из-за Прекрасной Елены воспета в «Илиаде» великим поэтом древности Гомером.

Зеленая Бурса

На обратном пути из Бандырмы в Анкару мы заехали в Бурсу. Ее недаром называют зеленой. Даже сейчас, в самом начале весны, все вокруг было покрыто изумрудной зеленью, нежной дымкой цветов оделись деревья миндаля. Как сам город, так и его окрестности привлекают туристов историческими памятниками и красотой пейзажа. Здесь много фруктовых садов. Особенно славятся местные персики. Неподалеку от города вздымается вершина Улудаг высотой около двух с половиной километров. Равнинная местность побережья Мраморного моря здесь постепенно переходит в гористую — город расположен на склонах невысоких гор.

Бурса — крупный город с населением более 275 тысяч человек. Центральная часть города застроена многоэтажными домами, а ближе к окраинам вдоль узких извилистых улиц тянутся одноэтажные, под черепичными крышами. Всюду много деревьев, среди которых час-

то встречаются кипарисы. Здесь тоже есть свой крытый рынок, конечно поменьше, чем в Стамбуле. Даже за пределами Турции известны изделия мастеров Бурсы из стали (ножи, кинжалы) и бурские полотенца. Целые ряды лавок на рынке торгуют махровыми полотенцами и халатами самых разнообразных ярких расцветок.

Турки считают, что по количеству исторических и архитектурных памятников Бурса занимает второе место в Турции после Стамбула. История Бурсы восходит к глубокой древности. Город был основан в III веке до нашей эры, как гласит легенда, царем Прусасом, откуда и произошло его название. В период правления императора Траяна он был присоединен к Римской империи. Римским наместником в Бурсе был Плиний Младший. При нем город стал быстро расти и превратился в крупный культурный и торговый центр.

Византийские императоры превратили Бурсу в место увеселений и отдыха. После открытия там горячих источников интерес к городу резко возрос. Император Юстиниан построил на базе этих источников бани. Византийская знать считала своим неременным долгом посетить Бурсу, туда началось настоящее паломничество. Императрица Теодора, например, прибыла туда в 525 году со свитой в четыре тысячи человек.

В XI—XII веках город несколько раз захватывался турками-сельджуками, однако, несмотря на это, вплоть до начала XIV века Бурса оставалась одним из бастионов Византийской империи. Затем к городу подступили турки-османы. Несколько лет длилась осада, и в 1326 году Бурса была захвачена предводителем османов Орхан-беем. Орхан сделал ее столицей своего государства, после чего город стал быстро расти. До сих пор в Бурсе сохраняются памятники этого исторического периода. В центральной части города, в районе Хисар, где некогда располагались византийские укрепления, находится мавзолей основателя Османской империи — Османа. Внутри мавзолея — роскошный саркофаг. Рядом с мавзолеем Османа — мавзолеем его сына и преемника Орхана.

В западной части города сохранилась мечеть, построенная при преемнике Орхана Мураде I, который первым из предводителей турок-османов принял титул султана. Мечеть имеет галерею с двустворчатыми дверями,

как дворцы, построенные в стиле Ренессанс. Объясняется это просто. Мечеть соорудил архитектор-итальянец, взятый султаном в плен в одном из сражений. Близ мечети находится мавзолей Мурада I, в котором помещена надгробная плита в память султана. Сам же султан погиб далеко от Бурсы.

В начале XV века было завершено строительство мечети Улу. Оно длилось 42 года и было начато еще при султанине Мураде I. Массивная громада мечети возвышается над центральной частью города. Она не похожа на более поздние турецкие мечети. Мечеть Улу соорудилась на арабский манер и представляет собой широкое приземистое здание четырехугольной формы, увенчанное двадцатью куполами.

Мечеть Улу является достопримечательностью Бурсы, так что трудно было удержаться от соблазна посетить ее. Сняв, как полагается, обувь у входа, я вошел в мечеть. В центре обширнейшего зала находится нечто вроде бассейна с фонтанчиками, возле которого молящиеся совершают обряд омовения. Сбоку от входа размещается деревянная ложа, в которой неподвижно сидели на корточках десятка полтора женщин, покрытых черными платками. Побродив по мечети и вернувшись ко входу, я не обнаружил своих ботинок. Однако долго волноваться не пришлось. Оказалось, что стоявший у входа старичок, который, видимо, на общественных началах наблюдал за порядком в мечети, заботливо поставил их в сторону. Старичок весь был воплощенная доброжелательность и охотно вступил в беседу. Он уважительно сказал, что мечеть очень старая и много перевидала за свою жизнь. Я показал ему на женщин и спросил, что им разрешается делать в мечети. Старик ответил, что женщины могут только сидеть в специально отведенном им месте. «Это теперь,— добавил он.— Раньше женщинам вообще запрещалось входить в мечеть».

Одновременно с мечетью Улу было завершено строительство Зеленой мечети, которое длилось восемь лет. Мечеть эта называется так потому, что отделана внутри великолепной керамикой бирюзового цвета. Внутри мечети рядом с молитвенным залом располагаются помещения, служившие классными комнатами для молодых служителей ислама. Неподалеку от мечети находится

Зеленый мавзолей, украшенный такой же керамикой. В мавзолее покоятся останки султана Мехмеда I — одного из сыновей Баязида Молниеносного.

Зеленый мавзолей («Ешил тюрбе»), пожалуй, самый красивый мавзолей Бурсы. Это восьмигранник, увенчанный куполом и отделанный богатым орнаментом. Его светлый и бирюзовый тона сочетаются очень удачно и оставляют на редкость жизнерадостное впечатление.

Султан Баязид, известный своими завоеваниями на Балканском полуострове, также оставил о себе память в Бурсе. В 1400 году, за два года до того, как султан потерпел поражение под Анкарой и был взят в плен Тамерланом, в городе закончилось сооружение мечети, названной именем Баязида. В мечети до сих пор регулярно совершается богослужение. Наше пребывание в Бурсе пришлось на пятницу. Это был базарный день, и вдоль улиц и переулков вокруг мечети расположились сотни продавцов всякой всячины. Товары были разложены либо прямо на земле, либо на тележках. По улицам, превратившимся в торговые ряды, медленно продвигались толпы покупателей. Мы с трудом прокладывали себе путь сквозь этот запруженный людьми лабиринт. Естественно, многие очутившиеся на улице в базарный день, услышав призыв к молитве, устремились в мечеть, оказавшуюся как раз в центре базара.

Мечети Баязида и Улу считаются самыми первыми турецкими мечетями, хотя мечеть Мурада I была построена раньше. Дело, видимо, в том, что последняя не имела ничего общего с турецкой архитектурой. Мечети же Баязида и Улу положили начало собственно турецкому стилю, хотя многое и заимствовали у арабов. Позже, когда Османская империя распространила свое господство на арабские страны, началось обратное воздействие. И теперь в соседних с Турцией арабских странах можно встретить мечети, являющиеся по своему стилю типично турецкими.

Рядом с мечетью Баязида стоит массивное квадратное здание мавзолея Баязида Йылдырыма (Молниеносного). В тот день мавзолей был закрыт, как нам сказали, в связи с ремонтно-реставрационными работами. Тут же рядом на асфальтированной площадке располагалась школа. Прозвенел звонок, и дети шумной гурь-

бой высыпали на площадку и затеяли шумные игры вокруг мрачных стен мавзолея.

В царствование султана Мурада II, внука Баязида, в 1447 году была построена еще одна крупная мечеть. Мавзолей Мурада II располагается близ этой мечети. В крыше мавзолея оставлено отверстие. Это сделано в соответствии с завещанием султана, который пожелал, чтобы на его могилу свободно падали струи дождя.

Мечети и мавзолеи Бурсы составляют целую эпоху в турецкой архитектуре. Они интересны и в историческом плане. Мурад II был последним турецким султаном, жившим в Бурсе. Следующий султан, Мехмед II Фатих, перенес свою резиденцию в Константинополь, и мечеть, увековечившая его память, возвышается уже на берегах Босфора.

Под впечатлением мечетей и мавзолеев Бурсы, носящих имена столь известных в истории султанов-завоевателей, мы продолжили свой путь на восток, в Анкару.

В дороге мы несколько раз включали радио и обратили внимание на то, что передачи приняли странный характер, в основном звучала музыка. Это объяснилось позже, когда мы вернулись в Анкару.

Оказалось, что в этот день, 12 марта 1971 года, начальник Генерального штаба турецкой армии и командующие трех родов войск вручили президенту республики и парламенту меморандум. Текст меморандума был краток, но выразителен. Он состоял из трех пунктов: в первом указывалось, что меджлис и правительство своей позицией и действиями ввергли страну в состояние анархии, раздоров, социального и экономического кризиса; во втором пункте подчеркивалось, что создавшаяся обстановка, которая вызывает озабоченность вооруженных сил, диктует необходимость преодолеть межпартийные разногласия и сформировать в рамках существующего режима сильное и надежное правительство, которое могло бы ликвидировать анархию, обеспечить осуществление реформ в духе принципов Ататюрка и предусмотренных конституцией и добиться уважения революционных законов; третий пункт меморандума гласил, что «если вышеизложенное не будет немедленно осуществлено, то турецкие вооруженные силы намерены осуществить возложенную на них законом обязанность по сохранению и защите Турецкой Республики и взять власть непосредственно в свои руки».

Меморандум этот, таким образом, носил фактически характер ультиматума. Армейское командование недвусмысленно потребовало, чтобы правительство Партии справедливости во главе с С. Демирелем подало в отставку.

Уже на следующий день в Анкаре стали известны

подробности того, как все это происходило. Меморандум одновременно был вручен президенту республики и председателям обеих палат турецкого парламента — национальной палаты и сената. Несколько раньше группа в составе дивизионного генерала и двух полковников явилась в управление турецкого радио и потребовала немедленно передать содержание меморандума по радио. Текст его был тотчас же передан в эфир вместо очередного выпуска последних известий.

В момент передачи в здании меджлиса находились всего несколько десятков депутатов. Некоторые из них обедали, другие неторопливо обменивались мнениями по поводу текущих событий. Обедавшие депутаты, услышав ошеломляющее сообщение, побросали ножи и вилки и выбежали из столовой. Когда прошел первый шок, вызванный неожиданной новостью, депутаты в кулуарах начали лихорадочно обсуждать сложившееся положение.

Тем временем текст меморандума был размножен журналистами и распространен среди депутатов, которые, собравшись группами, комментировали его. В комнатах депутатов правящей Партии справедливости царил растерянность, смешанная со страхом. Все помнили военный переворот 1960 года сопровождавшийся многочисленными арестами, и ждали дальнейшего развития событий. Депутаты же основной оппозиционной Народно-республиканской партии, напротив, были оживлены и ожидали перемен к лучшему.

Отсутствовавшие депутаты, услышав по радио сообщение о меморандуме, стали срочно прибывать в меджлис. Вскоре собрались почти все. В 15 часов открылось заседание национальной палаты, одно из самых многочисленных за последние годы. В глубокой тишине председательствующий зачитал текст меморандума.

Один из депутатов Демократической партии (ревностной сторонницы запрещенной после переворота 1960 года одноименной партии) потребовал, чтобы по зачитанному документу было дано разъяснение либо президиумом палаты, либо представителем правительства, и вообще, чтобы документ был обсужден палатой. Иначе, заявил он, создается впечатление, что на парламент оказывается «моральное давление». Однако сидевшие рядом другие депутаты утихомирили своего коллегу и

быстро усадили его на место. Всем было ясно, что меморандум обсуждению не подлежит.

Премьер-министру С. Демирелю текст меморандума вручен не был. Премьер узнал о нем лишь из радиопередачи. Вскоре после этого собралось экстренное заседание кабинета министров. После недолгого обсуждения правительство приняло решение уйти в отставку. Собственно, другого решения оно и не могло принять.

Так разворачивались события в этот день, когда мы возвращались из Бандырмы в Анкару. Внешне эти события, однако, ничем себя не проявляли. Приехав в Анкару во второй половине дня, мы ничего особенного не заметили. Разве только что несколько увеличилось по сравнению с обычным число военных патрулей да больше машин с солдатами проезжало по улицам города. Но само по себе это не вызывало удивления. В те дни, наполненные бурными студенческими выступлениями и террористическими действиями ультралевых групп, жители турецкой столицы привыкли и к военным патрулям, и к усиленным нарядам полиции.

Нам пришлось находиться в Анкаре еще несколько дней после опубликования меморандума и отставки правительства Сулеймана Демиреля. Внешне жизнь ни в чем не изменилась. Все шло своим чередом, нормально работали все учреждения, магазины и пр. Пожалуй, можно даже сказать, что после бурных проявлений политической активности учащейся молодежью и различными политическими организациями, как левыми, так и правыми, наступило затишье. Но было в этом затишье тревожное ожидание.

Все думали о том, в каком направлении будут развиваться события дальше. Вначале некоторые левые организации полагали, что отставка правительства С. Демиреля будет способствовать разворачиванию их деятельности. В этом смысле они приветствовали действия военного командования. На следующий день после опубликования меморандума пятнадцать левых организаций, в том числе такие, как профсоюз турецких учителей, Национальная организация турецкой молодежи, Общество революционных адвокатов, «Дев-генч», профсоюз ассистентов университетов и др. выступили с совместным заявлением, в котором они, поддерживая меморандум командования, указывали, что парламент-

ская система ввергла страну в социально-экономический хаос, из которого можно выбраться лишь с помощью чрезвычайных мер.

Тогда они еще не знали, что слова меморандума о необходимости борьбы с анархией и уважения законов означают намерение командования обрушить тяжелый кулак на голову левых, что многие левые организации будут вскоре запрещены, а их руководители арестованы. А пока все шло по-прежнему. На прилавках книжных магазинов продолжали лежать переводы произведений классиков марксизма и работы современных левых авторов — местных и зарубежных.

Кстати сказать, будучи в Анкаре, я два-три раза заходил в книжные магазины, специализирующиеся на продаже той литературы, которая в изобилии издается в Западной Европе и США и темой которой являются убийства, насилие, секс. Полки этих магазинов были заставлены как оригинальными, так и переведенными на турецкий язык стандартного размера книжками (их называют «покет-букс», что означает «карманные книжки»); на обложках их красовались изображения полуобнаженных женщин, громил, бандитов и шпионов. И продавщицы в этих магазинах были словно специально подобраны — молоденькие девушки в мини- и даже «микро-юбках». Как будто было все, чтобы соблазнить покупателя. И тем не менее здесь всегда было почти пусто. А в тех магазинах, где продавались левые издания, работы, посвященные современным экономическим и политическим проблемам Турции, всегда толпился народ, в основном учащаяся молодежь. Многие из таких работ расходились очень быстро. В этом я убедился на собственном опыте. Некоторые из совсем недавно вышедших книг по современным проблемам Турции не удавалось найти. Продавец в таких случаях отвечал: «Все распродано, ждите следующего издания».

Запомнилась одна сценка в книжном магазине, имевшая место уже после опубликования меморандума военного командования. Роясь в книгах, я случайно оказался рядом с двумя молодыми людьми, очевидно студентами, и увидел, что они взяли с полки и внимательно рассматривают перевод на турецкий работы В. И. Ленина. Заметив, что я обратил на них внимание, молодые люди быстро захлопнули книжку, перевернули ее за-

главием вниз, а потом поставили обратно на полку. Лишь после того как я отошел, они снова достали эту книгу.

Первое время после меморандума продолжали свободно продаваться в газетных киосках левые издания, например журналы «Ант» («Клятва»), «Пролетер девримджи айдынлык» («Свет пролетарских революционеров») и др. Лишь спустя примерно месяц, когда завершилась перегруппировка политических сил в связи с меморандумом, репрессивные меры против левых организаций и их изданий посыпались как из рога изобилия.

На следующий день после опубликования меморандума центральные газеты поместили на первых страницах фотографии начальника Генерального штаба и командующих тремя родами войск. Крупные заголовки сообщали об отставке правительства Сулеймана Демиреля. Политические деятели и обозреватели газет пытались делать прогнозы относительно дальнейшего развития событий. Некоторые говорили о возможности выдвижения кандидатуры И. Иненю на пост премьер-министра.

Разговоры об этом не были беспочвенными. Дело в том, что в отличие от Партии справедливости (а до нее — Демократической партии) Народно-республиканская партия стояла гораздо ближе к военным. Ее основателем был К. Ататюрк — вождь национально-освободительного движения, а в прошлом — генерал турецкой армии. Сменивший К. Ататюрка на посту лидера партии И. Иненю был также генералом турецкой армии и активным участником национально-освободительного движения. Вполне понятно в связи с этим, что военная интеллигенция — офицеры — чувствовали уважение к Народно-республиканской партии и ее руководящим деятелям.

С другой стороны, офицеры не скрывали своей неприязни к крупной буржуазии, объединившейся вокруг Демократической партии, а затем Партии справедливости. Офицерское жалование было малое, и они с ненавистью смотрели на нуворишей — купцов и ростовщиков, швырявших деньгами и упивавшихся своим богатством. Для офицеров, в основном выходцев из малоимущих, средних слоев населения, все это было как бы

предательством идей и принципов Кемаля Ататюрка, на которых они воспитывались.

Неприязнь эта была взаимной — разбогатевшие торговцы и промышленники платили офицерам тем же. В связи с этим бывший майор Генерального штаба Авни Эльзвли в своих мемуарах о перевороте 1960 года, участником которого он был, рассказывал такой случай. Будучи в Измире, он посетил там знаменитую ярмарку, а затем зашел в находившееся там же «газино» (так иногда в Турции называют рестораны). Увидев свободное место за одним из столиков, он подошел туда, и, попросив разрешения у двух уже сидевших за ним посетителей, сел. Одет он был в штатское платье. Из разговора посетителей он понял, что это старые знакомые, встретившиеся после долгого перерыва.

«Чем ты сейчас занимаешься? — спросил один из них. — Я слышал, твои дела пошли в гору».

Его изрядно подвыпивший собеседник ответил: «Да, я разбогател на торговле. И скажу тебе по секрету, немалый доход мне приносит торговля... женщинами».

«Но это же грязное, бесчестное дело», — задохнулся от негодования первый.

Второй реагировал довольно спокойно. Он вынул из кармана золотой «паркер», вырвал из записной книжки листок бумаги, написал что-то на нем и промолвил: «Вот я записал здесь нелестные слова, которые ты только что произнес. А теперь смотри дальше». И, вынув из внутреннего кармана пиджака пухлую пачку тысячелировых ассигнаций, он сунул между ними листок бумаги. Затем, обратившись к автору мемуаров, он спросил: «Что вы видите перед собой, эфенди?».

«Пачку тысячелировых», — ответил тот. После этого, обратившись к своему собеседнику, богатый торговец назидательно сказал: «Вот видишь! Там, где говорят деньги, правда молчит! В наше время все покрывается деньгами». И, небрежным кивком подозвав гарсона, который как замороженный смотрел на пачку денег, приказал ему: «Еще бутылку раки!» (Так в Турции называют виноградную водку). Тот стремглав бросился выполнять заказ.

«А теперь взгляните туда, — и торговец показал на один из столиков, за которым сидели трое офицеров. — Смотрите, какой убогий у них стол. На нем почти ниче-

го нет. И официанты не обращают на господ офицеров никакого внимания, потому что знают, что кошелек у них тощ».

К концу 50-х годов взаимная ненависть между офицерством и режимом Дж. Баяра — А. Мендереса достигла большой остроты. А. Мендерес, чувствуя это, не раз в своих выступлениях обещал «взяться за армию» и «поубавить спеси гордому офицерству». Однако получилось, как известно, наоборот. Военные свергли правительство Мендереса. Сам он был казнен, руководство Демократической партии посажено в тюрьмы, а партия запрещена.

Военный переворот не привел к коренным изменениям. В конце концов власть оказалась в руках Партии справедливости — преемницы ДП. Новая партия унаследовала от своей предшественницы враждебное отношение к армии. Взаимная неприязнь между офицерами и толстосумами продолжалась.

Во время пребывания в Турции мне не раз приходилось самому замечать ее. Вспоминается, например, такой случай. Время от времени я делал покупки в располагавшихся рядом трех магазинах — бакалейном, овощном и мясном. Надо сказать, что цены на мясо поднимались в Турции особенно ощутимо. Если овощи, фрукты еще более или менее доступны, то мясо сейчас может покупать ежедневно далеко не каждая семья.

На стене в мясной лавке висела черная грифельная дощечка, где хозяин каждое утро проставлял мелом цены на мясо. А они росли на глазах — цифры на дощечке менялись почти каждую неделю. Однажды, зайдя в магазин, я увидел средних лет офицера, который тоже пришел за покупками. Как раз в этот день мясо опять вздорожало. Увидев новые цифры на дощечке, офицер громко и возмущенно стал говорить хозяину магазина, что это безобразие, грабеж населения. Хозяин, который знал меня в лицо и то, что я приехал из Советского Союза, заволновался, его глазки беспокойно перебежали с офицера на меня и обратно. А тот продолжал возмущаться непрерывным ростом цен и в самых резких выражениях ругал правительство и тех, кто наживается на эксплуатации народа. Сценка эта была очень показательна. Это была политика не на страницах газет, а наяву, в самой жизни.

Вспоминается и другой случай. Однажды мне пришлось ехать в машине с одним турецким бизнесменом. Неожиданно сзади раздался требовательный сигнал, и нас обогнал таксомотор, в котором сидел полковник турецкой армии. Наш шофер что-то недовольно пробурчал. На это мой спутник с иронией и явным недоброжелательством заметил: «Чего ты ворчишь! Уступи дорогу. Ты же видишь, кто едет. Подчиняйся звездам на погонах!».

В 60-е годы положение, правда, несколько изменилось. Руководство Партии справедливости, учитывая печальный опыт своих предшественников, пыталось во что бы то ни стало «приручить» армию. Было повышено жалование офицерам. Создавались благоприятные условия для развертывания деятельности Армейского общества взаимопомощи. Приобщая военных к предпринимательству, руководители Партии справедливости стремились как-то притушить давнюю их вражду к крупной буржуазии.

Зная об определенных симпатиях к НРП в армейских кругах, Партия справедливости стремилась бороться с этим. Ряд сторонников НРП и лично И. Иненю были постепенно уволены из армии. При С. Демиреле на многие командные посты была выдвинута молодая плеяда высших офицеров, отнюдь не поддерживающих НРП.

Все эти меры лишь частично способствовали осуществлению поставленной Партией справедливости цели. Лишь часть генералитета турецкой армии обогатилась на предпринимательской деятельности, сомкнулась фактически с крупной буржуазией и поддерживала Партию справедливости. Подчинить же целиком офицерский корпус своему влиянию правящей партии не удалось.

Все это объясняло, почему после меморандума в политических кругах Анкары были предположения, что военные сделают ставку на Народно-республиканскую партию. Однако этого не произошло. Угасли симпатии в массе офицеров к НРП, которую они отождествляли ранее в своем сознании с самим К. Ататюрком и его принципами. НРП довольно долго находилась у власти и имела все возможности доказать на деле свою верность этим принципам. Однако ее политика ненамного отличалась от политики Партии справедливости. Наря-

ду с этим ослабили связи военного командования с Народно-республиканской партией.

Уже на следующий день стало ясно, что предсказания относительно возможности выдвижения кандидатуры И. Иненю на пост премьер-министра лишены оснований.

В первые дни после меморандума, когда еще не прояснились намерения военного командования, лидеры политических партий, естественно, говорили о том, что их больше всего волновало. Правые партии благодарили Аллаха за то, что генералы ограничились лишь требованием отставки правительства, никого не арестовали и не разогнали меджлис. Все партии, естественно, хотели немедленных выборов, чтобы армия отошла от политики, а им, наоборот, была предоставлена возможность заниматься ею.

При этом Партия справедливости втайне надеялась, что она, опираясь на связи с крупной буржуазией и, следовательно, на ее финансовые возможности, а также используя свою обычную демагогию об обеспечении процветания каждому, вновь сумеет собрать большинство голосов и занять ведущее место в парламенте. Таким образом, думали руководители ПС, будет еще раз продемонстрирована «воля нации» и тогда армия ничего уже не сможет сделать.

Народно-республиканская партия, вспоминая об опыте переворота 1960 года, в результате которого она пришла к власти, надеялась, что вмешательство военных изменит соотношение сил в ее пользу и на очередных парламентских выборах именно она соберет наибольшее число голосов и сформирует свое правительство. Правда, часть руководства НРП во главе с тогдашним ее генеральным секретарем Бюлентом Эджевитом резко осудила акцию военного командования, считая, что это нарушение демократии и что и без того НРП на ближайших выборах обеспечила бы себе победу.

Малые партии, выступая за проведение немедленных выборов, желали вместе с тем изменения избирательного закона, что обеспечило бы им большее представительство в парламенте и возможность участия в каком-то коалиционном правительстве. Они надеялись достичь этого с помощью генералов.

Меморандум военного командования родился не сра-

зу. Ему предшествовала цепь событий в армии. В феврале — марте жители Анкары могли наблюдать оживление, царившее у здания Генерального штаба турецкой армии. Нам не раз приходилось проходить мимо этого здания, находящегося в той части города, где располагается большинство министерств и которая так и называется «Баканлыклар» («Министерства»). У Генштаба постоянно скапливалось много машин, непрерывным потоком входили и выходили люди. Однако, видимо, мало кто знал, какие продолжительные и напряженные совещания не военного, а политического характера проходили в те дни в Генштабе.

Газеты тогда почти не писали об этом. На их страницы просачивались лишь отдельные скудные сообщения. После 12 марта газеты помещали уже больше материалов о политической деятельности в армии. Из этих материалов, а также из бесед можно приблизительно воссоздать картину того, как готовился и появился на свет меморандум 12 марта.

Еще в феврале наблюдалась вспышка политической активности среди офицерства. Активная деятельность левых организаций, студенческие выступления, безусловно, отражались на молодых офицерах. Последние были связаны духовно, а иногда и непосредственно с левой интеллигенцией и студентами. В казармах и военных служебных помещениях не раз находили прогрессивную литературу, в том числе коммунистическую. Ну, а этого командование боялось пуще смерти. В начале февраля в офицерском клубе в Анкаре был проведен даже цикл лекций против коммунизма.

В январе — феврале командующий военно-воздушными силами генерал Батур направил президенту две памятные записки, где выражалось беспокойство в связи с развитием политических событий в стране. Тогда было ясно, что в армии продолжают существовать два политических течения, те самые, которые существовали и в период подготовки военного переворота 1960 года, и после него — молодые радикальные офицеры и консервативный генералитет. Динамичная часть армии — молодые офицеры — готовилась к решительным действиям. Командование же считало, что пока надо ждать, что предпримет правительство. Именно такая точка зрения была высказана в специальном послании тогдаш-

него начальника Генштаба генерала Тагмача по случаю курбан-байрама в феврале 1971 года.

Тем не менее напряжение в армии продолжало нарастать, и командование чувствовало это.

3 марта в помещении штаба военно-воздушных сил (видимо, потому что именно офицеры ВВС проявляли наибольшую политическую активность) была собрана большая группа офицеров, и начальник Генерального штаба настойчиво убеждал их не проявлять излишнего волнения и не выступать с какой-либо политической инициативой.

Однако активность радикальных офицеров росла, несмотря ни на какие призывы начальника Генерального штаба к спокойствию. Учитывая создавшуюся в стране обстановку острого кризиса, радикалы намеревались осуществить то, что не удалось сделать после военного переворота 1960 года,— взять власть в свои руки и, надеясь на политические партии и парламент, самим приступить к осуществлению реформ. По сведениям, которые стали известны только после опубликования меморандума, радикальные офицеры провели большую подготовку к военному перевороту.

Однако планы молодых офицеров не остались тайной для командования. Последнее приняло меры к тому, чтобы не допустить выступления офицеров 9 марта. С этой целью, в частности, командование решило провести внеочередное заседание Высшего военного совета. Этим заседанием командование хотело убедить радикалов отложить вооруженное выступление, а сначала совместно с ним, командованием, обсудить создавшееся положение. В сложной обстановке командование не могло пойти на открытый конфликт с радикалами внутри армии, оно маневрировало, с тем чтобы перехватить инициативу.

10 марта открылось заседание Высшего военного совета. Никогда еще оно не было таким представительным, как в этот раз. Кроме руководства Генерального штаба и командующих родами войск на нем присутствовали командиры многих частей и соединений из разных районов страны. Премьер-министр, вопреки установившейся практике, не был приглашен на заседание. С большой речью выступил начальник Генерального штаба М. Тагмач. Как и на совещании 3 марта, он

вновь заявил, что армия не должна выступать против конституции, что она должна быть преданна своим командирам и верить, что не может быть решения вопроса вне существующей парламентской системы.

Участники заседания пришли к общему мнению, что правительство не в состоянии руководить страной и должно уйти в отставку. Этим, как считало командование, и следует ограничиться, не поднимая руку на парламент. Представители же радикалов, приглашенные на заседание, отстаивали свою точку зрения, говоря, что армия должна взять власть в свои руки. Какого-либо общего решения достигнуто не было.

На следующий день, 11 марта, заседание продолжало свою работу, но уже в другом составе. На этот раз собрались лишь представители командования. Они достигли своей цели. Попытка радикальных офицеров организовать вооруженное выступление была нейтрализована. Вместо этого радикалов пригласили на заседание Высшего военного совета и дали им возможность высказаться. Тем самым командование армии взяло инициативу в свои руки. Нужная генералам формула — «если армия выступит, то она должна выступить как единое целое» — была соблюдена. Она означала, что любая политическая акция армии должна осуществляться с ведома командования и под его руководством. Собравшись 11 марта в узком составе, генералы, уже не боясь каких-либо неожиданностей со стороны радикально настроенных офицеров, обсудили создавшееся положение и пришли к выводу, что необходимо в форме меморандума потребовать отставки правительства С. Демиреля.

Таким образом, все недовольство в армии сложившейся в стране обстановкой и готовившийся переворот вылились лишь в отставку правительства, что, разумеется, не могло успокоить радикалов, а, наоборот, усилило их раздражение. Командование армии понимало это. Теперь, опубликовав меморандум и окончательно овладев положением в стране, оно могло принять энергичные меры против радикалов. 17 и 18 марта в печати появилось сообщение об увольнении из армии или переводе из столицы в провинцию более ста офицеров. Официально это мотивировалось «неподчинением по команде». Однако ни для кого не составляло секрета,

что речь шла о радикально настроенных офицерах, выступавших за вооруженный захват власти армией. Очень примечательно то, что меры военного командования против этих офицеров приветствовались и поддерживались в определенных политических кругах Анкары. В этом вопросе армейское командование и буржуазно-помещичьи партии выступили единым фронтом.

Выйдя на авансцену политической жизни, армейское командование оказалось в очень трудном положении в рамках той позиции, которую оно само себе определило. Добившись отставки правительства Партии справедливости, оно решило оставить меджлис в том составе, в каком он существовал до меморандума. Но большинство в меджлисе принадлежало к Партии справедливости, которая являлась ярым врагом всякого вмешательства армии в политику и лидер которой, С. Демирель, только что по требованию армии подал в отставку с поста премьер-министра. Такое положение обуславливало то, что меджлис неизбежно встанет на пути любых конструктивных шагов военного командования, за исключением, быть может, мер, направленных против деятельности левых организаций. Последовавшие за меморандумом события показали, что так и получилось.

* * *

Мы покидали Турцию, когда волнение, вызванное меморандумом командования армии и отставкой правительства, несколько улеглось. Было ясно, однако, что это еще не выход из того политического кризиса, в котором оказалась страна. Все задавали себе вопросы: Что будет дальше? В каком направлении будут развиваться события? Какие новые шаги предпримет армия?

В моем сознании политические изменения, имевшие место в марте, не вставали каким-то непреодолимым барьером между тем, что было до этого, и тем, что будет дальше. Уезжая из Турции, я вновь перебирал в памяти свои встречи и беседы, состоявшиеся на турецкой земле. Вспомнились преподаватели университетов, бурные водовороты студенческих демонстраций, случайные, никем не планировавшиеся разговоры на улицах турецких городов, строительные площадки вновь сооружаемых заводов, где рука об руку с турецкими

рабочими и инженерами трудились советские специалисты, беседы на этих стройках с турецкими администраторами, инженерами и техниками.

И тогда создавалось впечатление, что у этих встреч и бесед, состоявшихся при разных обстоятельствах, в самых различных концах страны, есть нечто общее, что их объединяет. Это — ясно выражавшееся желание видеть свою страну независимой, демократической и развитой экономически, желание жить в мире и добрососедстве с Советским Союзом, большая благодарность ему за оказанную и оказываемую экономическую поддержку. Хотелось верить, что это желание станет определяющим фактором в жизни страны.

он привлек наше внимание к синевшей на востоке гряде гор. «На этой стороне гряды,— сказал он,— турецкая пограничная застава, а на той — уже ваша».

Опасная дорога

Расстояние от Хопы до Артвина — около 70 километров, но это самый трудный участок пути. Дорога здесь представляет собой узкую извилистую каменистую полосу, лепящуюся по крутым склонам гор. К тому же небо затянуло облаками, начал моросить дождь. Дорога сделалась скользкой, и езда по ней превратилась в опасное предприятие. К тому же здесь нет никаких дорожных знаков и абсолютно отсутствуют ограждения, даже на самых опасных участках. Так что приходится в полном смысле слова отдавать свою судьбу в руки водителя. Глядя на нашего парня-шофера, ухитрявшегося с необыкновенной ловкостью вести свой «додж» по этой немислимой дороге, я вспомнил читанный когда-то рассказ Самима Коджагёза «Шофер мирового класса». Чем-то наш шофер напомнил мне героя рассказа, который вел свой выдавший виды грузовичок по тяжелой горной дороге, и азарт и удаля у него отлично сочетались с мастерством и расчетом.

Уже смеркалось, когда мы преодолевали последний участок пути, поэтому трудно было рассмотреть окрестности. В сумерках были видны лишь огромные горные вершины, сливавшиеся с серым небом. Горные хребты здесь вытянуты в основном с юго-запада на северо-восток. Когда же находишься в горах, то кажется, что кругом — хаотическое нагромождение скал. Последняя часть нашего пути пролегла вдоль ущелья, в котором неугомонно шумела довольно большая и бурная река Чорох. В Артвин приехали поздно вечером. Погода окончательно испортилась, лил дождь.

На строительстве завода древесноволокнистых плит

Не лучше была погода и на следующий день. Он был серый, тусклый. Из клубящихся между гор туч лил дождь, а временами сыпался и снег. Строительство за-

Арвин.

На строительстве завода древесноволокнистых плит

вода древесноволокнистых плит развернулось на небольшой площадке в ущелье. С одной стороны она ограничена рекой Чорох, с другой — скалами. Река в этом месте уже одета в аккуратные гранитные берега. Рядом с территорией строительства сооружены и радуют глаз чистыми светлыми стенами дома для инженерно-технического персонала, а также здание будущего заводоуправления. Администрация строительства размещалась пока в деревянном барাকে. На строительной площадке тщательно было сложено поступившее из Советского Союза оборудование будущего завода. Позже турецкие инженеры рассказали, что при транспортировке оборудования возникли большие трудности из-за плохого состояния дороги. Глядя на некоторые крупногабаритные детали, они сами удивлялись, как смогли их сюда доставить.

Очень хотелось сфотографировать всю панораму строительства, и я попросил шофера, который вез нас накануне, подняться немного вверх по дороге по ту сто-

рону реки. Он охотно согласился. Однако гравий на дороге скоро кончился, и, когда колеса «доджа» заскользили по размытой дождем глине сельской тропы над бешеными мутными водами Чороха, я уже жалел о своей просьбе. Однако все обошлось благополучно, нам даже удалось развернуться на этой тропе. К тому же и снимок, как потом оказалось, вышел вполне приличным.

Склоны окрестных гор, словно густой шерстью, поросли лесом, так что сырья для нового завода достаточно. Вообще леса покрывают 23 процента территории Турции. В основном они растут в восточных горных районах, а также на побережье Черного, Мраморного и Эгейского морей. Внутренние районы страны безлесны.

В последние годы правительство принимает меры по сохранению лесов и развитию лесного хозяйства. При этом страна испытывает острую нужду в квалифицированной технической помощи в этой области.

Несмотря на сравнительно большую площадь под лесами, деревообрабатывающая промышленность страны развита слабо. Можно привести пример с лесопильными предприятиями. Их в стране насчитывается около шести тысяч. Казалось бы, внушительная цифра. Однако почти все они представляют собой мелкие частные полукустарные мастерские, дающие мизерную продукцию. Лишь четырнадцать лесопилок принадлежат государству, их только и можно в полном смысле слова назвать фабриками. Они дают десять процентов производимых в стране пиломатериалов. Неразвитость деревообрабатывающей промышленности хорошо видна и на примере производства бумаги. Это в Турции остродефицитный товар. Ежегодно страна вынуждена расходовать валюту на импорт бумаги.

В государственных экономических организациях прекрасно понимают, что более полное использование лесных богатств путем развития деревообрабатывающей промышленности могло бы создать возможность не только для сокращения импорта, но и для экспорта некоторых видов продукции. Ведь конъюнктура на европейском рынке такова, что он мог бы легко поглотить большое количество полуфабрикатов и готовых изделий из дерева. Поэтому в Турции сейчас стремятся наряду с развитием лесного хозяйства обеспечить и развитие

деревообрабатывающей промышленности. В 1969 году Высший совет планирования принял специальное постановление о развитии лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности. Постановлением этим предусматривается не только удовлетворение внутренних потребностей страны в лесоматериалах, но и превращение их в одну из важных статей экспорта.

В Турции начато уже строительство нескольких предприятий деревообрабатывающей промышленности в госсекторе. При этом обращается внимание и на развертывание производства древесностружечных и древесноволокнистых плит. Этот вид продукции является сравнительно новым и завоевывает все более прочные позиции в строительстве в связи с дешевизной и широким диапазоном применения. Производство такой продукции в Турции впервые было налажено около полутора десятков лет тому назад. В 1970 году в стране действовали три завода древесноволокнистых плит. Производство таких плит в связи с большим спросом на них постоянно возрастает. Так, в 1962 году было произведено около 13 тысяч тонн древесноволокнистых плит, а в 1969 году — уже 38 тысяч тонн.

Сооружаемый при содействии Советского Союза завод древесноволокнистых плит в Артвине будет давать 28 тысяч тонн продукции в год. Как видим, с пуском завода производство древесноволокнистых плит резко возрастет. Создаются гораздо более широкие возможности для удовлетворения внутренних потребностей страны в этом виде продукции и для перехода в дальнейшем к частичному ее экспорту.

Шефик Ногут — энтузиаст своего дела

В управлении строительства завода, куда мы направились на следующее утро после нашего приезда, состоялось интересное знакомство с начальником строительства — молодым инженером Шефиком Ногутом, уроженцем Трабзона. В 1962 году он окончил лесной факультет Стамбульского университета. С Шефиком Ногутом мне потом приходилось много беседовать, и с каждым разом крепло первое впечатление от этого мо-

лодого турецкого специалиста, человека выдержанного и скромного, но знающего свое дело и уверенного в себе. Пожалуй, его можно назвать типичным представителем той административно-технической интеллигенции, которая работает на предприятиях и в учреждениях госсектора и искренне верит в необходимость развития и совершенствования государственного предпринимательства как неременного условия независимого экономического развития Турции.

Беседа наша началась с того, что Шефик Ногут высказал свое мнение о кредите, предоставленном Советским Союзом на строительство ряда промышленных предприятий, в том числе и завода в Артвине. Он особенно подчеркнул, что условия кредита чрезвычайно благоприятны для Турции. «Этот кредит имеет большое значение для экономики нашей страны,— сказал Шефик Ногут,— потому что Советский Союз оказывает таким образом содействие в строительстве очень важных для нас промышленных предприятий».

«Мы,— добавил он,— должны быть благодарны за такой кредит. Мы никогда не получали таких кредитов от США. Их экономическая помощь не принесла нам пользы, она предоставлялась на невыгодных для нас условиях. Специалисты из США и других западных стран обходятся нам дорого, а разве можно сравнить их работу с работой ваших специалистов, которые относятся к делу с душой и действительно помогают нам!»

Шефик Ногут рассказал, что в окрестных лесах уже существуют лесоразработки. Сырья для строящегося завода более чем достаточно. Однако валка леса и его транспортировка осложняются недостатком механизмов и особенно плохим состоянием дорог. Новый завод создает стимул для расширения лесоразработок, в связи с этим разворачивается и дорожное строительство. В дальнейшем возможно и целесообразно расширение завода. «Расширение это,— говорит Шефик Ногут,— на мой взгляд, может вестись в двух направлениях. Во-первых, можно увеличить выпуск древесноволокнистых плит. Во-вторых, можно расширить ассортимент продукции, например изготавливать древесностружечные плиты, да и другие изделия».

«Строительство завода здесь,— продолжал Шефик Ногут,— очень своевременно и будет иметь колоссальное

значение для нашего района. Занятость населения в вилайете Артвин очень низкая, так как промышленности здесь фактически нет, а сельское хозяйство развито слабо. На заводе будут трудиться около пятисот рабочих из Артвина и его окрестностей. Это в какой-то мере позволит ликвидировать безработицу в здешних местах, но, конечно, не полностью. При необходимости мы могли бы найти полторы тысячи рабочих и больше. Но пока мы делаем первый шаг, и уже это имеет большое значение».

После беседы в управлении строительства мы побывали на стройплощадке завода. Здесь шла подготовка к началу основных работ. К площадке были подведены дороги, проложены трубопроводы и другие коммуникации. Грузовики подвозили песок, цемент, кирпич, металлическую арматуру, необходимое оборудование.

Артвин

Во второй половине дня мы поднялись в Артвин. Город находится в нескольких километрах от строительства, однако понятия о пространстве, привычные для равнинной местности, в горах меняются. Поэтому правильнее сказать именно «поднялись», потому что Артвин находится не в стороне, а над строительной площадкой. Стоя в ущелье, достаточно поднять голову, чтобы увидеть город, который буквально висит на крутом склоне горы. Летом здесь краски ярче, чем зимой. Турецкий поэт имел в виду, видимо, именно это время года, когда сравнивал Артвин с пестрым ковром, развешанным на склоне горы.

Строительная площадка соединена с городом асфальтированной дорогой, которая ползет вверх, извиваясь змеей. Артвин тихий, ничем не примечательный городок, хотя и является центром вилайета. Среди огромных гор, да еще в зимнюю ненастную пору, он выглядит совсем маленьким и затерянным. Улицы в городе узкие, расположенные уступами. Неторопливо бредут пешеходы. Признаков жизни мало, словно городок впал в зимнюю спячку. В Артвине мы побывали в управлении лесного хозяйства вилайета (по приглашению начальника управления господина Ахмеда Догру). Все

в этом учреждении говорило о том, что оно играет здесь видную роль. Это понятно, ибо лесное хозяйство является, собственно, основной отраслью экономики района.

Официальная обстановка в кабинете начальника управления, холодная вежливость и сдержанность его хозяина создавали впечатление, что беседа будет короткой и формальной. Однако впечатление это оказалось ошибочным. «Я знаю,— сказал господин Догру,— условия, на которых нам предоставлен кредит Советским Союзом. Этот кредит очень полезен для Турции. Он помогает развивать важные для экономики страны отрасли промышленности». Ахмед Догру подчеркнул также мысль, что сырья для завода древесноволокнистых плит вокруг достаточно, так что место для строительства выбрано удачно. «Мы,— сказал он,— заинтересованы в скорейшем пуске завода, но это уже находится в компетенции анкарских властей. Вообще завод в Артвине важен не только с точки зрения развития деревообрабатывающей промышленности, он окажет заметное влияние на всю экономику здешнего края».

Действительно, говоря о сооружении при содействии Советского Союза завода в Артвине, было бы неправильно сводить все дело к его роли в развитии деревообрабатывающей промышленности. Завод приобретает особое значение в связи со спецификой восточных районов Турции. Об этом нам не раз приходилось слышать в Анкаре и теперь самим на месте убеждаться в этом. Дело в том, что восточные районы экономически наименее развиты в Турции. Промышленность здесь представлена в основном мелкими предприятиями полукустарного типа. Весьма слаба энергетическая база, плохо развит транспорт. Завод древесноволокнистых плит невелик по размеру, однако в здешних условиях он станет крупнейшим промышленным предприятием. Его сооружение влечет за собой целый комплекс других строительных работ. Новому заводу нужна энергия, и по диким горам зашагали мачты для проводов высокого напряжения. Строится линия электропередачи от Хопы до Артвина, мы видели ее почти законченной. Завод, как говорили нам в Артвине, заставляет увеличить добычу леса, а это связано с необходимостью механизации лесоразработок. Раньше мирились с тем, что единствен-

ная автомобильная дорога, связывающая Артвин с Черноморским побережьем, находится в плохом состоянии. Теперь на повестку дня поставлен вопрос о ее реконструкции. Строительство линии электропередачи и реконструкция дороги создают предпосылки для дальнейшего промышленного развития. Господин Догру говорил нам, в частности, что в Артвинском вилайете, возможно, будет построена бумажная фабрика.

Отсталость восточных районов Турции приобрела настолько явный характер, что турецкие государственные организации, в частности Госплан, вынуждены специально заниматься разработкой комплексных мероприятий по развитию этих районов. Однако осуществление таких мероприятий наталкивается на недостаточность экономических и технических возможностей. Поэтому содействие Советского Союза в строительстве завода в Артвине приобретает особое значение, так как способствует решению важной задачи — преодоления экономической отсталости востока страны.

Вечером, после беседы с начальником управления лесного хозяйства, нас пригласили в местный клуб. Артвин — затерянный в горах уголок, развлечений здесь мало. Поэтому, чтобы скоротать долгие зимние вечера, местные чиновники, интеллигенты, деловые люди собираются в клубе. Помещение клуба довольно просторное. В главном зале — столики, диваны. Есть бар со стойкой. Правда, как мне объяснили, бармен появляется здесь только по праздникам, в остальные дни собравшиеся обходятся без горячительных напитков. Жарко горит древесный уголь в чугунных печурках, при помощи которых здесь отапливают все помещения. В зале одни мужчины: все-таки чувствуется Восток. В обычные дни женщин в клубе не бывает. Мужчины беседуют, играют в карты. По праздникам здесь собираются семьями. У завсегдатаев еще свежи в памяти воспоминания о недавней встрече Нового года, которая была организована в клубе и прошла, как говорят, очень весело.

Мы вновь беседуем с господином Догру и сотрудниками его управления. К нам подсаживается полковник, начальник местного гарнизона. Он интересуется гостями из Москвы: ведь не так часто они сюда заезжают, хотя до Советского Союза — рукой подать. Полковник — пожилой мужчина, с сединой на висках, но глаза у него

молодые, живые, с хитринкой. Он осведомляется, как идет строительство завода, когда оно будет завершено. Теперь в городе все этим интересуются.

После традиционного чаепития выходим из клуба вместе с Шефиком Ногутом и тремя молодыми инженерами с лесоразработок. Наши новые знакомые предлагают поужинать вместе, и мы охотно принимаем приглашение. Нас ведут в небольшой ресторан, который, кажется, повис на уступе скалы. Уже давно стемнело, и снизу доносится рев Чороха, да мерцают огни стройки. Завязывается удивительно непринужденная и теплая беседа. Я никогда не думал, что именно здесь, на крайнем востоке Турции, можно встретить столько искреннего дружелюбия. Наши молодые собеседники рассказывают о своей работе, о ее трудностях, связанных с бездорожьем и дикостью здешних краев. Никакой настороженности или скованности! Турецкие инженеры прямо говорили, что они приветствуют сотрудничество с Советским Союзом и дружбу между нашими народами.

Один день в Трабзоне

На следующий день ранним утром на том же «додже» тронулись в обратный путь. Вместе с нами едет и Шефик Ногут, которого вызвали в министерство лесного хозяйства. Дорога та же, но как все преобразилось под лучами яркого солнца! Ослепительно блестят снежные вершины. Мысленно сравниваю здешний пейзаж с южным хребтом Торос. Впечатление такое, что здесь горы более могучие и более суровые. Первые дни марта, но весна уже чувствуется. На деревьях свежие ярко-зеленые листочки. Первые цветы распустились на пригретых солнышком пригорках. Везде бурлят ручьи — началось таяние снегов. Это видно и по Чороху, вдоль которого мы едем. Река вздулась, вода ее сделалась коричневой. Чорох впадает в Черное море уже на территории Советского Союза, и местные жители шутят: «Река уносит к вам плодородную почву».

Крестьянам здесь приходится туго, и дело, разумеется, не в бурном нраве реки. На нашем пути встречаются селения, в которых все говорит о бедности. На склонах гор лепятся крохотные клочки обработанной

Восточный Тавр

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О г а в т о р а	3
В Анкаре	5
Музей Ататюрка	5
В Средневосточном техническом университете	7
В Турецком электрическом обществе	16
Деловой банк	17
В Госплане Турции	21
Заботы мелкого буржуа	23
Жемчужина Средиземноморского побережья	25
В гостях у турецкого писателя	28
В Эгейском университете	30
Неврез Гекче — торговец табаком и фруктами	32
Четвертый нефтеперерабатывающий завод в Алиага	35
На развалинах древнего Эфеса	44
В Сейдишехире на строительстве алюминиевого завода	53
Город и стройка	53
Курбан-байрам	60
Конья — столица сельджуков	61
На юге Турции — в Искендеруне	69
Дорога на юг	69
В Мерсине	72
На строительстве металлургического завода	75
В самом южном уголке Турции	86
Стамбул, старый и новый	89
Голубая мечеть	90
Христианский храм Ая-Софья	93
Во дворце турецких султанов	95
Долмабахче — маленький Версаль	97
Восточный базар «Капалы чаршы»	100
На берегу Босфора	103
Старый стамбулец Музаффер-бей	105
Разговор с бывшим министром	109
Студенты Стамбула	110
В редакции журнала	112
В Стамбульском университете	113

На востоке страны	117
Полет над Тавром	117
Вдоль Черноморского побережья	118
Опасная дорога	121
На строительстве завода древесноволокнистых плит	121
Шефик Ногут — энтузиаст своего дела	124
Артвин	126
Один день в Трабзоне	129
У берегов Мраморного моря	134
Проездом через Эскишехир	134
В Бандырме на строительстве сернокислотного завода	136
Зеленая Бурса	140
Снова в Анкаре	145

Владимир Иванович Данилов

7000

КИЛОМЕТРОВ ПО ТУРЦИИ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор **Т. К. Гарушянц**. Младший редактор **Л. А. Добродеева**
Художник **А. В. Озеревская**. Художественный редактор **И. Р. Бескин**
Технический редактор **Т. А. Патеюк**. Корректоры **Л. М. Кольцина** и
В. С. Леаль.

Сдано в набор 4/III—1974 г. Подписано к печати 9/VII—1974 г. А-09053
Формат 84×108^{1/32}. Бум. № 2. Печ. л. 5,0. Усл. п. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,34
Тираж 15000 экз. Изд. № 3396. Зак. № 565. Цена 25 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Тилография изд-ва «Коммунар»
Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.

230
16
Цена 25 коп.